

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ

Материалы круглых столов

Выпуск 1

Министерство образования и науки Российской Федерации
Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»
Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

**Языковая политика
Российской Федерации
и положение русского языка в мире**

Материалы круглых столов

Выпуск 1

Москва
2017

УДК 811.161.1'272
ББК 81.21(2Рос)я431
Я 41

Издание подготовлено за счёт средств гранта в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы

Составители Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова

Я 41 **Языковая** политика Российской Федерации и положение русского языка в мире. Материалы круглых столов. Выпуск 1. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2017. – 264 с.

В сборник вошли материалы трех открытых круглых столов по вопросам современной языковой политики РФ и положения русского языка в мире, проведенных Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества с участием ведущих зарубежных экспертов в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы.

УДК 811.161.1'272
ББК 81.21(2Рос)я431

ISBN 978-5-91515-071-7

© Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2017

Содержание

Предисловие	4
Круглый стол в рамках XX ежегодного фестиваля журналистов «Вся Россия» (Дагомыс, 27 сентября 2016 г.) ..	9
Круглый стол в ИТАР-ТАСС (Москва, 17 ноября 2016 г.).....	83
Сессия I. Открытие круглого стола.....	87
Сессия II. Тематическая дискуссия «Проблемы сохранения и продвижения русского языка в современном мире»	128
Сессия III. Тематическая дискуссия «Сохранение и развитие многоязычия в России и в мире»	161
Круглый стол в рамках V Санкт-Петербургского международного культурного форума (Санкт-Петербург, 2 декабря 2016 г.)	181
Сессия I.....	184
Сессия II.....	220

Предисловие

В современном глобализованном мире важнейшие показатели авторитета и суверенитета любой страны – это сохранение собственного государственного языка, его востребованность и распространенность за рубежом. Поэтому продвижение русского языка, русской культуры и образования на русском языке на международной арене рассматривается Российской Федерацией в качестве одного из основных инструментов реализации своих стратегических внешнеполитических интересов, расширения культурно-гуманитарного сотрудничества, обеспечения образовательного, научного, культурного и информационного влияния России в мире.

На русском языке созданы великая литература, наука, одна из лучших в мире систем образования. Между тем в последние десятилетия проявились и продолжают сохраняться тревожные тенденции снижения интереса к русскому языку и сужения сфер его применения в ряде стран и регионов, в том числе и там, где для значительной части населения он является родным. Для многих соотечественников все острее становится проблема получения детьми образования на русском. Во многих зарубежных странах преподаватели русского языка как родного и как иностранного практически лишены поддержки государственных органов образования: не устраиваются курсы и семинары повышения квалификации, не выделяются средства на повышение профессиональной квалификации русистов, закупку современной учебной и методической литературы и др.

В целях противодействия существующим негативным факторам и усиления позитивных тенденций Российской Федерации необходимо проводить активную политику, в том числе информационную, формировать и реализовывать системную деятельность по поддержке и продвижению русского языка за рубежом, прежде всего стимулировать инте-

рес зарубежной общественности, особенно в подростковой и молодежной среде, к русскому языку через широкие образовательные, научные, экономические и карьерные перспективы, открывающиеся в России, а также повышать мотивацию соотечественников, проживающих за рубежом, к сохранению своей этнокультурной и языковой идентичности.

Залогом эффективного развития этого направления деятельности является активное и массированное информационное сопровождение с использованием всех доступных каналов распространения информации, включая Интернет, телевидение, радио, массовые и профессиональные печатные и электронные СМИ, социальные сети, а также разнообразных форматов и платформ.

Очевидно, что опора для разработки активной, комплексной, научно обоснованной информационной политики в этой области – это исследования, экспертные обсуждения, совещания и прочие мероприятия, обеспечивающие распространение максимально полной базовой актуальной информации о положении русского языка в мире.

Одним из важных элементов такой политики стало проведение цикла открытых круглых столов, посвященных вопросам современной языковой политики РФ и положения русского языка в мире, с участием ведущих зарубежных экспертов, в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы (Направление 4 «Развитие открытого образования на русском языке и обучения русскому языку»).

Проект, реализованный силами Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегионального центра библиотечного сотрудничества по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации, был призван способствовать повышению осознания российскими и зарубежными экспертами, а также всем российским обществом масштаба и сложности стоящих перед Россией

проблем в деле сохранения русского языка и его продвижения за рубежом.

Проект был нацелен на:

- усиление и развитие предпосылок для повышения эффективности государственной политики и системной деятельности России в области продвижения русского языка за рубежом;
- комплексное осмысление экспертным сообществом целей и задач языковой политики России, объективных и субъективных проблем ее реализации, способов преодоления этих проблем;
- популяризацию достижений языковой политики России внутри страны и ее дальнейшее совершенствование;
- выявление проблем формирования и реализации информационной политики по сопровождению деятельности России, направленной на сохранение и продвижение русского языка;
- определение путей решения проблем формирования и реализации информационной политики по сопровождению деятельности России, направленной на сохранение и продвижение русского языка;
- продвижение открытого образования на русском языке и обучения русскому языку;
- содействие совершенствованию образовательных ресурсов на русском языке; укреплению престижа специалистов, вовлеченных в сохранение и продвижение русского языка;
- содействие формированию положительного имиджа России.

В рамках проекта в 2016–2017 годах проведено 5 круглых столов. В данном сборнике представлены материалы трех из них.

Первый круглый стол состоялся 27 сентября 2016 года в Дагомысе (Сочи) в рамках XX фестиваля журналистов «Вся Россия», второй – 17 ноября в Москве в ИТАР-ТАСС, третий – 2 декабря в Санкт-Петербурге в рамках V Санкт-Петербургского международного культурного форума.

В работе круглых столов приняли участие российские и зарубежные эксперты – представители органов власти, в компетенцию которых входят вопросы образования, культуры, науки, книгоиздания, книгораспространения, СМИ, коммуникации и информации, межнациональных отношений, взаимоотношений с соотечественниками; дипломаты; представители учреждений образования, науки и культуры; деятели науки – лингвисты, этнолингвисты, социолингвисты, этносоциологи, этнополитологи, культурологи; руководители центров русистики и другие организаторы преподавания на русском языке и обучения русскому языку в зарубежных странах, прежде всего в странах БРИКС, СНГ, ШОС; авторы учебников по русскому языку и литературе; создатели онлайн-ресурсов по русскому языку; писатели и журналисты, освещающие проблематику русского языка; представители институтов гражданского общества и широкой общественности.

За счет этого удалось наметить новые стимулы для поддержания русского языка и русскоязычных школ в зарубежных странах; выявить средства укрепления статуса русского языка как языка международного общения, а также мотивации к изучению русского языка. Участники круглых столов обсудили способы сохранения русского языка и русской культуры в сообществе соотечественников, проживающих в странах ближнего и дальнего зарубежья, и средства повышения престижа профессии преподавателя русского языка за рубежом. Всё это способствовало развитию предпосылок для совершенствования, усиления и активизации политики РФ в сфере сохранения и продвижения русского языка на всех уровнях, активизации информационной политики России в сфере

продвижения русского языка, совершенствования методов консолидации и координации участников этой деятельности в России и на международном уровне.

Материалы круглых столов могут быть использованы для подготовки методологических пособий как во внутренней, так и во внешней языковой политике РФ, в осуществлении всех направлений деятельности по продвижению русского языка и в мониторинге этой деятельности.

Е. И. Кузьмин

*заместитель председателя
Межправительственного совета
и председатель Рабочей группы
по многоязычию в киберпространстве
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»,
председатель Российского комитета
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»,
президент Межрегионального центра
библиотечного сотрудничества*

**Круглый стол
«Языковая политика
Российской Федерации
и положение русского языка в мире»**

**в рамках XX ежегодного фестиваля журналистов
«Вся Россия» (Дагомыс, 27 сентября 2016 г.)**

Участники круглого стола

Ажгихина Н. И., секретарь Союза журналистов России (Москва, Российская Федерация)

Бадякина Е., независимый журналист (Моздок, Северная Осетия, Российская Федерация)

Дзюбинская С. А., начальник отдела периодической печати Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Москва, Российская Федерация)

Кузьмин Е. И., заместитель председателя Межправительственного совета и председатель Рабочей группы по многоязычию в киберпространстве Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества (Москва, Российская Федерация)

Мурована Т. А., программный специалист Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (Москва, Российская Федерация)

Тамим Э. М., руководитель Ассоциации содействия и развития молодежи Афганистана (Кабул, Афганистан)

Тодорова С., председатель Союза болгарских журналистов (София, Болгария)

Трубина Л. А., проректор, директор Института филологии, заведующая кафедрой русской литературы Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

Халидов Д. Ш., советник главы Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация)

Щербаков А. В., декан филологического факультета Института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Российская Федерация)

Юшквичюс Г. З., советник Генерального директора ЮНЕСКО (Париж, Франция)

Н. И. Ажгихина

Впервые на фестивале в Дагомысе Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и его председатель Евгений Иванович Кузьмин со своей командой. У нас большие совместные планы, мы очень рады и надеемся, что это сотрудничество поможет нам повысить качество журналистики, качество звучащего, напечатанного, выпущенного в Интернет слова – это очень большая проблема, и мы думаем, что нас ожидает успех. С удовольствием передаю слово Евгению Ивановичу Кузьмину, который представит основных участников сегодняшней дискуссии и расскажет о ее порядке.

Е. И. Кузьмин

Добрый день, уважаемые коллеги. Мы вам очень рады. Мы считаем, что вы самые лучшие, самые ответственные, неравнодушные и болеющие за свое дело. Когда мы обговаривали это мероприятие и объясняли, что нам нужен зал минимум на сто человек и на целый день, один из руководителей Союза журналистов сказал: «Не стройте иллюзий. Журналисты – люди тщеславные, ленивые». И я его хорошо понял, потому что сам был журналистом и до 37 лет работал в «Литературной газете».

Чего мы хотим? Конечно, мы хотим донести до вас – как людей неравнодушных и интересующихся (раз уж вы сюда пришли) вопросами языковой политики многонациональной России и положения русского языка в мире – свои мысли, представления, имеющуюся у нас информацию. А еще серьезно поговорить с вами. Как без согласования с нами записало в программу руководство Союза журналистов, русский язык – великий и могучий. Я когда увидел это, сразу подумал: «Раз уж он такой великий и могучий, то почему он так быстро теряет свои позиции?» Вячеслав Никонов, председатель Фонда «Русский мир», сказал, что никогда в истории ни один язык так стремительно не терял своих позиций. За последние 20 лет наш великий и могучий язык потерял 20 миллионов говорящих на нем. Что делать?

С моей точки зрения, в языковой политике России можно выделить следующие основные сегменты. Во-первых, это русский язык как государственный. Русский язык в национальных республиках (наша страна многонациональна, и не все рождаются русскоговорящими). Дальше – языки коренных народов России. У нас уникальная страна, на ее территории используются 180 языков, и это не языки мигрантов, как в Канаде (Канада считает себя самой многоязычной страной – они говорят, что там 278 языков, но коренных языков из них всего 7, а у нас – 100). Еще один вопрос – это продвижение русского языка в мире. И я думаю, что мы должны начать говорить об иностранных языках в России. Нельзя удовлетворяться знанием только своего языка или двух языков в случае российских граждан, которые не являются этническими русскими (они билингвы, знают два языка). Жизнь показывает, что нужно изучать другие языки. Как у нас с этим обстоят дела?

Нам бы хотелось с вами посоветоваться. Мы мечтаем о живом, неформальном общении. Нам нужны ваши мнения, ваши суждения, ваши предложения, советы, ваша помощь в освещении этой темы, в привлечении к ней общественного внимания, в популяризации проблемы и в популяризации того, что делается в стране. Потому что на самом деле русские люди и вообще все россияне, на мой взгляд, в сравнении с другими народами мира очень плохо представляют свою собственную страну. Тому, конечно, есть свои причины: мы мало ездили за границу, тридцать лет назад дико идеализировали весь окружающий мир. Сейчас уже, наверное, не так идеализируем, но тем не менее все равно на рациональном уровне знаний о том, какие у России плюсы, какие минусы, чего ни в коем случае нельзя потерять и что нужно усиливать, – таких знаний нам сильно недостает в сравнении с другими странами, особенно западными.

Перед вами сегодня выступят интересные, высококвалифицированные специалисты, которые занимают первые позиции в соответствующих секторах. Я представляю их.

Людмила Александровна Трубина, проректор Московского педагогического государственного университета, головного педагогического вуза страны; Андрей Владимирович Щербаков, декан факультета филологии Института русского языка имени А. С. Пушкина, головного учреждения, перед которым стоит задача продвижения русского языка в мире; Татьяна Анатольевна Мурована, много лет работавшая в ЮНЕСКО и ассоциированных структурах, бывшая замначальника Управления научного сотрудничества, молодежных и коммуникационных программ Россотрудничества, сейчас сотрудник московского Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании; Сергей Дмитриевич Бакейкин, заместитель председателя Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», исполнительный директор Межрегионального центра библиотечного сотрудничества – московской неправительственной организации, которая всем этим занимается.

Наш сегодняшний круглый стол – первое публичное мероприятие для журналистов. Эта проблематика обычно обсуждается на парламентских часах в правительстве, на заседаниях определенных комитетов в Госдуме, а вот народ пишущий, народ, формирующий общественное мнение, эту тему обсуждает, мне кажется, впервые, хотя я, конечно, специального анализа не проводил.

Реплика из зала

Всё очень хорошо, но только хотелось бы, чтобы это не осталось просто словами, чтобы всё, что мы говорим, нашло практическое применение. А то просто сейчас пообщаемся, выпустим пар – и всё.

Е. И. Кузьмин

Что значит «выпустим пар»? Мы обменяемся мнениями. Здесь присутствуют журналисты из разных регионов России,

со своим жизненным опытом, из разных стран – коллеги из Афганистана, из Болгарии. И потом, этот круглый стол проходит в рамках более крупного проекта – «Проведение круглых столов на тему языковой политики России и положения русского языка в мире». Сегодня у нас первая проба пера. Следующий круглый стол будет в ИТАР-ТАСС 17 ноября. Я вас на него приглашаю. Кто может приехать, скажите мне, мы направим вам приглашения. Я надеюсь, что там уже будет более высокий политический уровень – представители Госдумы, министерств, Администрации Президента, дипломаты, в том числе и зарубежные. Третий круглый стол будет в рамках Санкт-Петербургского культурного форума 2 декабря. Помимо проведения круглых столов, в рамках этого проекта запланирован выпуск двух сборников информационно-аналитических материалов по соответствующей проблематике. И если это всё будет собрано вместе, то это уже не только «пар», что-то останется и за пределами наших аудиторий, будет кому-то известно.

К нам пришел еще один выдающийся человек – Генрих Юшкявичюс. Он был одним из руководителей телевидения в Советском Союзе, потом занимал руководящий пост в ЮНЕСКО. Это человек, который фактически создал направление коммуникации и информации в ЮНЕСКО. Выдающийся человек, с которым я лично работаю почти двадцать пять лет. Первый в мире, кто поддержал мою идею создать компьютерную библиотечную сеть России. Я тринадцать лет был в Министерстве культуры начальником отдела библиотек, и мы в начале 90-х годов поставили перед собой такую задачу. В России все смеялись и говорили, что этого никогда не будет. Первым человеком, который это дело поддержал и сказал: «Вот этим и нужно заниматься», – был Генрих Юшкявичюс. Когда я приехал в Министерство культуры и заявил: «Вот вы не поддерживаете, не понимаете, а ЮНЕСКО поддержала», – мне сказали: «Ну, если ЮНЕСКО поддержала, тогда и мы будем поддерживать».

Итак, давайте начнем разговор.

Я полагаю, что обсуждение проблем русского языка стоит вести в контексте общей языковой ситуации в России. С одной стороны – это вежливо, а с другой – правильно. Потому что, повторюсь, языковая политика России не ограничивается проблемами только русского языка, хотя вопрос русского языка – один из ключевых, и по остроте с ним может сравниться только вопрос о языках народов России, которые находятся в опасности, а некоторые – на грани исчезновения в силу малочисленности их носителей. Если вы не возражаете, то я попробую за 10 минут изложить эту общую ситуацию. Ее, как показывает жизнь, люди не очень хорошо представляют. Зададим рамки. Давайте, я сейчас расскажу, потом выступят мои коллеги, и мы начнем живое обсуждение.

Моя презентация называется «Многоязычие: языковая политика в России». Создана она на основе изученных материалов и с учетом результатов нашей деятельности в рамках совместной работы России и ЮНЕСКО по продвижению языков в электронной среде, созданию языкового разнообразия в киберпространстве. В мире используется 7000 языков; по оптимистическим прогнозам к концу XXI века останется половина из них, по пессимистическим – только 10%. Остальные языки уйдут из нашей жизни.

О том, что Россия – страна многоязычная, почти не известно за пределами нашей страны. Раньше, когда существовал Советский Союз, наверное, многие в мире знали или как-то догадывались, что это была не просто огромная, но огромная многонациональная страна. Но, как я убедился в последнее время, очень мало людей и тогда отдавали себе в этом отчет, и сейчас осознают, что Россия (а по численности населения это половина Советского Союза) – тоже очень многонациональная страна. Во всяком случае, почти все из моих образованных зарубежных коллег, даже европейцы, именно от меня впервые и с искренним удивлением узнавали, что в России прожива-

ют не только этнические русские. Все европейцы понимают, что в России, как и в любой крупной стране, должно, по идее, находиться много иммигрантов. Они догадываются, что со времен Российской империи и Советского Союза на территории современной России может существовать много диаспор. Но их удивлению почти нет предела, когда я им говорю, что в России, кроме этнических русских, проживают еще 100 других коренных народов. Коренными народами России я называю те народы, которые или исторически сформировались в границах нынешней территории нашей страны, или преимущественно на ней проживают в течение многих столетий и при этом вне России не имеют ни государственных образований, ни больших ареалов расселения.

Поразительно другое – то, что даже и в нашей стране люди не отдают себе в этом отчета. Признаюсь, я и сам открыл для себя огромное языковое разнообразие России во всей его полноте сравнительно недавно – только в 2006 году, когда по просьбе Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО начал профессионально заниматься проблемами многоязычия в киберпространстве. Безусловно, все люди в России прекрасно знают, что страна у нас многонациональная. Но когда я спрашиваю у своих знакомых в России, даже у университетской публики, сколько же все-таки у нас в стране проживает коренных народов и на скольких языках они говорят, то чаще всего вижу на лицах растерянность. Точно почти никто не отвечает. Более того, даже наш президент Владимир Путин, год назад с гордостью говоря о том, что Россия сохранила и развивает языки почти всех своих коренных народов, считал необходимым добавить, что и он сам с удивлением узнал об этом совсем недавно.

У нас по-прежнему довольно хорошая система образования, и это известно во всем мире, у нас с детства изучают историю, географию, обществоведение, но на таком замечательном и знаменательном факте у нас почему-то не сосредоточиваются. Я считаю это огромным упущением. Мы привыкли гордиться на-

шей великой историей, нашими серьезными достижениями в искусстве, культуре, науке, в освоении космоса и в разных других сферах. Но только сейчас, как мне представляется, мы начинаем по-настоящему осознавать, что обладаем не только огромным культурным наследием, но и огромным культурным разнообразием. И только сейчас мы начинаем этим всерьез гордиться. А раньше на это как-то не обращали внимания, это казалось чем-то само собой разумеющимся: разве может быть иначе?

Сейчас, когда мы стали много ездить по миру и сравнивать Россию с другими странами, мы начинаем гораздо лучше понимать и больше ценить нашу собственную страну. Когда на политическом уровне в других странах, во всем мире мы слышим так много призывов к толерантности, к соблюдению прав национальных меньшинств, нам становится все более очевидным: Россия не просто толерантно относится к правам национальных меньшинств, а всячески, на протяжении всей своей истории, сознательно и целенаправленно – не на словах, а на деле – содействовала сохранению их культурной самобытности и идентичности, сохранению и развитию их языков.

Почти на всех языках коренных народов России у нас в стране издаются книги и периодика, осуществляется преподавание (по крайней мере в начальной школе), ведется теле- и радиовещание, создаются и развиваются информационные ресурсы в Интернете. Все языки изучаются, тщательно документируются. Ко всем языкам относятся как к огромной ценности. Российское государство и российское общество уделяет этому самое пристальное внимание. И так происходит потому, что у нас давно уже не делят людей по национальному признаку – в этом смысле у нас нет людей первого и второго сорта. У нас все люди – братья. В СССР меня с детства – и родители, и в школе – учили, что все люди – братья. Грузины – братья, азербайджанцы – братья, казахи – братья, латыши и литовцы – братья. Более того, мы искренне считали, что нам и поляки братья, и чехи, и венгры, и все другие люди из социалистических стран. Не говоря уже об украинцах и белорусах.

Я считаю это значительным достижением, которого, как мне кажется, нет ни у одной другой крупной многоязычной страны.

Россия является не только одной из самых многонациональных и многоязычных стран мира. Это еще и одна из самых поликонфессиональных стран. У нас исторически распространено не только христианство и мусульманство. У нас распространены и иудаизм, и язычество. Более того, у нас есть два компактно проживающих буддистских народа – буряты и калмыки. Когда у европейцев спрашиваешь, есть ли в Европе буддистский народ, они, не задумываясь, говорят, что нет. Но такой народ в Европе есть. Это калмыки – потомки монгольских племен, мигрировавших в конце XVI – начале XVII веков из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий. И у них сегодня есть свое национально-государственное образование в составе Российской Федерации – Республика Калмыкия.

Уважение и братские чувства ко всем нашим коренным народам, осознание того, что все они наши братья, – вот первооснова того, почему в России уважаются и берегаются их языки.

Прежде чем далее продолжить тему о языках, на которых говорят в России, обратимся к ее национальному составу.

По данным переписи 2010 года, в России проживают **142 856 536 человек**, представляющие 245 этносов, из которых 100 – коренные народы нашей страны.

Говоря на английском языке о национальном составе Российской Федерации, важно различать две разные сущности: 1) этнические русские и 2) все граждане России (все население России). В английском языке и в англоязычной литературе для обозначения этих двух сущностей чаще всего используется только одно слово «Russians», которое рядовыми читателями и телезрителями (неспециалистами по России) чаще всего понимается как «этнические русские» (ethnic Russians), то есть одновременно указывает и на этническую принадлежность и на гражданство.

В современном русском языке для обозначения и различения этих разных сущностей есть два разных понятия: 1) «русские» («russkie») – чаще всего под этим понимаются «этнические русские» и 2) «россияне» («rossiyanе»), то есть все граждане России (этот термин имеет однозначное толкование, он указывает только на гражданство, на принадлежность к России, но никак не на этническую принадлежность).

Неоднократно бывая в США, разговаривая там с американцами на тему их национальности и выяснив, что их дедушки с бабушками были, к примеру, итальянскими эмигрантами, а родители его (ее) супруга (супруги) тоже родом из Италии, я пытался всякий раз им сказать: «Но какие же вы американцы? Вы итальянцы, живущие в Америке!» И всякий раз все они мне бурно возражали: «Нет! Мы американцы! Мы не итальянцы! Это наши предки были итальянцами».

В Америке все – американцы. А в России дела обстоят совсем иначе.

Находясь в России или осуществляя коммуникацию на русском языке, представители коренных народов России (будь то татары, якуты, удмурты, чеченцы, калмыки или все остальные) на вопрос об их национальности, заданный им на русском языке, никогда не ответят, что они русские. Они скажут: мы татары, мы якуты, мы удмурты, мы чеченцы, мы калмыки. Собираясь вместе, татары, якуты, удмурты, чеченцы и калмыки также никогда не скажут: «Мы русские». Они скажут: «Мы россияне». Но, будучи за границей, особенно в англоязычной стране, или просто ведя разговор на английском языке, они, скорее всего (чтобы не вдаваться в детали и не провоцировать дополнительных вопросов), определяют себя как «Russians», а не как россияне («Rossiyanе»), поскольку в английском языке для определения этого сущностного различия нет понятия.

Важно понимать, что государственное и административно-территориальное устройство страны может стимулировать со-

хранение национальной идентичности миноритарных народов и их национальных языков, а может способствовать ассимиляции этих народов и дальнейшей маргинализации их языков. Унитарное устройство страны с полиэтническим населением усиливает и ускоряет унификацию культур, вытеснение на обочину всех языков, кроме государственного. Федеративное государство, напротив, сдерживает процессы отмирания языков и даже может способствовать их развитию.

Россия (Российская Федерация) является сложно устроенной федерацией, объединяющей 85 субъектов, в число которых входят 46 областей, 9 краев, 22 республики, 4 автономных округа, 1 автономная область.

Области – это административно-территориальные единицы, где не просто доминируют этнические русские, но и нет выраженных мест компактного проживания других этносов или число их представителей весьма незначительно (менее 1%).

Края – это крупные административно-территориальные единицы, в состав которых входят автономные округа с местами компактного проживания малых этносов.

Республики – это субъекты РФ, в которых в сопоставимых пропорциях проживают не только русские, но и другие, наиболее крупные (в масштабах РФ) этносы. Название республикам дают имена этих этносов. Например, Республика Татарстан называется так, потому что в ней исторически проживает татарский этнос, Республика Бурятия берет свое название от бурятов и т.д. Республики в составе РФ имеют собственные конституции и обладают большей самостоятельностью и независимостью от центрального (федерального) правительства, чем края, области и автономные округа.

Большинство крупных или сравнительно крупных коренных народов России имеют свои национально-государственные образования (автономии) – в России они называются субъектами Российской Федерации.

Автономии тюркских народов:

- Республика Тыва: тувинцы составляют 77% населения;
- Республика Чувашия: 70% населения составляют чуваш и татары;
- Республика Башкортостан: 57% составляют башкиры, татары, чуваш;
- Республика Татарстан: 56% – татары, чуваш;
- Республика Саха (Якутия): 47% – якуты;
- Карачаево-Черкесская Республика: 44,3% – карачаевцы и ногайцы;
- Республика Алтай: 40% – алтайцы;
- Республика Дагестан: 20,6% – кумыки, ногайцы и азербайджанцы;
- Кабардино-Балкарская Республика: 14,8% – балкарцы, татары, турки;
- Республика Хакасия: 12% – хакасы.

Автономии финно-угорских народов:

- Республика Марий-Эл: марийцы составляют в этой республике 43,9%;
- Республика Мордовия: 40% – мокшане и эрзяне;
- Республика Удмуртия: 28% – удмурты;
- Республика Коми: 23,7% – коми;
- Ненецкий автономный округ: 18% – ненцы;
- Республика Карелия: 9,3% – карелы, финны, вепсы;
- Ямало-Ненецкий автономный округ: 5,9% – ненцы;
- Ханты-Мансийский автономный округ: 1,9% – ханты и манси.

Кроме того, как уже было сказано выше, в состав Российской Федерации входят как самостоятельные субъекты Республика Калмыкия, а также Республика Бурятия, Чукотский автономный округ.

Во всей России прилагаются целенаправленные усилия по сохранению культурного и языкового разнообразия. Но наиболее масштабно и активно работа по поддержке многоязычия ведется в республиках в составе Российской Федерации – прежде всего это усилия по повышению статуса языков титульных наций.

По общему правилу государственными языками республики в составе Российской Федерации признаются русский язык и язык титульной нации, давшей название республике, несмотря на то что в ряде случаев эта титульная нация может быть в республике этническим меньшинством. Так, например, в Республике Башкирия, одном из самых больших субъектов РФ, где проживает около 4 миллионов человек, собственно башкир лишь 30%, в то время как русских – 43,6%.

В ряде республик государственными языками признаются два и более функционирующих в ней языков. К примеру, в Республике Кабардино-Балкария статус государственного, помимо русского, имеют кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки. В Республике Мордовия – языки мокша и эрзя.

Республика Саха (Якутия) – одно из уникальных мест в мире в отношении сохранения языков. Здесь не только развивается язык небольшой титульной нации (якутский), но и сама эта титульная нация заботится о поддержании языков коренных малочисленных народов Севера. Эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский языки, несмотря на малочисленность их носителей, в Республике Саха (Якутия) признаны официальными языками.

Интересен и в известной степени уникален пример расположенной на Северном Кавказе Республики Дагестан, где проживают представители более 120 национальностей, но не

существует официально признанной «титულной нации». Ее политическими атрибутами наделены в настоящее время 14 коренных народов Дагестана, языки которых принадлежат к трем языковым семьям: дагестанско-нахской ветви иберийско-кавказской семьи языков; тюркской группе алтайской языковой семьи; индоевропейской языковой семье. В Конституции Республики Дагестан указывается: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана», но при этом не дается перечисления ни дагестанских народов, ни дагестанских языков. Это обусловлено отнюдь не пренебрежением к этим вопросам, а, напротив, слишком высокой их значимостью в данной республике. Как утверждают некоторые дагестанские авторы, жизнь здесь неоднократно доказывала, что любая попытка законодательно закреплённого закрытого перечня народов и языков неизбежно вызовет волну протестов и **принципиально неразрешимые** споры. Сложность языковой ситуации в этой республике обусловлена еще и тем обстоятельством, что до сих пор до конца не определено, сколько языков насчитывается в Дагестане на сегодняшний день: как правило, говорят примерно о 60 самостоятельных вербальных языках. Дагестан – это горная республика, и здесь шутят, что на каждой горе живут разные народы и у каждого свой язык.

Установление государственных языков не означает забвения иных языков народов, населяющих Россию. Всем им гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В Республике Татарстан много делается для сохранения культуры и языков проживающих здесь башкир, удмуртов, чувашей. В Республике Чувашия много делается для татар, башкир и т.д. Аналогичные процессы происходят и в Башкирии. Три этих республики, где коренное население тюркоязычное, мирно соседствуют с двумя республиками, где коренное население говорит на угро-финских языках (Удмуртия и Мордовия) и где также много делается для сохранения татарского, башкирского и чувашского языков.

Уникальность России заключается еще и в том, что почти 40 (!) языков коренных народов в национальных республиках имеют статус государственных и официальных.

Государственный язык России – русский. Это наиболее распространенный язык, богатый, выразительный, с более чем тысячелетней письменностью, на нем созданы великая литература, наука, система образования. На русском языке осуществляется и государственный документооборот. Практически на всей территории России русский язык используется и как язык межнационального общения. Во многом до сих пор в этом качестве он используется и в республиках бывшего СССР – ныне независимых государствах.

Русский язык в России считают родным более 127 миллионов человек, им также свободно (в той же степени, как и языком своего этноса, а зачастую и лучше, иногда даже лучше, чем многие этнические русские) владеют большинство представителей иных национальностей, а 13 миллионов из них даже считают его родным. Не все представители коренных народов владеют своими национальными языками, особенно те, которые родились, выросли и живут в крупных городах.

Помимо русского, наиболее распространенными в России являются четыре языка: татарский (5,35 миллиона носителей), башкирский (1,38 миллиона), чеченский (1,33 миллиона), чувашский (1,33 миллиона).

Есть 9 языков, на которых говорят от 400 тысяч до 1 миллиона человек: аварский (785 тысяч), кабардино-черкесский (588 тысяч), даргинский (504 тысячи), осетинский (494 тысячи), удмуртский (464 тысячи), кумыкский (458 тысяч), якутский (456 тысяч), марийский (451 тысяча), ингушский (405 тысяч).

Есть 15 языков коренных народов России, на которых говорят от 50 до 400 тысяч человек. Это лезгинский (397 тысяч), бурятский (369 тысяч), карачаево-балкарский (303 тысячи), тувинский (243 тысячи), коми (217 тысяч), цыганский (167 ты-

сяч), калмыцкий (154 тысячи), лакский (153 тысячи), адыгейский (129 тысяч), табасаранский (128 тысяч), коми-пермяцкий (94 тысячи), ногайский (90 тысяч), алтайский (66 тысяч), карельский (53 тысячи), хакасский (52 тысячи) языки.

Безусловно, в масштабах всей России языки всех ее коренных народов являются миноритарными и в той или иной мере подвержены маргинализации, поскольку представитель какого-либо из коренных народов, владеющий только своим родным и не владеющий в совершенстве русским языком, не может рассчитывать ни на серьезный карьерный успех, ни на полноценную самореализацию, если его деятельность хоть как-то связана с интеллектуальной сферой.

Более трети всех функционирующих на территории России языков в большей или меньшей степени находятся в опасности или под угрозой исчезновения – в первую очередь это относится к языкам тех этносов, которые насчитывают менее 50 тысяч представителей. Прежде всего это коренные малочисленные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока:

- 25–50 тысяч человек – ненцы (41 302), эвенки (35 527), ханты (28 678 человек);
- 10–25 тысяч человек – эвены (19 071), чукчи (15 767), шорцы (13 975), нанайцы (12 160), манси (11 432 человека);
- 1–10 тысяч человек – коряки (8743), вепсы (8240), долганы (7261), нивхи (5162), тувинцы-тоджинцы (4442), селькупы (4249), ительмены (3180), кумандинцы (3114), ульчи (2913), сойоты (2769), телеуты (2650), теленгиты (2399), саамы (1991), эскимосы (1750), удэгейцы (1657), тубалары (1565), юкагиры (1509), кеты (1494), чуванцы (1087 человек);
- менее 1 тысячи человек – челканцы (855), тофалары (837), нганасаны (834), орочи (686), чулымцы (656), алеуты (540), камчадалы (2293), негидальцы (567), ороки/ульта (346), тазы (276), энцы (237), кереки (4 человека).

Несмотря на то что языкам и культурам этих народов уделяется особое внимание со стороны российских властей всех уровней, существует риск их вымирания, который нельзя недооценивать.

У человека, мало осведомленного о том, что такое многонациональная Россия, легко может возникнуть соблазн предположить, что миноритарные языки находятся под угрозой, потому что говорящие на них этносы на протяжении последних веков растворялись и продолжают растворяться среди этнических русских. Но это не совсем так. Если говорить о коренных малочисленных народах Крайнего Севера, то иногда это совсем не так. Зачастую они ассимилировались и ассимилируются с такими же коренными малочисленными народами Крайнего Севера, но только более крупными. Покажу это на примере керекского, корякского и чукотского языков. Все они относятся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков.

Кереки – это один из палеоазиатских народов, проживающий на самом крайнем северо-востоке России, на Чукотке. В ходе общероссийской переписи населения в 2010 году кереками себя назвали только 4 человека. В 1897 году их было 102 человека, в 1959 году – около 100 человек, в 2002 году оставалось 8 человек. Археологи датируют возникновение самобытной древнекерекской археологической культуры с 1-й половины 1-го тысячелетия до н. э.

Проживали кереки в XX веке на Чукотке в нескольких поселках – отдельными семьями, но совместно с чукчами. Чукчи – это самый крупный коренной этнос континентальной Чукотки, который сформировался здесь на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. В масштабах России чукчи – малочисленный народ. В масштабах Чукотки это народ-гигант. Численность чукчей за последние годы даже несколько увеличилась. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, она насчитывала 15 767 человек, по данным переписи 2010 года – 15 908 человек.

Неудивительно, что кереки в XX веке были почти полностью ассимилированы чукчами. В последние десятилетия кереки говорили в основном по-чукотски, в меньшей степени – по-русски; керекский язык сохранялся пассивно.

Поскольку Чукотский автономный округ граничит с Корякским автономным округом, керекский язык близок к корякскому языку, некоторые ученые даже считают его одним из диалектов корякского. Да и самих кереков в прошлые столетия нередко относили к корякам.

Коряки, как и чукчи, – это еще один коренной малочисленный (около 9 тысяч человек) народ Крайнего Севера, в основном компактно проживающий на севере полуострова Камчатка. Сегодня коряки говорят в основном по-русски, но при этом около 2 тысяч человек еще сохраняют корякский язык.

Керекский язык ввиду крайней малочисленности его носителей остался бесписьменным. Его краткое научное описание впервые было осуществлено только в 1954–1956 годах.

А вот корякский и чукотский языки имеют письменность, она для них была создана в 1931 году.

Понятно, что язык сохраняется тогда, когда на нем не только говорят, но и изучают его. Лучше, чтобы это был язык не только изучения, но и обучения (преподавания). Очевидно, что осуществить преподавание всех или даже части предметов на корякском и чукотском практически нереально. Но обеспечить изучение этих языков удалось.

В результате корякский язык изучают на уровне 1–2-го классов (хотя при этом используется только один из его диалектов). Учителей корякского языка готовят в педагогическом училище в столице Корякского автономного округа – поселке Палана; на нем издано 35 учебных пособий. Затрудняет развитие литературного корякского языка наличие множества его диалектов.

Чукотский язык как язык более крупного этноса используется в образовании более серьезно. В течение длительного времени он являлся предметом преподавания в 1–4-х классах начальной школы. В 1993 году было принято решение о преподавании чукотского языка в национальных школах с 1-го по 11-й класс, и к настоящему времени подготовлены учебники чукотского языка для 1–6-х классов.

При этом чукотский язык как предмет преподается не только на территории Чукотского автономного округа (в Анадырском высшем педагогическом училище), но и за его пределами – на территории двух других субъектов РФ: в национальном колледже в пос. Черский в Республике Саха (Якутия) и в Международном педагогическом университете в г. Магадане.

Издаваемые в Чукотском и Корякском автономном округах газеты имеют приложения и страницы на чукотском и корякском языках. На обоих языках ведутся теле- и радиопередачи, выходит общественно-политическая и художественная литература, как переводная, так и оригинальная, которая зародилась на них в 1930-е годы и получила развитие в 1970-е. В советское время все образованные граждане СССР знали имя чукотского писателя Юрия Рытхэу и читали его произведения, которые переведены не только на русский, но и с русского – на ряд европейских языков.

Очень важно отметить, что оба этих языка – корякский и чукотский – изучаются как отдельный предмет в одном из самых престижных российских университетов в Санкт-Петербурге, а именно в Институте народов Крайнего Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

В последние годы в связи с мощными миграционными потоками все большее распространение в России получают языки народов бывшего СССР – азербайджанский, армянский, таджикский, киргизский, узбекский, молдавский, а также языки

других стран – китайский, вьетнамский и другие. На каждом из них в России сегодня говорят сотни тысяч, если не миллионы людей.

Но эти языки в рамках данной презентации не рассматриваются как языки народов России, поскольку у этих народов есть своя государственность за пределами России. У армян – Армения, у азербайджанцев – Азербайджан и т.п.

Всё вышесказанное не означает, что в России нет языковых проблем ни с сохранением языков, ни с их изучением и преподаванием, ни с их распространением. Эти проблемы есть, и их немало. Они сложны во всех отношениях – политическом, культурном, образовательном, воспитательном, просветительском, этическом и экономическом (сохранение языков – дело высокочувствительное!).

И это отнюдь не только проблемы миноритарных языков, которые являются миноритарными в масштабах всей России, но на территории своего распространения (в том числе на территории конкретной автономии) зачастую являются языком большинства.

Необходимо помнить и о проблемах сохранения и изучения русского языка.

Одна из таких проблем связана с тем, что в некоторых национальных автономиях (субъектах Федерации) местные национальные языки начинают изучаться и укрепляться за счет сокращения преподавания и использования русского языка. Желание местных властей укрепить свой национальный язык приводит к тому, что порой даже русских детей начинают учить ему с четырех лет, когда они еще плохо говорят на своем родном русском.

Тем не менее обо всех этих проблемах в России открыто говорят, они широко обсуждаются. И так или иначе, быстрее или медленнее, но они как-то решаются.

Не решается другая, более общая проблема, характерная сегодня, кажется, для всего мира. Преподаватели вузов отмечают языковую деградацию каждого нового поколения студентов: «Если лет десять назад у молодежи существовала проблема изложить мысль письменно, то теперь они уже не могут ее правильно высказать».

Однако это уже проблема не столько России и не каждой страны в отдельности. Это проблема всей нашей цивилизации.

Спасибо за внимание. Я вижу, что вы меня слушали, и мне это очень приятно. Если есть вопросы, то я постараюсь на них ответить.

Реплика из зала

Есть поправка. Коренных языков в Дагестане около 30, одни говорят 32, другие 28. Это языки этносов. А 14 языков – это языки национальных групп.

Е. И. Кузьмин

Знаете, я разговаривал с дагестанскими филологами. И они сказали: этот вопрос – признать язык самостоятельным или диалектом – всегда политизируется, но мне советовали использовать число 14, так как остальные – это диалекты этих языков. В любом случае, я не претендую на звание эксперта в этом отношении.

Теперь слово Людмиле Александровне Трубиной.

Л. А. Трубина

Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я проректор крупнейшего педагогического вуза Российской Федерации, который раньше всем был известен как Ленинский пед. По роду своей деятельности я очень часто бываю в регионах России, и мне

всегда приятно, что там есть выпускники нашего университета. И выпускники, и те, кто защищал у нас кандидатские и докторские диссертации, кроме того, авторы всех школьных учебников работают в нашем университете. Поэтому мы в известной степени несем очень большую ответственность за то, как сегодня в России говорят – и не говорят! – по-русски.

Когда мы сюда собирались, наши коллеги говорили: «А что там интересного? Мы всё про русский язык знаем». Это глубочайшее заблуждение. На самом деле ситуация с русским языком в России сейчас очень непростая, не говоря уже о том, что происходит за рубежом. Но, думаю, о зарубежье будет рассказывать Андрей Владимирович, а я просто хочу сказать, что мы сейчас очень мощно заявили о себе и на международной арене. Мы постоянно встречаемся за рубежом с коллегами, были в конце прошлого года в Болгарии, в Финляндии, в этом году уже в десяти зарубежных странах. С чем мы сталкиваемся? С тем, что родители по-русски говорят, а дети говорят плохо или не говорят совсем. Мы понимаем, с чем это связано, но нужно что-то делать. И то, что можем, мы делаем. Наверное, этого еще мало, но сейчас мы организуем гуманитарные экспедиции в зарубежные страны, ведем повышение квалификации. Тем не менее всё новые и новые партнеры обращаются к нам с одной и той же просьбой: «Помогите нам исправить эту ситуацию». С одной стороны, очень приятно, что за рубежом хотят ее исправить, а с другой стороны, это показатель того, что у нас не всё благополучно с продвижением русского языка в мире.

Я бы хотела сказать, почему все-таки очень важно привлечь журналистское сообщество. Необходимо сделать так, чтобы и молодежь, и взрослые поняли: быть грамотным – это модно, читать – это престижно и т.д. И без прессы, без нашей совместной широкой работы, конечно же, будет очень трудно. Я сейчас говорю даже не о языке прессы – это отдельная тема. Я говорю о том, как отражаются в СМИ, печатных и электронных, вопросы языковой политики.

Мне как филологу очень важно, что у нас в стране почувствовали неблагополучие с русским языком. Потому что много-много лет только профессионалы говорили об этом, бились за то, чтобы вернуть изъятые из школы сочинения. Я как учитель точно знаю: школа наша прагматична, и, как только исчезли сочинения, учителя просто бросили эту работу начиная с пятого класса. Так что вместо цельной системы обучения сочинению у нас осталась работа энтузиастов. Даже на филфаках столичных вузов студенты произносят 5–8 предложений и замолкают, потому что их много лет учили писать 5–8 предложений, 200 слов. И когда студенту говоришь: «Разверните свое высказывание», он вообще не понимает, о чем речь. Теперь на государственном уровне идет очень серьезная работа по восстановлению навыков обучения сочинению, потому что методики за эти годы уже потеряны. Надо переучить работающих учителей, надо научить тех, кто сейчас работает в наших вузах. Ситуация очень непростая, и не за один год она будет исправлена, но очень хорошо, что работа в данном направлении идет.

И вот, почувствовав очень серьезное неблагополучие в области владения русским языком, мы в университете приняли Концепцию единой языковой политики МПГУ. Мы теперь работаем с устной и письменной речью не только будущих учителей русского языка и литературы, и даже не только будущих работников дошкольного образования или начальной школы. Мы работаем с речью всех студентов университета. В программу всех факультетов введены речевые практики.

Мы готовы этим опытом делиться, к нам обращаются многие вузы. Вот недавно, по весне, мы были в Чечне, где принята программа по развитию русского языка. Почему эта программа принята? Одна из причин всем известна. Сколько баллов они показали в ЕГЭ по русскому языку? Чуть ли не 100! А когда стали разбираться с тем, как там говорят, а уж тем более – как пишут, всё стало ясно. И мы помогаем чеченским коллегам работать с русским языком.

Мне приятно рассказать, что в Якутии, о которой Евгений Иванович уже говорил, очень много работают с русским языком и русской литературой. Мы проводим секции в рамках известной акции «Шаг в будущее». Это акция Бауманского университета, который многие десятилетия отбирает по стране ребят, хорошо знающих физику, химию, математику. В последние годы выявилась необходимость интеллектуальных соревнований в области гуманитарных дисциплин, и мы забрали себе секции по литературе – я считаю, что правильно. Мы не так давно проводим эти секции, но видим, как здорово работают преподаватели Якутии, Мурманска и т.д. Видим, какие проекты привозят дети (начиная с 6–7-го класса), как они интересуются гуманитарной сферой, как грамотно они говорят. У нас есть конференция «Языкознание для всех» – начиналась она с детской конференции.

Мне кажется, это очень грамотно, потому что будущее русского языка в руках учителей. Вот об этом, собственно, я и хотела вам сказать. И хотелось бы отметить, что мы с вами должны вместе работать над реализацией этой языковой политики. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Людмила Александровна, спасибо. Хотелось бы дополнить ваше выступление сообщением о том, что неделю назад обсуждалась концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения. Были споры о том, как ее называть. Я, например, настаивал на том, что эта программа должна называться «Национальная программа приобщения детей и подростков к письменной культуре». Ведь чтение – это только инструмент использования богатства знаний, смыслов, база обучения. Русский язык осваивается только через чтение. В устной речи мы используем ограниченное количество слов и смыслов, наша устная речь намного более упрощена, чем письменная. И на уровне устной речи мы не можем обмениваться

сложными смыслами, не используем сложную лексику, сложный синтаксис и т.д. Дети наши, к сожалению, всё меньше и меньше читают, в особенности сложную литературу. И это не только российская проблема, это проблема мировая. Во всех крупных университетах мира профессора жалуются, что если 10 лет назад детям было трудно письменно изложить глубокие мысли, то сейчас они не могут их даже высказать. И во всем мире отмечается, что ребенок не понимает того, что читает, не умеет сформулировать свою мысль, не умеет понять услышанное и прочитанное. Некоторые говорят: «Как вы можете это доказать? Это субъективно». Но есть «PISA» и «PIRLS» – международные сопоставительные исследования читательской грамотности детей и подростков. Наши дети в возрасте 10 лет показывают самые лучшие результаты. А в возрасте 14 лет они оказываются уже на одной из последних позиций. Это критический возраст, и именно в данный период многие из детей перестают читать, переходят в социальные сети и переписываются со сверстниками, осваивая нормы языка и мышления через общение с такими же подростками. Перенимают их не от авторитетных писателей, у которых жизненный опыт, смыслы, прекрасная литературная речь, а от ровесников. И это всё ведет к деградации не только языка – язык же отражает сознание, мыслительные способности. И очень важно Национальную программу поддержки детского чтения сопрячь с другими существующими программами. Сегодня выходит много документов и программ, касающихся в том числе и преподавания русского языка и литературы в школе. Но чтение, как Людмила Александровна справедливо отметила, не ограничивается изучением литературы в школе. Может быть отличный учитель, который блестяще преподаёт литературу, а дальше ребенок выходит из школы – и не читает. Он осваивает школьный курс, но больше его ничего не интересует.

Огромные проблемы связаны с продвижением русского языка в мире. И для их обсуждения я передаю слово Андрею Владимировичу Щербакову.

А. В. Щербаков

Добрый день, дорогие коллеги. Я обязательно скажу пару слов о том, что касается положения русского языка в мире и что предпринимают Россия и Государственный университет имени Пушкина для этого благого дела. Но сначала, если позволите, о положении русского языка и других языков в Российской Федерации.

Тут действительно очень много проблем. Основная проблема, на мой взгляд, все-таки кадровая и касается подготовки в первую очередь педагогов. Речь идет не только об учителях русского языка и литературы, но и об учителях родных языков и литератур национальных или других административно-территориальных образований. Вот один пример: в этом году в мае и июне по инициативе Министерства образования и науки наш институт проводил диагностику знаний по русскому языку учителей начальных классов и учителей русского языка и литературы шести регионов РФ, где средний балл ЕГЭ по русскому языку ниже, чем в остальной стране. В основном это республики Северного Кавказа и Якутия. Результаты этой диагностики, конечно, удручают. Около 40% учителей начальных классов и учителей русского языка показали крайне низкий результат. Эти люди плохо владеют русским языком и плохо владеют педагогическими технологиями.

Кроме того, есть еще одна большая проблема, с которой мы столкнулись, когда готовили текст утвержденной в апреле Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации. Принято считать, что русский язык занимает особое положение в национальных республиках, где русский язык для определенной части детей не является родным, то есть в семьях говорят на своих языках. Но ведь эта проблема теперь касается и областей с преимущественно русскоязычным населением. И когда наши студенты, проходя практику в школе, заходят в класс, оказывает что там 30–40% (а иногда и больше) детишек,

для которых русский язык не является родным. Это очень характерно и для крупных городов, в первую очередь областных центров. А для Москвы эта проблема вообще чрезвычайно актуальна. Здесь учитель должен работать в мультикультурной, многоязычной среде, потому что одновременно ему приходится иметь дело со школьниками, для которых русский является родным, теми, для кого русский является неродным, и теми, для кого русский является иностранным. И при том обучать их всех русскому языку. Это очень сложная задача, которую и педагогические вузы, и непедagogические должны учитывать при подготовке преподавателей, педагогов. Это коротко. Если будучи комментарию, вопросы, я позже отвечу.

Теперь то, что касается русского языка за рубежом, его положения и того, что делается для продвижения русского языка сейчас.

Начну с того, что Государственный институт русского языка имени Пушкина 50 лет назад создавался как центр обучения русскому языку как иностранному. До 2000 года у нас не было российских (или советских) граждан, которые изучали бы русский язык. Филологический факультет, деканом которого я являюсь, открылся как раз в 2000 году, а до этого студентами были исключительно иностранные граждане, которые приезжали в Советский Союз, в Россию изучать русский язык (и продолжают это делать). Кроме того, у института существовала сеть филиалов в зарубежных странах. К сожалению, эта сеть распалась с распадом Советского Союза. Но те центры русистики, которые были созданы за рубежом, продолжают функционировать – где-то лучше, где-то хуже. Это, наверное, подтвердит присутствующий здесь коллега из Афганистана – там положение русского языка, конечно, аховое. Делегация Российской Федерации, в которой были представители нашего института, не так давно посещала Афганистан, и они убедились, что там до сих пор русский язык изучают по учебникам, изданным 30–40 лет назад. А новых просто нет. Это действительно проблема.

Как правильно сказал Евгений Иванович и как знают коллеги, положение русского языка в мире в последнее время ухудшилось. Мы утратили позиции не только в так называемом дальнем зарубежье, но и в ближнем зарубежье, прежде всего в странах СНГ и Прибалтики. И конечно же, в нашей стране на самом высоком уровне отдают себе отчет в том, что необходимо предпринимать усилия, чтобы эти позиции вернуть.

Что для этого делается усилиями нашего института – конечно же, под патронатом Министерства образования и науки, Министерства иностранных дел, Россотрудничества и правительства в целом? Во-первых, это, конечно, система славянских университетов в странах СНГ: Российско-гаджикский славянский университет, Российско-киргизский, Российско-армянский и т.д. Эти университеты имеют совместное финансирование со стороны России и со стороны второй страны. Там готовят и филологов-русистов, и специалистов в других отраслях; обучение ведется преимущественно на русском языке. Это очень важная составляющая, поскольку один из путей продвижения языка – через систему образования. Кроме того, с прошлого года по инициативе нашего института реализуется программа «Послы русского языка в мире». Кстати, в ней активно участвуют студенты вуза, который представляет Людмила Александровна. Что это за программа? В ее рамках мы привлекаем русскоговорящих студентов со всей страны и даже из-за рубежа, проводим тщательный отбор, после чего отобранные волонтеры проходят обучение в нашем институте и выезжают в страны, где работают в школах, в игровой форме обучают русскому языку. В прошлом году мы посетили четыре страны. В этом году были выезды еще в шесть стран, и география будет постоянно расширяться. Если в прошлом году это были исключительно страны СНГ, то в этом году планируются такие экспедиции и в страны дальнего зарубежья, в первую очередь европейские; планируются поездки и во Вьетнам, если говорить об азиатском регионе.

Когда мы выезжали с нашими студентами-волонтерами в страны СНГ, то столкнулись с тем, что позиции русского языка действительно утрачены даже в такой республике, как Армения, с которой у нас, казалось бы, очень тесные культурные и экономические связи. В Армении русский язык изучается в школах как иностранный наряду с другими иностранными языками. Соответственно, далеко не все школьники выбирают его для изучения. И если в семьях старшее поколение еще хорошо знает русский и говорит на нем, то молодое поколение, школьники, по-русски либо вообще не говорят, либо говорят очень плохо – за редким-редким исключением. Там есть, конечно, специализированные русские классы, но это отдельная история, капля в море с точки зрения общей ситуации. То же самое касается и Таджикистана, и Кыргызстана, где позиция русского языка, на первый взгляд, достаточно крепкая, где действительно многие говорят по-русски. Тем более что из Киргизии, из Таджикистана многие едут в Россию работать и русский язык в той или иной степени знают. Но мы столкнулись с тем, что, хотя в школах есть русские классы и дети в 6–7-м классе говорят по-русски неплохо, это дети-билингвы и они испытывают трудности с освоением определенных видов речевой деятельности. В частности, они могут хорошо коммуницировать устно, но абсолютно не могут читать и писать. Попросить их написать что-то по-русски, конечно, можно, но то, что они напишут, никак нельзя оценить. Причем, говоря о Таджикистане и Кыргызстане, я описываю положение в столицах, Душанбе и Бишкеке, а в селах, особенно удаленных горных селах, по-русски не говорит практически никто, и русский язык там не преподается. За 25 лет после исчезновения Советского Союза мы утратили свои позиции даже в этих близких нам и культурно, и экономически странах.

Кроме того, нужно отметить, что сегодня в продвижении русского языка важную роль играют и информационные технологии, интернет-коммуникации. Здесь я не могу не сказать о ресурсе, который развивает Государственный институт русского

языка имени Пушкина, – о портале «Образование на русском». Это очень серьезный, фундаментальный проект, который включает в себя множество разных частей. Там есть и программы, и различные курсы русского языка как иностранного. То есть иностранцы, желающие освоить язык самостоятельно или при тьюторском сопровождении, могут просто зарегистрироваться на портале и начать изучение русского языка. Есть там раздел, который называется «Русский язык для наших детей». Он адресован детям-билингвам и их родителям. Это дети, для которых русский является вторым родным, в семье которых кто-то владеет русским языком. Например, один родитель русский, а второй – представитель другого этноса, другой национальности, но в семье коммуникация может осуществляться на русском языке. В этом разделе есть открытые онлайн-курсы на русском языке по различным направлениям – не только филологического характера, но и курсы по машиностроению, авиамоделированию и т.д. Это большой ресурс, который мы активно развиваем и постоянно совершенствуем. Если говорить об уровне изучения языков, то сейчас там выложены курсы от А1 до С1, и мы уже завершаем работу над уровнем С2. По международной классификации это фактически уровень носителя языка. Все материалы, методические, контрольные задания и прочее там есть. Есть на портале и курс, адресованный преподавателям русского языка как неродного и как иностранного, чтобы они могли проходить повышение квалификации.

И последнее, что нужно сказать. Наше государство, в том числе и силами преподавателей нашего института, делает всё, чтобы действительно укрепить, улучшить позиции русского языка за рубежом. Расскажу просто о двух примерах.

Во-первых, мы сейчас создаем клуб выпускников нашего института. И 4 октября в Москву из США, Канады, Австралии, Франции, Германии, Италии и некоторых других стран прилетают выпускники нашего института, которые завершили обучение 30 лет назад и изъявили желание по своей инициа-

тиве собраться и отметить 30-летие выпуска. Мы совмещаем это всё с 50-летием института, который также отмечается в этом году. Так что наших выпускников можно рассматривать как своего рода агентов влияния за рубежом, потому что это действительно люди, влюбленные в русский язык и в русскую культуру. Конечно же, нам важно поддерживать с ними связь и транслировать инновации, которые связаны с изучением русского языка и обучением ему.

А второй момент, тоже очень важный, – это свидетельство особого внимания со стороны государства к проблемам продвижения русского языка. В октябре в Париже, на набережной Бранли будет открыт Центр по изучению русского языка и обучению русскому языку, ориентированный в первую очередь на детей-билингвов. Преподавать там будут сотрудники нашего института. И открываться этот центр будет в присутствии Президента Российской Федерации. Это, с одной стороны, возлагает на нас определенные обязательства и создает дополнительные сложности, причем весьма существенные, но, с другой стороны, как раз свидетельствует об особом внимании со стороны высшего руководства к проблеме продвижения русского языка.

Это всё, что я хотел рассказать. Если будут какие-то вопросы – пожалуйста

Реплика из зала

Вы сказали, что в Афганистане учебники 30-летней давности. Но мне кажется, что эти учебники гораздо лучше тех, которые сейчас, разве нет?

А. В. Щербаков

Хороший вопрос. Что касается методики обучения русскому языку как иностранному и неродному, в советское время существовал отдельный подход и вообще целый институт про-

движения русского языка в национальной школе, издавался соответствующий методический журнал и т.д. И конечно же, я и многие мои коллеги ратуем за то, чтобы в той или иной форме вернуть именно эти традиции. Мы общались с коллегами из национальных республик – Дагестана, Чечни, Ингушетии, и они говорили: «Представляете, мы, учителя русского языка, приходим в класс и работаем по учебнику русского языка как родного. И каких результатов вы хотите?» Это совершенно резонный вопрос.

А вот в том, что касается изданных давно учебников, возможно, какие-то элементы необходимо адаптировать под современные реалии, потому что в этих учебниках, сами понимаете, содержательные тексты не всегда соответствуют сегодняшней действительности. Но в целом методические подходы, методические рекомендации, конечно же, сохраняют свою актуальность если не на 100%, то в очень значительной мере.

Л. А. Трубина

А могу я подключиться к этой дискуссии? Я не соглашусь, что нужно вернуть в школы учебники 30-летней давности. Мы все понимаем, о чем речь – о фундаментальности, о стройной системе обучения, которую действительно надо вернуть. Но дети уже изменились. И я не думаю, что нужно именно те учебники вернуть. Дети другие, они не воспринимают развернутые тексты. И методики работы сегодня другие. Сейчас самая большая сложность состоит как раз в том, чтобы создать учебники, которые бы соединили лучшие традиции советской школы (мы не просто ею гордимся, она действительно во многом была лучшей!) с этими новыми вещами, методиками, соответствующими психологическим особенностям современных детей. Психологи подтверждают, что дети стали совершенно другими – хотим мы этого или нет. Поэтому если уж учебники 30-летней давности, то осовремененные, с использованием новых технологий.

Е. Бадякина

Я преподавала английский язык в Ереване, в школе имени Белинского. В прошлом году я была в Армении и написала большую статью «Армения – далекая и близкая» (у нас на сайте ее можно найти). И половину статьи я посвятила именно проблеме русского языка. В Армении есть прекрасный русский театр имени Станиславского, но он заброшен, беспомощен. Где наше Россотрудничество, где остальные структуры? Русский язык ведь не ограничивается только школой. Мне рассказывали, что и у Славянского университета тоже большие проблемы.

Нужно действовать комплексно – и через Россотрудничество, и через поддержку местных изданий. Есть же русские газеты: «Голос Армении», «Урарту». Они остались совершенно без помощи России, выживают, как могут. Нужно и газетам помогать, и русским театрам в республиках СНГ. В Грузии есть великолепный театр Шота Руставели, где ставят спектакли на русском языке. Он практически обезлюдел. Я общалась с актерами: они бедствуют, бросают работу. А ведь это носители русского языка! Люди, приходя в театр, слышат прекрасную русскую речь. В этом театре в Армении звучит такая русская речь, которую я в московских театрах не слышу. Я была потрясена и, когда вернулась, московский бред слушать просто не могла.

Нужно поднимать театры, русские газеты, остатки телевизионных программ на русском языке. Одни школы не решат проблему. Школы – это такой маленький сегмент, очень важный, базовый для детей. Но и среднее поколение, и подростков терять нельзя. Американцы работают с английским великолепно, очень активно – им надо отдать должное: молодежные центры продвижения английского языка, американские флаги развешаются. Я считаю, что они полностью занимают наши позиции: туда, откуда русский язык уходит, приходит американец и приходит английский язык. И всё, русского там больше не будет никогда. Выжженное поле! Это вопрос не только филологический, но и политический.

Е. И. Кузьмин

Я бы хотел ответить на вашу реплику о том, что мы уходим, а американцы приходят. Раньше мы уходили, а сейчас нас выдвигают! И мы отдаем должное тому, как американцы настойчиво делают свою работу. Они уже давно осознали, что их власть идет через язык.

Э. М. Тамим

Здравствуйте, дорогие друзья. Я являюсь председателем Ассоциации молодежи Афганистана. Магистратуру я закончил по международному праву, а диссертацию защитил по истории международной политики в РУДН. Андрей Владимирович сказал: «Наши агенты везде, они стараются для русского языка». Но мы не агенты. Мы любители русского языка.

Два года назад мы создали свою ассоциацию и подумали: почему бы не открыть курсы русского языка? В Афганистане есть кафедра русского языка в Кабульском университете и кафедра в Политехническом университете, который был создан еще Советским Союзом.

Я помню первый день, когда мы дали объявление по Интернету. Три молодых человека пришли в наш офис и начали изучать русский язык.

Наши преподаватели – это афганки, которые родились и выросли в Москве. Они закончили русские школы, у них нет высшего образования, но они взялись за это дело. Сейчас у нас русский язык изучают 200 человек. В «Facebook» у нас 56 000 подписчиков. В Кабуле курсы русского языка открыты только в одном районе, но из всех районов города нам пишут: «А когда появятся курсы в нашем районе?»

Наши преподаватели не профессионалы, они не только не имеют высшего образования, но и методикам преподавания не обучены. Поверьте, мы уже два года обращаемся везде, просим

помочь онлайн дать им хотя бы какие-то знания. Я последние три месяца – с июня по август – был в Афганистане. В провинции Герат на границе с Ираном я открыл летом курсы. Кто преподает русский язык? Бывший медик, который получил медицинское образование в России. Но у него прекрасный русский язык. За полторы-две недели там набралось уже 30 молодых людей, которые изучают русский язык.

Вопрос: зачем афганцам русский язык? Ответ очень прагматичен. Чтобы увеличить шансы наших молодых людей на получение высшего образования в России – это раз. Во-вторых, из-за войны, которая идет в Афганистане. Для того чтобы остановить войну, нам нужны большие экономические проекты со странами СНГ и теми странами, которые соседствуют с Афганистаном. Это и Россия, и Китай, и Средняя Азия, и Азербайджан. На последнем саммите Шанхайская организация сотрудничества выступила с инициативой подписания очень крупных экономических проектов с бывшими советскими республиками, со странами СНГ. Это газопровод в Туркмению, Афганистан; сейчас нам поставляют электроэнергию из Таджикистана, Узбекистана. Появилась идея строительства нового Шелкового пути. Поэтому в нашей общественной организации я лично как инициатор и мой коллега, который является директором курсов русского языка, решили потихоньку стараться, чтобы афганская молодежь пошла в экономическую, образовательную систему этих стран.

Русский язык имеет в Афганистане свои корни. В советское время тысячи людей учились в Советском Союзе. Я вас уверяю, что сотрудники сегодняшнего государственного аппарата, военные, гражданские, летчики – все закончили обучение в Российской Федерации. Да, в стране американская власть, там НАТО, их войска и т.д., но, поверьте, мы стараемся, чтобы русский язык тоже имел свое место, наряду с другими языками. Это в наших интересах. Кто приходит к нам изучать русский

язык? Люди из МИДа Афганистана, из Министерства обороны, из деловых кругов. Есть одна дама, ей 70 лет, ее муж-афганец умер, и она осталась в Афганистане. Она сильно помогает нам и в основном преподает русский язык в больших фирмах, которые реализуют крупные проекты со странами СНГ.

По поводу учебников. Вот недавно я (вообще не педагог!) попросил Татьяну Михайловну Балыхину, которая является деканом факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного в РУДН: «Давайте издадим книгу для афганцев на русском». Я сам сидел и переводил с русского на афганский, фарси. Этот учебник издан. Мы сейчас по нему преподаем.

Вы не поверите, но если сегодня мы откроем курсы в провинции на границе с Узбекистаном, придут десятки, сотни людей, которые сейчас интересуются, когда у них появятся такие курсы. Однако у нас нет такой возможности. Откуда у нас деньги на это всё? Каждый учащийся платит по 2000 рублей в месяц. На эти деньги мы снимаем аудитории, купили столы и стулья, платим зарплату восьми преподавателям. Нам ни копейки не остается, но нам этого и не надо. Мы хотим объяснить, зачем нужен русский язык.

Когда был День русского языка, мы ездили в Посольство России в Кабуле. Наши студенты, преподаватели выступали, я выступал, и посол Российской Федерации в Афганистане выступал на этом мероприятии. Артисты играли произведения классиков России на наших национальных инструментах. Всем очень понравилось.

Вот так обстоят дела в Афганистане. Я как историк вот что думаю: не нужно обращать много внимания на политику. Надо обратить внимание на то, где есть интересы и потребности. Если мы будем искать потребности, наше место найдется. В Афганистане есть французские, американские университеты, но русского нет.

Бизнесмены в России могли бы инвестировать деньги в создание ПТУ в Афганистане, чтобы выпускать в Афганистане молодых профессиональных рабочих. Вложить деньги в образование в Афганистане – это лучше для любой экономики. В год у нас где-то 150 тысяч абитуриентов сдают ЕГЭ. Из них порядка 30–40 тысяч не попадают в вузы. У нас примерно 25 государственных университетов, а частных уже 110. И иногда я думаю, что нас ждет катастрофа, что у нас будут непрофессиональные специалисты, потому что стандарты этих университетов не соответствуют академическому уровню. Что касается тех, кто не поступает... В Афганистане сантехник получает больше, чем магистр.

Мы сейчас думаем над этим проектом, пытаемся решить, как нам открыть что-то типа советских ПТУ в наших 34 провинциях. Ищем лаборатории, которые бы занимались преподаванием, а залы мы найдем. Только бы начать.

И дело не в том, что я получил образование в России или в Советском Союзе. Для меня самое главное, чтобы продолжались добрососедские отношения, которые установили наши предки. Специалист из Шанхайской организации сотрудничества однажды сказал такую фразу: «Мы сейчас являемся наблюдателем ШОС, если мы получим постоянное место, мы должны выезжать в столицы стран Шанхайской организации и убеждать, что Афганистан стоит принять в эту организацию». Для нас очень важно, чтобы мы могли напрямую решить все наши проблемы с соседними государствами. Афганская молодежь сейчас – будущее страны. Я убедился в том, что есть такой гуманитарный фактор. Для России выгодно вести гуманитарную политику в отношении Афганистана. Можно инвестировать в образование, смело там работать.

Я хотел бы поблагодарить Бориса Степановича Калинича, атташе по культуре Россотрудничества. Он всегда нам помогает, у нас очень хорошие отношения, так что пока нам никто не мешает – ни американцы, ни англичане, ни французы. Толь-

ко мы нуждаемся в помощи Института русского языка имени Пушкина, РУДН, который имеет колоссальный опыт по работе с иностранными студентами. Помогите развивать русский язык в Афганистане!

Реплика из зала

У вас есть какие-то творческие коллективы? Театральные студии на русском? Может быть, какая-то газета на русском, выходящая небольшим тиражом?

Э. М. Тамим

Да, есть. Знаете, когда шли военные действия в Кабуле, был полностью уничтожен Культурный центр. Сейчас его заново построили, но никак не могут открыть. Я был в этом центре – колоссальное здание! Там прекрасные аудитории для изучения русского языка, компьютерный зал, можно связаться с Библиотекой имени Ленина, там спортзал, там бассейн, там всё можно! Но пока никак не открывается. Будем надеяться, что, когда откроется, мы сможем там организовывать разные мероприятия.

Г. З. Юшкавичюс

У меня родной язык литовский, но так сложилась жизнь, что я практически всю жизнь работал на телевидении и радио. И я хотел бы про это немного рассказать. Я всегда помню: на Всесоюзном радио у каждого диктора был словарь. И как грамотно они говорили! Я редко выступал, но, когда приходил в студию, то в аппаратную садились кто-то из дикторш, слушали меня, а потом говорили: «Генрих Зигмундович, тут ударение не так». Я отвечал: «Что вы хотите от меня, литовца?!» Не соглашались: «Нет, говорить надо правильно». Послушайте сейчас наши теле- или радиопрограммы. Мало того, что ведущие говорят неграмотным языком (не мне, литовцу, учить русскому, но всё

же!), но ведь раньше были и новости, и музыка, а сейчас о чем говорят? О том, что появляются белые и черные вампиры?!

Естественно, имеется сеть домов культуры и науки за рубежом. Сейчас появится новое место, где будут обучать русскому языку. Но кто, в конце концов, этим будет заниматься. У нас левая рука не знает, что будет делать правая.

Есть всем известный фонд «Русский мир», который имеет немалые средства. Но куда эти средства идут? В Литве в Педагогическом университете (я представитель Попечительского совета) есть лаборатория «Русского мира». Там лежит пара книжечек – и всё. Я знаю, что организация занимается и работой за рубежом. Ведь каждый год их спрашивали: «Сколько вам надо средств?» Они назвали сумму. Ничего они не получают! Потому что если и говорить о значении русского языка, то надо что-то вкладывать.

Или, например, каждый год бывает встреча представителей русскоязычных радио- и телевизионных организаций за рубежом, которую организывает ТАСС. Это хорошо, но кто еще слышал про это мероприятие? Что они делают? В чем заключается работа? Все они собираются на великолепную встречу, с выступающими очень высокого уровня, потом бывает очень хороший прием – и на этом всё заканчивается. Хотя радио и телевидение за рубежом на русском языке – это громадная сила! И ее надо использовать.

Я со своими друзьями, например, организовал литературный журнал «Согласие», который выпускается на русском языке. Это давняя традиция. Балтрушайтис, поэт серебряного века, в 1917–1918 году в Петрограде основал такой журнал на русском языке. Сейчас он выходит четыре раза в год. Зачем? Для перевода национальной литературы на русский язык. Мы помним, что был журнал «Дружба народов», «Иностранная литература» тоже публиковала соответствующие произведения. Эти вещи являются очень важными.

Что касается грамотности и русского языка, я на факультете журналистики МГУ разговаривал с деканом, Еленой Вартановой. Она говорит: «Приходят выпускники школ, читаешь их сочинения – просто ужас. Потому что словарный запас мизерный». Вот собрались сегодня журналисты, очень много представителей старшего поколения. Но если взять сейчас наши статьи, сколько слов использует журналист в статье? Ну, 200–300. Правда, это всегда было проблемой. Мы как-то решили посчитать, сколько слов использовал в футбольном репортаже Николай Николаевич Озеров, образованный человек, который был актером МХАТа (отмечу, что спортивный комментарий – это своеобразный жанр, и мы считали формы «побежал», «бежит», «убежал» как одно слово). Сколько же слов получилось? Девяносто два!

В Исландии 200 тысяч жителей. Как они защищают свой язык? У них нет ни одного международного слова, ни одного! Появился спутник – они объявляют национальный конкурс на слово на исландском языке, обозначающее это новое понятие. Французы тоже всё пытаются подобрать новым терминам какой-то французский аналог. А в русском языке? Журналист в обязательном порядке говорит: контент, контент, контент. А есть ведь слово «содержание».

Эти проблемы являются очень важными. Вот, например, я вижу рекламу Института Пушкина по телевидению. Но ведь надо, чтобы обратились и действительно сказали государству и правительству: «Дорогие, если эта сеть существует и действует – это же действительно огромная возможность». Язык остается важным, несмотря на все политические моменты, в той же Литве.

Некоторые из моих друзей в эпоху СССР были не так уж благосклонно настроены к России. А сейчас, например, владелец ресторана, гостиницы, не берет на работу людей без знания русского языка. Я его спрашиваю: «Что случилось? Так не любил русский язык, русских». На что слышу в ответ: «Они раньше были оккупанты, а сейчас – клиенты».

Русский язык, конечно, играет большую роль и имеет возможность проявить себя, даже в Литве. Кто завоевал наибольшие симпатии зрителей на Фестивале театра? Русский драматический театр. Позиции русского языка сильны. По крайней мере, интеллигенция понимает: кто бы знал Марцинкявичуса или Жемайтиса, если бы они не были переведены на русский язык? Поэтому я и приехал из Франции – чтобы защитить русский язык.

Е. И. Кузьмин

Генрих Зигмундович, спасибо за пламенную речь. Мы, естественно, не будем отрицать, что у нас на радио, на телевидении немало глупцов, предателей, бессмысленных и бездарных. Даже среди людей, которые стоят во главе журналистики. Вы тут одну организацию упомянули, которая что-то организует, а некоторые ее руководители устраивают балаган на наших популярных радиоканалах. Стыдно ужасно за всё, что творится, за то, что руководители не видят и не понимают, потому что они сами такие.

Но мы собрались здесь и первый раз что-то начали публично обсуждать. И ведь мы, в общем-то, выступаем не просто как волонтеры, нас попросило начать организовывать эти круглые столы Министерство образования. Сколько это продлится, я не знаю. За правительство мы как-то одновременно и отвечаем, и не отвечаем. Но сами мы будем что-то делать, будем стараться. Спасибо вам большое.

Слово Татьяне Муровой.

Т. А. Мурована

Спасибо большое. У нас формируется список любопытных тем, которые могут журналистами подниматься, раскрываться и поддерживаться достаточно долго. Мы смотрели программу

фестиваля и увидели, каковы конкуренты нашему круглому столу: коррупция. Подумали, что, видимо, все журналисты пойдут на коррупцию, потому что писать на горячие темы проще. Но у нас здесь озвучен такой богатый набор горячих и острых тем, что, мне кажется, журналистам можно несколько лет спокойно жить и писать о том, как Россия поддерживает за рубежом русский театр, СМИ, которые говорят, показывают и пишут на русском языке, поддерживает какие-то учреждения, связанные с образованием, как Россия внутри страны сохраняет и преумножает богатство русского языка, как происходит обучение русскому языку и т.д. Масса интересных вопросов, в том числе касающихся перевода. Мне даже жаль, что я не журналистка. Но у меня есть несколько интересных тем в копилку.

Много лет я работаю в разных структурах, связанных с ЮНЕСКО. Я работала в Московском бюро ЮНЕСКО – это представительство организации, которое сначала работало только для Российской Федерации, затем уже для шести, а позже – для пяти стран бывшего СССР. Потом я работала в Российском комитете Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». И вот сейчас я работаю в Институте ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. Уже на протяжении 15–16 лет я вижу, что делается в ЮНЕСКО с русским языком. Это официальный язык ЮНЕСКО и ООН в целом, а значит работа управляющих, руководящих органов ЮНЕСКО – Исполнительного совета и Генеральной конференции – ведется и на русском языке в числе других шести официальных языков. А что же дальше?

В ЮНЕСКО очень неплохой оцифрованный архив публикаций и документов, выложенный на портале в открытом доступе. Однако год от года количество изданий и публикаций на русском языке в электронном архиве ЮНЕСКО уменьшается очень заметно. Если смотреть на русскоязычную часть портала ЮНЕСКО, мне, например, становится не по себе. Мне каждый раз стыдно (хотя я не имею к этому никакого отношения), что

на русскоязычном портале ЮНЕСКО вот такого качества перевод и вот такой русский язык. Мало того, эти язвы, эти поражения русского языка видны уже даже в крупнейших документах. Если посмотреть новые ооновские Цели устойчивого развития, в которых определяется горизонт развития человечества до 2030 года, русскоязычный документ не полностью грамотен, не полностью отражает англоязычный оригинал. Что это такое? Это, на мой взгляд, невнимание или недостаточное внимание правительства и нас, граждан страны, к работе самих международных организаций и к работе в международных организациях. И ЮНЕСКО – в первых рядах как организация, которая занимается теми самими гуманитарными вопросами: культурой, наукой, образованием, информацией и коммуникацией. ЮНЕСКО – единственная международная организация, агентство ООН, уполномоченное заниматься этими вопросами. И если мы посмотрим, сколько в настоящее время на руководящих постах ЮНЕСКО россиян, то выяснится, что никого не осталось.

О чем же мы можем говорить? Дело не в том, что у нас в России недостаточно квалифицированных людей, которые могли бы занять эти позиции. Просто когда мы говорим «ЮНЕСКО», в голове возникает что-то, связанное, наверное, с памятниками культуры: всемирное наследие, Байкал они защищают, в Петербурге они то ли помогали, то ли мешали. В публичном медийном поле место России в международных организациях, участие России в таких крупных проблемах, которые интересны ЮНЕСКО, практически не обозначается. Мне кажется, что это в корне неправильно.

В настоящий момент я работаю в структуре ЮНЕСКО. Я в принципе не должна напрямую защищать российские интересы, но могу высказать свое экспертное мнение. Конечно, нужно обращаться к органам власти. В начале нашей работы сразу спросили, есть ли тут представители, например, Государственной Думы. Вот, у нас есть помощник депутата, мы можем

обращаться к правительству. У них свои планы, свое видение, свое мировоззрение, и заставить их резко развернуться в одну или другую сторону достаточно сложно, мы все об этом знаем. Но, возможно, если в медийном поле постоянно, громко, четко, выразительно будут подниматься темы, связанные с русским языком с точки зрения разных аспектов, не только с точки зрения того, что дети стали читать мало классики или что большое количество заимствований из других языков представляет угрозу для русского языка. Это очень богатая и очень широкая тема. На мой взгляд, то, что переводами на русский на портале ООН занимаются люди, знающие русский язык, но не являющиеся его носителями, – это достаточно важная проблема, потому что речь идет о материалах, доступных всему миру. И от того, насколько много их будет на русском языке на том же портале ЮНЕСКО, в той же работе ЮНЕСКО, от того, насколько грамотно они будут составлены, зависит устойчивость русского языка в мире и его дальнейшая судьба.

Но вообще-то изначально я хотела вам рассказать о положении русского языка и возможности повлиять на эту ситуацию. Что мы можем сделать для того, чтобы русский язык стал более востребованным, более привлекательным, более интересным?

Сейчас в системе образования на глобальном уровне происходят достаточно интересные вещи. Специалисты говорят, что меняется образовательная парадигма, принципиально меняется система образования – от привычной классно-урочной системы воспроизведения знаний к чему-то, что еще достаточно трудно определить, потому что это явление находится только на стадии формирования. Но мы четко замечаем, что сейчас нет возможности отучиться один раз, закончить университет и дальше успешно продолжать свою жизнь, используя багаж полученных знаний. Мы говорим о необходимости получать образование на протяжении всей жизни, о непрерывном образовании. И формальные институты, которые для получения образования требуют физического присутствия (школа, ин-

ститут и другие инстанции, которые оказывают образовательные услуги), становятся необязательны благодаря тому, что у нас есть некая виртуальная среда – киберпространство, в котором появляется всё больше и больше возможностей получить дистанционное обучение либо получить доступ к образовательным, информационным, научно-методическим ресурсам в электронном виде из того места, из которого вам удобно. И вот это как раз одна из тех областей, которая, на мой взгляд, наиболее интересна и перспективна для развития.

Мы говорим об этом с Министерством образования, но я бы хотела привлечь ваше внимание как журналистов к проблематике наличия и количества электронных образовательных ресурсов в Интернете на русском языке. Дело в том, что именно открытые образовательные ресурсы называют не технологическим феноменом, а социальным. Открытыми образовательными ресурсами называют те, к которым есть свободный доступ, которые вы можете сохранить, которые вы можете редактировать, дополнять, на основе которых вы можете создать свою образовательную программу, свой образовательный курс, книгу, любой продукт в любой форме. Эти ресурсы бывают абсолютно разного рода. Они выпускаются либо как общественное достояние, либо под открытыми лицензиями, например Creative Commons. Есть достаточно интересные аналитические работы по разным регионам мира, на глобальном уровне, показывающие, что чем больше в открытом доступе есть образовательных ресурсов, тем большие экономические возможности открываются носителям языка, на котором эти ресурсы созданы. В их регионах устанавливается некое социальное спокойствие. И наличие таких ресурсов дает очень большой толчок к развитию.

Чем больше образовательных ресурсов в мире возникает, тем больше их создается на английском языке. Это абсолютно понятно. Мы говорим об интернационализации образования, об экспорте образования, о том, что нам нужно привлекать больше иностранных студентов, но не всегда получается давать

образование на нашем родном языке или на их родном языке, зачастую как посредник используется английский язык со всеми вытекающими отсюда последствиями, и мы о них знаем. Но, с другой стороны, увеличение количества образовательных ресурсов на русском языке может эту ситуацию немного изменить. Чем больше ресурсов будет доступно носителям русского языка, тем больше они будут находиться в нашей культурной парадигме, будут разделять наше мировоззрение, с одной стороны. А с другой стороны, это относительно легкий путь для того, чтобы привлечь внимание к стране, к общности, которая способна продуцировать современный, интересный, востребованный продукт.

Я, кстати, хотела прокомментировать то, что Евгений Иванович говорил по поводу традиций изучения иностранного языка. В Европе уже много лет работает так называемая «Барселонская инициатива», в рамках которой на разных уровнях образования, в разных культурных и социальных средах продвигается идея того, что, помимо родного языка, европеец должен свободно владеть двумя иностранными языками. Это выход в мир, это открытие границ и это возможность для нас сделать русский язык изучаемым в рамках данной инициативы. Нам нужно двигаться к тому, чтобы русские говорили и учились на разных языках. Спасибо большое.

Л. А. Трубина

Мы были в прошлом сентябре в Барселоне на огромной конференции Ассоциации преподавателей русского языка и литературы всего мира. И услышали много интересных вещей. Выступают специалисты о том, как иностранные языки нужно изучать. И знаете, что они говорят? Это раньше нужно было изучать английский язык как иностранный. А сейчас он является языком техническим. Любой грамотный человек должен его знать, он не дает конкурентных преимуществ. Значит, должен быть еще один иностранный язык, который создает конку-

рентное преимущество. И они как раз рассказывали о русском языке, который возможно использовать и в бизнес-сфере, и в культурной. Русский язык начинает обеспечивать преимущество по сравнению с другими иностранными языками.

И не могу не сказать еще об одной ситуации. Некоторое время назад мы участвовали в праздновании столетия Минского педагогического университета. Присутствовали там иностранные делегации из России, Армении, Литвы, Латвии, Украины и т.д. И вот вечером, когда был торжественный прием для иностранных делегаций, сидели мы все за одним столом и пели все по-русски! И какие песни? Советские. Если мы говорим о разных векторах продвижения русской культуры и русского языка, то, помимо театра, о котором сегодня уже говорили, песенная культура тоже может стать одним из путей продвижения русского языка.

Д. Халидов

Разрешите представиться: советник главы Республики Дагестан Денъга Халидов. Я член президиума Академии геополитических проблем Российского конгресса народов Кавказа. Эту тему мы обсуждали 16 лет назад в Госдуме в Комитете по делам национальностей и в Комитете по делам Федерации и региональной политике. И я вспомнил свои тезисы. Перед тем как сюда приехать, мы сформулировали для себя, зачем мы едем. Здесь делегация, здесь журналисты, министр печати и информации, председатель Союза журналистов Дагестана. И мы сформулировали одну задачу: главное – это сохранение национальной прессы и прессы на национальных языках, сохранение родных языков, восстановление моды на родные языки. А для этого нужно продумать определенные механизмы.

Вы подняли планку разговора на более высокий уровень. Эта планка очень серьезна и требует научного обоснования, осмысления. Я как эксперт по геополитике и социологии обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство: нужно

четко сформулировать проблему. Наша проблема, касающаяся русского языка, имеет три аспекта. Первая – активное внедрение англицизмов. Вторая – активное внедрение полукриминального сленга, криминальной языковой культуры. Третья – пренебрежение правилами элементарной орфографии и стилистики. Это три проблемы. Соответственно, для решения каждой нужен свой метод, свой инструментарий. Что делают за рубежом? Как упомянул наш гость из Франции, маленькая Исландия создала совет и активно защищает свой язык от внедрения англицизмов. Они защищают язык, несмотря на то что воспринимают себя как часть западного мира. А в России последние 25 лет не то что защиты языков нет, а просто-таки пренебрежение языковой культурой! Слава богу, появились новый министр образования и новый глава Администрации, новые веяния; это вселяет надежду.

Нужно создать государственный совет, который будет мониторить язык прессы, язык телевидения, язык литературы и активно защищать русский язык и искать аналог, для того чтобы вытеснить англицизмы. Справедливый пример успешного внедрения полукриминального сленга или англицизма: «Так, чуваки, собираемся и мобилизуем быдло для успешного проведения краудфандинга». Кто-нибудь что-нибудь понял? Те, кто прошли лагерь, поймут. А те, кто не прошел школу англицизма, как поймет, что такое краудфандинг? Давайте поищем для него слово в русском языке, аналог, который бы нес смысл. Как мобилизовать в толпе наиболее интеллектуально развитых для решения каких-то проблем, не потерять их в пространстве, сгруппировать, чтобы решить проблему? Есть ведь еще краудсорсинг, шопинг и т.д. Это насколько надо не любить «эту страну», как они говорят (юная когорта московской публики, в регионах такого нет, а в Москве есть)?!

У совета три группы, три направления, которые следят за внедрением этого сленга. Совет мониторит (хотя «мониторит» – это ведь тоже английское слово), отслеживает и решает эту проблему.

Реплика из зала

Проблема – тоже нерусское слово.

Д. Халидов

Да, тоже нерусское. И в этой связи нельзя забывать о проблеме орфографических и стилистических ошибок.

Теперь о русском языке за рубежом. Есть опыт британцев, есть опыт американцев, есть опыт китайцев, которые активно внедряют свой язык через свои инфраструктуры. Хочешь не хочешь, а его приходится изучать. Это уже вопросы выживания в современном и будущем мире. Поэтому планку разговора я подниму еще выше. Языковая политика – это составная часть геополитики, стратегии развития страны. Или страна себя позиционирует как носителя большого проекта, больших смыслов, универсальных ценностей, или она воспринимает себя как часть англоязычного, англо-саксонского мира. И тогда, извините, не надо пенять на зеркало. В русском мире – более широким, чем Россия, – любят «Катюшу», «Подмосковные вечера», русских классиков (именно русских, а не русскоязычных, хотя русскоязычные авторы тоже пишут вещи достаточно глубокие, которые могут украсить классику любого народа). Вопросы языковой стратегии – это серьезно, именно поэтому я здесь.

Теперь о судьбе родных языков национальных образований по всей России. У нас уже есть основа документа для родных языков Дагестана, но мы ведь можем ее переформатировать. Можно вынести ее на суд общественности, экспертного сообщества, журналистов. От Союза журналистов можно было бы уже принять резолюцию.

Первый блок – судьба русского языка в России и в мире. В качестве фундамента у нас русский язык или языковая политика Российской Федерации как составная часть стратегии геополитики страны.

Второе – судьба родных языков в России. Тут проблема связана с неолиберальными заходами в двухтысячные годы, когда региональный компонент языковой политики скинули на регионы. Для Ханты-Мансийска, Татарстана, Башкортостана это не проблема, они регионы богатые, могут позволить себе роскошь из своего бюджета выделить деньги на развитие родных языков и со всей этой инфраструктурой – прессой, телевидением, школой – создавать моду на родной язык. В дотационных республиках всё довольно сложно. В Советском Союзе и в 1990-е годы эту сложность обходили за счет того, что региональные кампании языковой политики входили в федеральный бюджет. Основание было такое: этот вопрос не только ваш, но и наш, это вопрос Российской Федерации, вопрос государственной важности. Мы печемся о том, чтобы положения Конституции были выполнены. Вот поэтому мы можем опять обострить и актуализировать вопрос о региональном компоненте языковой политики в школах, в национальной прессе. И я думаю, что к нашему голосу прислушаются и Министерство образования, и Правительство, и Госдума. У нас много сторонников, и я сам готов войти в эту рабочую группу. Давайте вместе поработаем и выдадим документ, за который нам не будет стыдно.

С. А. Дзюбинская

У меня есть пара реплик в дополнение к выступлениям коллег, а также хотелось бы сказать пару слов о том, что делается на уровне федеральных исполнительных органов власти.

По поводу национальной прессы. Мы в соответствии с нашими силами и возможностями поддерживаем региональную и федеральную прессу на национальных языках, но у нас, к сожалению, есть ограничения: в нашем конкурсе не имеют право участвовать муниципальные и государственные учреждения. Увы, в кавказских республиках эти СМИ как раз являются такими учреждениями. По этой причине из Дагестана нами поддерживается только национальная газета «Будни района».

В Башкортостане ситуация другая – у них эти СМИ действуют в форме унитарных предприятий и учреждений, поэтому Башкортостан мы как раз можем поддерживать. Возможность поддержать прессу на национальных языках есть, и мы ежегодно поддерживаем порядка 50–60 изданий, многие из них детские. Много изданий из Якутии и других республик.

Федеральным агентством проводится множество мероприятий, я назову основные. Это Форум переводчиков с национальных языков народов России, Международный конгресс переводчиков, премия «Читай Россию/ReadRussia», которая ежегодно вручается в рамках Московской международной выставки-ярмарки за лучшие достижения в переводе российских произведений на иностранные языки. Есть очень интересный Пушкинский конкурс для преподавателей-русистов, который проводит «Российская газета». Это тоже важное мероприятие, которое привлекает внимание и дает какой-то толчок педагогам-русистам. Ежегодно определяется тема эссе, на которую должны быть представлены работы.

По поводу создания совета. Предложение вроде бы интересное. Допустим, мы создадим еще один совет – неважно, при каком-то органе власти или еще ком-то, – который будет мониторить ситуацию. Это потребует серьезных финансовых ресурсов. Но что именно мы будем мониторить?

Д. Халидов

Возьмите опыт Исландии и Франции.

С. А. Дзюбинская

Я понимаю. Но нужно ли делать это в форме совета? Мы промониторим, у нас будет показатель: эти, эти и те СМИ злоупотребляют заимствованиями. Что дальше? Есть ст. 19 Закона о СМИ: в редакционную политику любого СМИ никто вмешиваться не может.

У нас есть замечательные идеи по саморегулированию отрасли. Пусть это будет на уровне совета при Союзе журналистов или какой-то другой организации, но, как мне кажется, это должен быть коллегиальный орган. Не орган власти должен указывать, а все-таки наше журналистское сообщество должно между собой договориться. Если у нас есть цель – грамотный, красивый, великий и могучий русский язык, то давайте мы будем грамотно и красиво писать в своих изданиях. Это не должно идти сверху, по моему ощущению.

У нас есть значимые проекты, на которые мы даем деньги. Опять же, в конкурсном отборе могут принимать участие со своими проектами все, кроме государственных и муниципальных учреждений. И в приоритетных темах у нас – продвижение национальных языков, национальных культур, у нас есть отдельная тема продвижения русского языка. Поэтому, если кто-то из вас реализует такие проекты, милости просим. Я могу отдельно проконсультить. Вся необходимая информация у нас на сайте есть. В следующем году, начиная с февраля месяца, вы можете заявиться.

Реплика из зала

Я хотел спросить представителя исполнительной власти. Вы изложили ситуацию: кто-то может претендовать, а кто-то не может. Вопрос очень важный: это нам на местах нужно перерегистрировать наши организации, или все-таки вы должны найти возможность в равной степени финансировать или допускать к конкурсу? Второй вопрос – касательно совета. Я в выступлении коллеги из своей республики услышал следующее: за последние несколько лет языковую и информационную политику органы исполнительной власти провалили – по-другому я сказать не могу – и требуется какой-то общественный надзор. Почему вы говорите, что есть ограничения закона о СМИ? Почему нельзя в эти конкурсы допускать не по форме собственности, а по рекомендации того же самого совета? А то, получается, какой же это конкурс?

Реплика из зала

У меня тоже есть вопрос. Очень понравились выступления, были задеты многие болевые точки. И хотелось бы спросить: а какой продукт будет на выходе этого круглого стола? Какими полномочиями обладает наш круглый стол и какие решения он может принимать?

Е. И. Кузьмин

Сейчас мы закончим с вопросами к Федеральному агентству по печати. Пожалуйста, ответьте.

С. А. Дзюбинская

Перерегистрироваться не надо. Давайте не будем лукавить по поводу неравенства. Почему ограничения бюджетного кодекса? Потому что государственные и муниципальные учреждения финансируются по государственному заданию из бюджета органов того уровня, которым они учреждены. Разве нет такого задания? Есть. В Туле недавно во время саммита поднялись районные газеты: «Ах, как же так, вы нам не даете, это неравноправие». Чтобы не было никаких недомолвок и разговоров о неравенстве: у нас средний уровень субсидий по региональным СМИ – 380 тысяч рублей на проекты на целый год. В той же Тульской области, в Дагестане, думаю, меньше денег на каждое муниципальное учреждение. Если поделить количество учреждений и суммы, заложенные в бюджете области, получается по два миллиона на газету. Поэтому сказать, что их обидели тем, что не допустили к участию в конкурсе, – это не совсем честно.

Другой вопрос. Вы понимаете, Федеральное агентство не может взять и внести изменения в бюджетный кодекс. Мы работаем в рамках своих полномочий. У нас форма – субсидия. Если бы она была заложена другой бюджетной строчкой, гран-

том, например, то, возможно, там были бы какие-то исключения. Если бы мы могли что-нибудь изменить, то изменили бы.

У нас есть критерии отбора, есть 42-й приказ, и там всё достаточно серьезно. То, что вы предлагаете, – это опять же надзорные функции. У нас функции разделены. Есть надзорные органы – Роскомнадзор, есть Федеральное агентство по печати, которое оказывает государственные услуги, дает деньги, льготы и т.д. Я не говорю, что этот совет нам вообще не нужен. Я просто хочу сказать, что мы должны выработать такую систему, чтобы она работала. Чтобы отмониторили, а дальше были бы какие-то рекомендации, в том числе касательно того, кому принимать участие в конкурсе, кого допускать или не допускать. Нужно, чтобы этот совет был очень профессиональным, чтобы не было субъективных факторов. Все-таки вопрос языка – вопрос очень тонкий. Может быть такой совет, почему нет, но не для надзора – это не часть нашей работы, это другая исполнительная ветвь власти, и я не могу за нее говорить.

Реплика из зала

То есть ваши субсидии получают только частные издания?

С. А. Дзюбинская

Почему частные? Автономные некоммерческие организации. Многие районные газеты существуют в такой форме. В Челябинской области все газеты в этой форме. Формы бывают разные.

Е. И. Кузьмин

Это уже другой вопрос. Коллега из Дагестана вывел нас на высокий философский уровень. Он сказал: если Россия мыслит себя как часть англо-саксонской периферии, тогда не

надо обсуждать все эти вопросы, как идет, так и идет. А у нас действительно инерция набрана огромная и колоссальная. И как остановить эту инерцию, как изменить законодательство, которое сдерживает государственные институты от того, чтобы работать в рамках здравого смысла и высокого целеполагания? Я 25 лет наблюдаю работу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. С моей точки зрения, у нас нет более профессиональной структуры, в которой бы работали более высококвалифицированные и честные профессионалы. Но они зажаты в прокрустово ложе этих крошечных возможностей. Мы напринимали таких законов и таких регуляций, финансовых, экономических и прочих, что сегодня, куда ни посмотри, никто ничего не может, никто не несет никакой ответственности, все кивают: «Это не мы, это закон». Катастрофа! И мы сегодня расплачиваемся за то, что предали собственную идентичность, за то, что не понимали, кто мы есть, зачем мы, и кому это надо.

Вы знаете, в Москве 90% ничего искренне не понимали. Позавчера я прочитал воспоминания Юрия Петровича Изюмова – фактически главного редактора «Литературной газеты», в которой я работал. Я читал эти воспоминания и думал, какой я был глупец. У нас ведь было как? Все, кто наверху, – коммунистическая сволочь, которая давит, душит свободу. Такое отношение было у журналистов в Москве к собственному начальству. Все бегали, искали, где им дадут громче проклясть советскую власть, коммунизм, громче возвеличить Америку, Запад и громче призвать к демократии, рыночной экономике, реализации прав человека, к финансовой прозрачности. И чем больше финансовую прозрачность мы вводили, тем больше коррупция разрасталась – это я цитирую Медведева. Медведев же сказал: принимаем новый закон по противодействию коррупции, а она растет в геометрической прогрессии. Вот куда мы себя сами загнали.

И у журналистов сегодня задача – распутать этот клубок. Выросло, выучилось новое поколение, которое сидит во власти, которое тоже не понимает, куда мы пришли, зачем пришли, какими словами мы оперируем и какие последствия произносимые слова имеют. Мы же сегодня даже не знаем, как проанализировать нашу реальность. Недавно я разговаривал с одним поляком, очень образованным человеком из ЮНЕСКО. Мы говорили о том, как обстоят дела в Польше и в России. Мы говорили на английском. И знаете, на английском языке невозможно описать, что же происходит. Ведь нет инструментов анализа: а у вас люди друг к другу лучше относятся? А у вас солидарность между людьми есть? А люди у вас уважают друг друга? А справедливость у вас есть? А совесть у вас вообще осталась? Такого вообще нет. Нет такого. Есть предельно рациональное сознание и предельно рациональный язык, который выражает это сознание и отражает их мир. А мы свой мир должны отражать на своем языке – или своих языках.

Л. А. Трубина

Совсем недавно я писала в один французский журнал об образовании. Думаю, все знают, что научные работники поставлены в такие условия, что обязаны писать в зарубежные издания. Меня попросили написать статью о русском литературном образовании. И вот я пишу, что в основе его лежит русская классика с ее нравственно-этическими ценностями родной земли, дома, семьи, труда. Мне редактор присылает свой вопрос: а общечеловеческие ценности? Это как раз к тому, что вы говорили. Семья, труд на родной земле, дом, любовь – оказывается, это не общечеловеческие ценности. Мы знаем, во Франции есть свои общечеловеческие ценности. У нас своя ментальность. И об этом тоже нужно знать, об этом нужно и писать, и говорить. И говорить гордо.

А. В. Щербаков

Небольшая реплика по поводу советов и мониторинга. Вы все прекрасно знаете, что у нас существуют два совета по русскому языку: один при Президенте и один при Правительстве. И такая организация, как Союз журналистов России, вполне уважаема, известна и авторитетна и может обратиться в любой из этих советов или в оба одновременно с предложением провести какой-либо мониторинг, выработать рекомендации и т.д. К тому же, насколько мне известно, под эгидой Союза журналистов существует такой совещательный орган, как Большое жюри, которое может выносить какие-то рекомендации по сложным конфликтным ситуациям в журналистском профессиональном сообществе. Почему бы не обратиться к Большому жюри с просьбой внести в этический кодекс журналиста какие-то дополнения в части русского языка и владения его нормами.

Е. И. Кузьмин

Вы знаете, с середины 80-х была доминирующая тенденция как можно больше сократить роль государства. И государство отовсюду ушло, чтобы были механизмы саморегуляции, гражданское общество. Предельным выражением было: рынок расставит всё на свои места. Прошло 25 лет, и все понимают прекрасно, что рынок ничего по своим местам не расставляет и везде должен сочетаться с государственным регулированием. Чего стесняться государственного регулирования? Во Франции и во многих других странах штрафуют за неправомерное использование иностранных слов. И это по закону. А что значит закон? Это когда большинство народа согласно, что за это нужно штрафовать. А мы все стыдливо делаем робкие попытки сказать, что не всё регулируется само по себе. Журналисты должны начинать говорить о том, что пора одумываться. Возвращать нужно государство. Государство – это демократический институт. И государство, и государственная пресса го-

раздо больше отражают интересы народа, чем частная пресса, которая служит какой-то отдельной корпорации и каким-то отдельным людям, и непонятно, кто эти люди, что у них за намерения, что у них за деньги. Всё перевернуто с ног на голову. Генрих Зигмундович, за что борется ЮНЕСКО? За то, чтобы было больше независимой прессы. А от кого независимой? Вот берем опыт Российской Федерации. Огромная страна, самая большая в мире. И что эта независимая пресса сегодня?

Г. З. Юшкявичус

Назовите мне хоть один орган независимой прессы, и тогда я отвечу на этот вопрос.

Е. И. Кузьмин

А назовите мне в Америке хоть один орган независимой прессы?

Г. З. Юшкявичус

«Геральд Трибьюн».

Е. И. Кузьмин

У нее же нет владельца.

Г. З. Юшкявичус

Зато я вижу ее программную политику.

Е. И. Кузьмин

А какая политика? Мы читаем их статьи про Россию – это же катастрофа.

Г. З. Юшкявичус

Одна статья против России, одна за. Понимаете?

Е. И. Кузьмин

Ладно, назвали «Геральд Трибьюн». Еще кто?

Г. З. Юшкявичус

Раз уж начали, скажу очень простую вещь. Есть другая проблема, и эту проблему наши друзья из Дагестана замолчали. В связи с тем, что было решено перевести телевидение и радио на цифровое вещание, национальные программы на радио и телевидении в республиках и регионах сейчас находятся в отвратительном состоянии. Местное теле- и радиовещание просто погибают. Я считаю, что политика Министерства связи России не соответствует государственной политике России в национальном вопросе. Представляете, какая возникнет проблема, если в Якутии вдруг не будет телевизионного вещания на якутском языке? То же самое касается региональных телевизионных и радиопередач на русском языке. Я говорю про региональное вещание, потому что во всем мире больше всего верят региональным газетам, региональному телевидению и региональному радио, ведь они говорят про местные проблемы. Но здесь возникает и другая, национальная проблема. Можете себе представить, что завтра в Татарстане не будет телевизионных и радиопередач на татарском языке? Даже если есть 22 канала, которые распространяются по кабельным сетям в России бесплатно, то в Татарстане за каналы на татарском языке нужно платить. Это вопрос совершенного несоответствия технической политики с государственной политической концепцией России как государства. Это большая проблема, и грядет большой взрыв.

Е. Бадякина

Я должна сказать, что сейчас мы, наоборот, уходим в другую крайность. В национальных республиках, в том числе и у нас, в Северной Осетии, осетинский язык сейчас вводится в школьную программу и по нему сдается экзамен. В этом ничего плохого нет, я всей душой за развитие языка, но при этом забывается, что часть населения этих республик – русские люди. И фактически русским детям нужно теперь учить три языка: русский, осетинский и английский. Я живу в городе Моздок, который известен в связи с войной в Чечне. Но у нас был русский район, переданный Осетии в 1944 году. И этот город был абсолютно русским. Там живет много национальностей, но теперь в школах ввели осетинский язык. Кумыки, которые здесь живут (это 10% населения), недовольны: давайте тогда и кумыкский в школах вводить. Проблема нарастает. Решая одну проблему, мы создаем другие. Я читаю, что в республиках, в том же Татарстане, запретили принимать на работу воспитательниц, не знающих татарского языка. То есть русских женщин теперь не принимают на работу, если они не знают татарского. А если они русские, которые живут там наравне с коренным населением, а не как оккупанты или какие-то пришлые люди? Живут там исстари, веками, а теперь испытывают давление? Мы говорим о зарубежье, но у себя не видим колоссальную проблему. Советский Союз так же пал под разговоры о том, что национальным языкам не дают свободы. Мы не должны закрывать глаза на то, что в республиках возрастает языковой национализм. И язык тут играет не последнюю роль. Язык – это политический инструмент. И мы должны призвать республики к ответственности. Не надо педалировать национальную проблему, которая, конечно же, есть и которую я как кавказская женщина, чьи предки веками жили на Кавказе, признаю. Давайте уважать русских и Россию. Если, не дай бог, не будет России, всем будет плохо. Надо быть мудрее.

Реплика из зала

Уважаемые коллеги, добрый день. Те процессы, которые происходили в Российской Федерации в 90-е годы, заставили нас заговорить об общероссийской гражданской идентичности. Когда речь идет о языковой политике в том или ином государстве, имеется в виду прежде всего фактор обеспечения стабильности в субъектах Российской Федерации. Сегодня ту ситуацию, которая сложилась в России с языковой политикой, конечно, можно одобрить, но есть вещи, в которые, с учетом наших реалий, надо внести коррективы.

У каждого человека есть три уровня идентичности. Прежде всего это его этническая идентичность. Допустим, на примере Дагестана: он кумык, аварец и т.д. Помимо дагестанской идентичности у него есть общероссийская идентичность. Если он не является истинным аварцем, он не может быть истинным россиянином. Поэтому такое отношение должно быть и к языкам национальным – на этом аспекте я хочу заострить внимание.

Сегодня в Дагестане выходит национальная пресса на 14 языках – быть может, среди субъектов Российской Федерации такого больше и нет. Есть национальные и республикообразующие языки. Помимо этого, есть еще 16 бесписьменных языков, на которых уже начинает издаваться литература, – они хотят иметь соответствующий статус. И есть языки малочисленных народов. Поэтому тот остаточный принцип, которым мы руководствуемся, когда говорим о развитии языков, нереален, он не отражает ситуацию и сегодня он опасен. За то время, что я работаю в государственных учреждениях Дагестана (а начинал я преподавателем в школе), было принято пять программ развития русского языка в республике. Последняя – в 2013 году. В прошлом году была специальная правительственная программа о дополнительных мерах по развитию русского и других языков народов Дагестана. В этом году создан Центр русского языка и культуры, имеется русский театр. Другие национальные языки

являются государственными наряду с русским языком в республике Дагестан. Но имеют ли они равноправное положение?

Мы знаем, что каждый язык живуч настолько, насколько широка сфера его использования. Сегодня в Российской Федерации мы законодательно позволяем вести судопроизводство на национальных языках, но на деле этого не происходит. Мы говорим, что в каждой республике должна развиваться своя литература, но она не развивается, потому что нет средств. В Дагестане сохранилось издательство, которое занимается проблемами выпуска национальной литературы. Той переводческой школы, которая была в Советском Союзе, больше нет – мы ее потеряли. Для того чтобы в обществе было взаимопонимание, важны журналисты, писатели, поэты. Это надо восстановить. Однако этому уделяется крайне мало внимания.

Сегодня народы Российской Федерации говорят на 359 языках. А на скольких языках ведется телерадиовещание? На национальных языках его нет. 10–15 минут, которые выделены самому большому по численности в Дагестане аварскому народу, – достаточно ли их для республики, не говоря уже о России? Почему нельзя по российскому телевидению, по российскому радио дать прозвучать передачам на сахульском, агульском, кумыкском и других языках?

Мы видим только одну проблему и допускаем в ее же решении очень большое количество ошибок. Поэтому национальная пресса сегодня находится на не самом почетном месте.

Я понимаю, это проблема региональных органов власти, но мы на местах мало что можем сделать. Думаю, что нужно выработать какие-то рекомендации для Российской Федерации. Этот вопрос нужно поднять, нужно бить в колокол, иначе мы окажемся в ситуации Ивана, не помнящего родства. Россиянин, который знает историю, который знает свой родной язык, знает русский язык и знает еще два иностранных языка, принесет Российской Федерации больше пользы, чем человек, который знает лишь один язык.

Реплика из зала

Я из Приморского края, из Владивостока. Я хочу немножко пройти дальше и вернуться к теме чистоты языка в прессе. Может, вам это покажется смешным, но я считаю, что все уговоры здесь бесполезны.

Рынок расставляет всё по своим местам, и появляются частные СМИ. У меня частное издательство, частные газеты, муниципальные в холдинге. У меня в штате работают три корректора. Сейчас появляются частные СМИ, у которых корректоров нет вообще – они экономят деньги. В итоге получается продукт, который нормальному русскоязычному человеку читать просто невозможно.

У нас есть Закон о СМИ. В него можно вносить всевозможные поправки. Если мы в агентство не отправили вовремя контрольный экземпляр, нас штрафуют. Вот и за то, что в штате нет корректора, надо штрафовать. Надо внести поправку в закон, чтобы в каждой редакции в штате был корректор. Нет корректора – плати штраф. Раз-два заплатят – возьмут на работу человека.

Конечно, нужно вести и разъяснительную работу, и образовательную. Но порой можно только сверху вот такими методами давить.

А. В. Щербаков

Можно небольшой комментарий? С первого января у нас вводятся так называемые профессиональные стандарты. Сейчас будет разрабатываться профессиональный стандарт журналиста, и наверняка Союз журналистов к этому будет причастен. Там эти нормы и нужно закрепить. Тогда и на работу нельзя будет взять человека без соответствующего образования и соответствующих навыков.

Реплика из зала

Я позволю себе буквально одну реплику. Коллега из Северной Осетии говорил о том, что в Татарстане угроза: не берут на работу без знания татарского языка. Я считаю, что это абсолютно нормально. Знание языка – это тоже конкурентное преимущество. Меня из-за моего акцента на Первый канал диктором не возьмут. Квалифицированное знание русского языка в Российской Федерации – это колоссальное конкурентное преимущество. И не нужно к этому относиться с таким опасением. Я, например, могу смириться с тем, что не обладаю таким красивым русским произношением, как другие. Это их конкурентное преимущество. Точно так же и с национальным языком. В Татарстане и меня в садик не возьмут работать. А в условиях Дагестана знание аварского языка – конкурентное преимущество. И это нормально!

С. Тодорова

Мне очень повезло: много лет тому назад я закончила Ленинградский университет, я выпускница русского отделения филологического факультета. Мне повезло учиться в этом очень престижном, прекрасном вузе, и я считаю, что это было большим подарком для меня. Так получилось, что я всю жизнь проработала и работаю до сих пор в Союзе болгарских журналистов, но знание русского языка мне всегда очень помогало. К сожалению, то, что Людмила Александровна сказала о положении русского языка в Болгарии, правда. В школах сейчас гораздо меньше изучают русский язык. Я говорю «меньше», потому что в последние годы все-таки стали изучать.

Может, кто-нибудь из вас знает о том, что у нас есть школы с преподаванием на русском языке, но в основном там только преподают язык, остальные предметы преподаются на болгарском. До сих пор есть русские лица. Директор русского лица, гражданка Казахстана, долгие годы жила в Москве, сама сей-

час преподает и балетное мастерство. У нас в Русском лицее учатся не только дети болгар, но и дети представителей других национальностей, в том числе американцы с удовольствием отправляют туда детей, потому что русская культура, русская литература, русское искусство – это величайшее достояние человечества, не только России. И уже за одно это огромный вам поклон от людей, которые не только знают об этой богатейшей культуре, но имеют возможность в оригинале, в подлиннике познакомиться с ней. Сейчас самое главное – привлечь молодых людей. Заинтересовать и заинтриговать их огромным богатством русской культуры и русского языка в частности. И конечно, в этом направлении всё, что вы предложили, очень интересно. Мне бы очень хотелось, чтобы у молодых журналистов Болгарии тоже была возможность изучать русский язык. Сейчас у нас это возможно. У нас есть курсы русского языка в представительствах Россотрудничества, в российских культурных центрах. Но мне кажется, что общими усилиями мы можем сделать больше. Мы можем предложить более интересные новые формы знакомства с Россией, потому что Россия этого заслуживает. Бывшие социалистические страны сейчас, к сожалению, вошли в другие структуры, в том числе и НАТО. Но каждый раз, когда мы встречаемся на международных конференциях, мы все сидим за общим столом и все разговариваем на русском, поем по-русски песни советских времен. Я лично о той прекрасной студенческой жизни в Советском Союзе могу сказать только хорошее, и мне кажется, что честные люди, честные студенты, которые в это время учились, вспоминают его только добрыми словами.

Если мы в Болгарии можем как-то помочь всем уважаемым преподавателям русского языка, я готова этому содействовать.

Е. И. Кузьмин

Вы знаете, мы народ с травмированным сознанием, нас все ругают, что мы такие плохие, агрессивные, тоталитарные, от-

стальные, ничего не имеем общего с общечеловеческими ценностями, с Европой, куда-то не туда идем, и поэтому нам так приятно, когда нас хвалят наши братья-болгары. Мы ведь все были воспитаны в Советском Союзе: братья-болгары, братья-литовцы, братья-чехи. Не говоря о том, что внутри самого Советского Союза была уникальная среда. Запад, насколько я наблюдаю, постоянно заводит разговоры о толерантности. Толерантность подразумевает что? Терпи. Он другой, ты его терпи. Но ведь в Советском Союзе мы воспитывались на принципах дружбы народов. На том, что мы друзья, братья, а не на «он другой, но ты его терпи». Сегодня это пересматривается.

Давайте подведем итог тому, чего мы достигли на этой встрече.

Д. Халидов

Мы актуализировали проблемы. Это первое. Второе – мы классифицировали проблемы. Третье – мы определили контуры решения проблем, определили для себя цели, задачи и методы решения, чем уже вызвали споры: появится совет или нет. Почему, если в таких маленьких странах, как Исландия, Франция, Финляндия такие советы есть? Они, находясь внутри западного мира, защищают свою идентичность. А мы, находясь вне западного мира, не можем эту свою идентичность защитить. Так еще находятся те, кто говорит, что это нам не под силу – законам не соответствует. Ну, значит, нужно законы менять. Я могу взять на себя задачу не только по национальным языкам, но и по тому кругу вопросов, который я обозначил: геополитика, стратегия языковой политики. Соответственно, отсюда и вытекают задачи и предложения. Это уже вопрос для депутатов Госдумы и правительственных структур, поскольку у нас нет сейчас времени изучить все эти законы – по образованию, по языковой политике и еще какие-то законодательные ограничения. Но мы можем актуализировать проблему. Поставить задачи. Обозначить методы решения. Это двух-трехстра-

ничная резолюция, под которой должны стоять подписи, начиная с Богданова и заканчивая председателями региональных отделений СЖР и согласованного круга экспертов.

Схема должны быть технологичная, если мы хотим получить результат – через Госдуму, через Правительство, Министерство образования. Сегодня, когда я увидел этот круглый стол, я понял, что это новое веяние.

Т. А. Мурована

То есть вы предлагаете те идеи, которые выработаны в рамках нашего круглого стола, включить в общий итоговый документ фестиваля?

Д. Халидов

Ну а как иначе? Это же не междусобойчик.

Реплика из зала

А есть какой-то итоговый документ фестиваля?

Д. Халидов

А мы сделаем его. Вот рабочая группа. Богданов сказал: «Работайте!»

Т. А. Мурована

Мы не можем выработать итоговый документ всего фестиваля, мы можем выработать предложения от нашего круглого стола.

Д. Халидов

Да, согласованные с экспертами.

Е. И. Кузьмин

Это может быть обращением от нашего круглого стола к фестивалю, к журналистам. Почему мы здесь собрались? Мы ведь не специалисты в области этнополитологии, этносоциологии, этнолингвистики, госуправления и права. Мы приехали сюда для того, чтобы в журналистское сообщество вбросить эти вопросы. И попытаться зажечь их сердца, чтобы они могли дальше развивать эту тему. Моей целью было заинтересовать двумя вопросами: языковая политика России, что в ней устраивает, что не устраивает, в чем сильные и слабые стороны, болевые точки – на общественном, а не экспертном уровне. Мы обозначили проблемы. Необходимо их разделить на сектора, поискать методы решения – этого не прозвучало, но нынешние проблемы должны быть сформулированы. В чем они? Как я понял, федеральный центр мало помогает республикам и языкам.

Д. Халидов

Наша делегация сформулировала для себя задачу: одна из главных проблем – защита и развитие родных языков, а не только русского. Плюс национальная пресса. Соответственно, есть проект резолюции, и мы хотели обсудить его с делегациями национальных журналистских союзов и преподнести СЖР, чтобы он поддержал такую постановку проблемы. Здесь мы увидели, что вы подошли к этой проблеме в целом: начиная с России, с русского мира, с русского языка. Меня это вполне устраивает, и мне это знакомо, потому что эти проблемы мы еще лет 15 назад обсуждали в Госдуме.

Е. И. Кузьмин

Я вас перебую, чтобы точно объяснить, кто мы. Мы не действовали по поручению Союза журналистов. Мы предложили на фестивале (который тоже не является съездом Союза журналистов!) привлечь внимание журналистов к тому, что суще-

ствуют вот такие общенациональные, общегосударственные проблемы. Это была чисто наша инициатива. Мы действовали под эгидой Министерства образования и науки, которое было еще до нового министра. Вы же понимаете, министр – это одно, аппарат – это другое. Внутри аппарата сформировалось понимание, что для продвижения русского языка в мире нужно эту тему внутри страны поднимать. Все соискатели должны были предложить наиболее интересные повороты темы. И мы предложили вынести эту тему на фестиваль журналистов для того, чтобы обрести сторонниками, приобрести общественную поддержку, потому что никакое государство, никакие чиновники, никакие институты без СМИ не справятся. Необходима широкая вовлеченность людей. Мы понимали, что обсуждать язык в многонациональной стране в отрыве от многоязычной ситуации неправильно. Более того, мы даже думали, что где-то нужно погрузить языковую политику России в международный контекст. Существует международная языковая политика по линии ООН, она несильно разработана, но тем не менее на повестке дня она стоит. Значит, будет формулироваться и продвигаться какая-то политика через какие-то международные документы и структуры. Почему не учитываются российские достижения в этом вопросе? Все-таки сто языков не задавлены, это не Америка, где огромное количество языков исчезло. Государство решило языки сохранять и защищать. Языки исчезают не по злой воле государства, они исчезают при естественных процессах. И нам есть, что сказать. Мы проводили международные конференции, к нам подходили американцы и сказали: «Очень стыдно за свою страну, у нас из этого ничего не сделано». Многоязычные страны – Бразилия, Индия – задают вопрос: «А как вы этого добились?» Это целая история – как этого добились, как всё осуществлялось на уровне законодательства, политики, образования, системы культуры. Язык нельзя поддерживать изолированно, нужно поддерживать народ, чтобы он оставался жив. А чтобы был жив народ, нужно поддерживать его культуру. Я читал статьи наших этносоциологов. Чтобы

поддерживать народ, нужно поддерживать не только его культуру, но и его среду обитания. Если у ненцев, которые на севере пасут оленей, не поддерживать оленеводство, ненцы исчезнут, несмотря на то что в некоторых домах культуры можно учить их язык и национальные песни и танцы. А народам, которые живут за счет рыболовства, нельзя запрещать эту рыбу ловить из-за того, что кто-то хочет поставить электростанцию.

России нужно чем-то гордиться. И мы гордимся нашим языковым и культурным многообразием. Это наше богатство, хотя поддерживать его трудно и затратно.

Т. А. Мурована

Оно не монетизируется непосредственно. Это вклад в будущее.

Е. И. Кузьмин

Если говорить об образовании, подготовка учебников, учебных пособий, словарей – это ужасно дорогие вещи.

Т. А. Мурована

Но ведь есть и не такие дорогостоящие пути. Например, Китайский фонд организует в Узбекистане большую международную конференцию для Центральноазиатского региона по использованию информационных технологий в образовании. Китайцы вкладывают деньги в Узбекистан, собирают всю центральную Азию. Рабочие языки – английский и русский. Пока еще узбеки и центральная Азия не способны обсуждать такие вещи на английском языке, они используют русский. Вот где должна быть Россия, а не китайский фонд, который привезет свои программы, технологии и методики, вкладывая в будущее. И это не так дорого. Это всё абсолютно в рамках субсидий того же Министерства образования и науки. Это не такие до-

рогие мероприятия, но они должны проходить с обязательным рабочим русским языком – в Прибалтике и как минимум на всей территории бывшего СССР.

Реплика из зала

То, о чем говорит Евгений Иванович, относится к малым языкам. И создавать учебники – это действительно очень дорого. А что касается русского языка, большого языка, на котором говорят почти 300 миллионов человек на всей планете, – здесь, конечно, есть не такие дорогостоящие технологии.

Д. Халидов

Я вижу в проекте резолюции три блока: русский язык за рубежом, русский язык в России и национальные языки. Необходимо это объединить, обозначить проблемы, на которые следует обратить внимание, и взять на рассмотрение опыт разных стран.

А. В. Щербаков

Не только стран, но и республик, которые могли бы поделиться своим опытом.

Е. И. Кузьмин

У меня тоже поверхностные впечатления, глубоко я этого не знаю, но опыт Якутии мне кажется близким к образцовому. Однако на Дагестан он распространен быть не может. Такого, как в Дагестане, вообще больше нигде нет.

Реплика из зала

В плане продвижения может быть использован опыт французского языка.

Е. И. Кузьмин

Вы понимаете, все крупные языки, кроме французского, терпят полное поражение. Во Франции немецкий язык, который был первым иностранным, заменялся на английский, а теперь заменяется на китайский. Вот проблема. Влияние Германии через ее язык уменьшается. Бразилия – мощная страна, но никто не знает португальского, кроме них.

Д. Халидов

Это вопрос геополитики. Китай является носителем своего большого проекта, которому две тысячи лет. Он основан на китайской традиции, на китайской культуре, на китайской морали, китайской политике, и менять его они не собираются. Они расширяют свой мир через мягкую экспансию. Английский уже полмира завоевал. Английский проект дружит с Китаем. У Америки свой проект. А вот строптивая Европа, Франция, Германия хорохорятся, стараются показать и свои кулаки, и свои мозги. Они вынуждены говорить на английском как международном. Но Россию-то никто не заставляет. Путин обозначает Россию как носителя проекта огромного геополитического значения. Россия не выживет как серьезная держава без распространения сфер влияния русского языка. Русский мир шире в три-четыре раза, чем сама Россия. Если так задачу не поставить, русский мир и Россия будут скукоживаться. И поскольку здесь такие сильные проекты, мы находимся между двумя жерновами. На этом фоне какие-то отдельные страны стараются обозначить собственные проекты – это Иран, это Израиль. У России тоже есть свои амбиции, и эти амбиции необходимо четко увязать с нашей языковой политикой, которая должна быть привлекательна для тех, кто даже в глубине души симпатизирует русскому миру: это и Армения, и Грузия, и даже Украина, Центральная Азия. Политика должна быть продумана. У Прибалтики и Польши глаза уже раскрываются, они теперь видят, что такое Евросоюз: там

есть много хорошего, но есть и много плохого. На фоне того, что они увидели в Европе, они начинают иначе оценивать наши достоинства.

Е. И. Кузьмин

Спасибо. Как я говорил в начале круглого стола, наша задача не только провести пять круглых столов, но и подготовить аналитический сборник по их результатам. Думаю, вы могли бы принять в этом участие.

Круглый стол
«Языковая политика Российской
Федерации и положение русского
языка в мире»

(Москва, ИТАР-ТАСС, 17 ноября 2016 г.)

Участники круглого стола

Арефьев А. Л., заместитель директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки России (Москва, Российская Федерация)

Бак Д. П., директор Государственного музея истории российской литературы (Москва, Российская Федерация)

Васильева И. Ю., заместитель генерального директора АНО «Русская гуманитарная миссия» (Москва, Российская Федерация)

Григорьев В. В., заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Москва, Российская Федерация)

Джандьяла П. Р., профессор Университета Хайдарабада (Хайдарабад, Индия)

Дроздова О. Е., заведующая кафедрой общего и прикладного языкознания, заместитель директора Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

Зайкова Н. М., проректор Северо-Восточного федерального университета (Якутск, Российская Федерация)

Зотов П. А., советник генерального директора ИТАР-ТАСС, исполнительный директор филиала ИТАР-ТАСС «Российская книжная палата» (Москва, Российская Федерация)

Каганов В. Ш., заместитель министра науки и образования (Москва, Российская Федерация)

Казанский Н. Н., директор Института лингвистических исследований РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Каширина О. В., советник руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Москва, Российская Федерация)

Клобукова Л. П., заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку (Москва, Российская Федерация)

Кочофа А. Г., Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Бенин в Российской Федерации (Москва – Порто-Ново, Бенин)

Кузьмин Е. И., заместитель председателя Межправительственного совета и председатель Рабочей группы по многоязычию в киберпространстве Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества (Москва, Российская Федерация)

Митрофанова Э. В., чрезвычайный посол по особым поручениям Министерства иностранных дел (Москва, Российская Федерация)

Оливейра Ж. М., профессор Федерального университета Санта-Катарины, основатель и бывший директор Международного института португальского языка (Санта-Катарина, Бразилия)

Радойков Б., руководитель отдела обеспечения доступности и сохранения информации Сектора коммуникации и информации ЮНЕСКО (Париж, ЮНЕСКО)

Тодорова С., председатель Союза болгарских журналистов (София, Болгария)

Халидов Д. Ш., советник Главы Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация)

Хамраева Е. А., заведующая кафедрой русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

Эль-Гинди М., информационный аналитик, телеведущий канала «Al Kahera Wal Nas» (Каир, Египет)

Яскевич М. И., проректор Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Российская Федерация)

Сессия I. Открытие круглого стола

Е. И. Кузьмин

Добрый день, уважаемые участники круглого стола, дамы и господа, друзья!

От имени организаторов мероприятия я приветствую вас здесь, в этом прекрасном зале известного во всем мире учреждения.

Мы собрались, чтобы обсудить некоторые аспекты положения русского языка в мире и языковой политики Российской Федерации. Это вопросы многократно связанные, поскольку русский язык, являясь государственным языком Российской Федерации, одним из крупных мировых языков, бытует в многонациональном государстве, где проживают еще 100 других коренных народов. Поэтому очень важна политика продвижения, сохранения и развития не только русского языка, но и всех других языков нашей многонациональной страны.

Участниками нашего мероприятия являются крупнейшие специалисты России в одной из двух областей – это политика России и собственно сохранение и продвижение русского языка. Реализация проекта, предусматривающего проведение серии круглых столов по этим двум вопросам, происходит в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы. Мы работаем в сотрудничестве с Министерством образования и науки Российской Федерации, и я очень рад, что сегодня с нами вместе Вениамин Шаевич Каганов, заместитель министра образования и науки. Вениамин Шаевич, вам слово.

В. Ш. Каганов

Спасибо большое.

Во-первых, я хотел бы порадоваться, что нахожусь сегодня в такой замечательной компании. Элеонора Валентиновна, это ведь одно из первых ваших публичных появлений в качестве представителя Президента по русскому языку? Мы очень рады, что в МИДе появился такой высокий пост и что его занимает именно вы. С этим можно поздравить и вас, и всех нас. И прежде, еще будучи постоянным представителем Российской Федерации при ЮНЕСКО, вы регулярно помогали нам в реализации и продвижении многих наших программ. Мы очень признательны вам за это.

Раз мы в такой аудитории обсуждаем проблемы русского языка, то говорим в первую очередь о продвижении русского языка за рубежом. В последнее время, на мой взгляд, в этой области сложились разнонаправленные тенденции. С одной стороны, что скрывать, проблемы доступности курсов русского языка, образования на русском языке остаются – и никуда не исчезнут. Очень многие люди в странах СНГ хотят изучать русский язык, но не имеют такой возможности, поскольку уже нет той инфраструктуры, которая существовала при Советском Союзе, в другой геополитической обстановке. Тем не менее желание учить русский сохраняют представители всех категорий населения – и более старшие соотечественники, у которых уже родились дети и даже внуки, и молодежь, которая размышляет, планирует свою дальнейшую карьеру, оценивает, какой иностранный язык обеспечит ей более устойчивую позицию на рынке труда. Всё это приводит к давлению (в хорошем смысле слова) – в том числе на нас, на органы Россотрудничества, на МИД – с запросом на создание во взаимодействии со странами СНГ дополнительных условий для обеспечения такой возможности.

Поскольку мы с МИДом и Россотрудничеством на постоянной основе занимаемся этими вопросами в партнерстве с

другими организациями, представители которых присутствуют здесь, естественным образом встает вопрос координации наших усилий. Он никогда не уйдет с повестки дня, потому что ситуация всё время меняется, меняется соотношение потребностей и возможностей, так что нам необходимо регулярно сверять позиции. Мне кажется, что появление такой фигуры, как постоянный представитель Президента, поможет нам – МИДу, Россотрудничеству, Минобрнауки, Роспечати, Минкультуры и многим другим организациям – еще более грамотно и точно выстраивать наши программы в отношении тех или иных стран, чтобы, опираясь на имеющийся там потенциал, координировать наши усилия, в том числе с некоммерческим сектором, с институтами гражданского общества, с общественными организациями. Они есть, они работают эффективно, но эту эффективность можно еще повышать.

Трудно не согласиться с тем, что русский язык за 20 лет сильно сдал свои позиции в мире, но, на мой взгляд, сейчас нужно говорить о другом. Всё-таки ситуация меняется, и появляются позитивные тренды. Наша задача – за два-три года, которые у нас есть, использовать имеющиеся ресурсы – и интеллектуальные, и материальные и инфраструктурные, – чтобы как можно дальше и глубже продвинуться в создании условий для обучения русскому языку и для образования на русском. Почему я всегда упоминаю вместе эти два направления? Потому что считаю, что получение последующего образования на русском языке является для молодого поколения самым мощным стимулом к изучению русского языка. Конечно, есть (и всегда будет) немало людей, которые изучают русский, чтобы прочитать в оригинале Пушкина, Достоевского, но большая часть практичной и скованной жизненными условиями молодежи ориентируется на то, что может обеспечить им жизненный успех и карьерный рост. И мы постоянно находим подтверждения тому, что люди, которые владеют русским языком, говорят на нем, получают образование на русском, получают еще и конкурентное преимущество. Возможно, еще год назад такая фраза

с моей стороны могла прозвучать слишком самоуверенно, но сейчас я могу подтвердить свои слова цифрами.

Во время нашего последнего визита в офис ОЭСР, которая объединяет крупнейшие развитые страны, Андриас Шлейхер, руководитель департамента, отвечающего за вопросы развития образования, поздравил нас с тем, что Россия вышла на первое место по динамике прироста иностранных студентов. Сегодня мы занимаем 6-е место в мире после стран, традиционно лидирующих в данном направлении, а ведь еще два года назад были на 8-м месте. По данным прошлого года, у нас только на программах очного образования обучаются 183 тысячи человек, из них 152 тысячи – студенты-бакалавры и магистранты, а порядка 30 тысяч – это те, кто проходит длительные стажировки, повышение квалификации, аспирантуру, докторантуру и т.д. Много это или мало? Если сравнить с Советским Союзом, то это много. Тогда максимум, что было (господин Арефьев не даст мне соврать), – это 129 тысяч иностранных студентов. Правда, в то время для нас ни Киргизия, ни Казахстан не были зарубежными странами, их граждане обучались в родном Советском Союзе, а сейчас у нас значительная часть обучающихся – это представители данных республик. Но не только: из СНГ у нас порядка 55% учащихся, из других стран – 45%.

Должен отметить, что очное обучение – это еще не всё, у нас довольно большой процент заочного обучения. Он снижается (чему мы по вполне понятным причинам рады), но всё же заочно у нас учатся около 90 тысяч людей. И еще 60 тысяч – это участники программ, которые реализуются нашими филиалами, Славянскими университетами и т.д. То есть в общей сложности ежегодно получается порядка 300 тысяч обучающихся. Это огромный стимул, и сам тот факт, что интерес к образованию на русском растет, говорит о двух вещах. Во-первых, о том, что геополитические, экономические, культурные тенденции усиливают внимание к нашему образованию. Во-вторых, как бы мы друг друга ни критиковали, наши усилия по продвиже-

нию русского языка дают результат, потому что поступают к нам те, кто либо знает русский язык, либо надеется получить необходимые знания в рамках подготовительных факультетов (но это всего 2,5 тысячи в год) и дальше продолжать обучение. Следовательно, усилия по повышению качества образования и его конкурентоспособности отражаются не только в цифрах, не только в том, сколько вузов входит в сотню лучших, но и в сознании людей, которые целенаправленно выбирают российское образование и идут на него. Именно поэтому за последние два года прирост у нас составил 40 тысяч человек – больше, чем в любой другой стране.

Значит ли это, что всё хорошо и можно дальше жить спокойно? Нет – по той простой причине, что сейчас идет жесткая борьба всех стран за студентов (своих и иностранных), всеми ведущими странами вкладываются колоссальные ресурсы, появляются новые страны, которые не только импортируют, но и экспортируют студентов. Соответственно, большое значение имеет привлекательность образования, а следовательно (хотя тут трудно сказать, что первично), важно всё, что связано с русским языком.

Года три назад, когда мы, получив соответствующее поручение Президента, стали анализировать, каким образом лучше организовать процесс продвижения русского языка, на Совете по русскому языку обсуждались вопросы, связанные с приоритетами работы в этой сфере. Оценив ситуацию, мы пришли к выводу, что, не забывая о традиционных формах (направление преподавателей, обмен преподавателями, поддержка школ, учебники и т.д.), нужно постараться не отставать от мировых тенденций в области образования, а желательно и быть здесь одними из первых. Именно тогда было принято решение усилить наши ресурсы в сфере открытого, дистанционного образования. И хотя до сих пор ведется полемика относительно того, можно ли обойтись дистанционными курсами и не лучше ли просто традиционный учитель, результаты уже есть. Откры-

тое образование позволяет легко преодолевать границы, и тот факт, что у нас на портале «Открытое образование на русском» больше 45 миллионов зарегистрированных просмотров, почти 4 миллиона пользователей, более 15 тысяч педагогов, проходящих повышение квалификации, подтверждает, что это уже реальность. Это новые возможности, которые никоим образом не затеяют и не умаляют достоинства других форм, но ресурсно намного доступнее и намного выгоднее. Ведь наши соотечественники, желающие изучать русский язык, живут не только в столицах, не только в крупных городах, они живут по всему миру и тоже достойны того, чтобы иметь доступ ко всему самому лучшему.

Сейчас идет первый год реализации нового цикла программы, на которую ссылался уважаемый Евгений Иванович, – Федеральной целевой программы «Русский язык». В новом цикле у Программы несколько новые условия, новые тренды, сегодня она набирает обороты, и уже понятно, что к концу года и по итогам реализации проектов мы получим новый прирост возможностей.

Собираясь и обсуждая с Людмилой Алексеевной Вербицкой и с Любовью Николаевной Глебовой, как же нам скоординировать усилия, чтобы не создавать то, что уже создано, чтобы избежать ненужного дублирования, мы пришли к выводу, что нам нужна некая матрица, в том числе в отношении методического обеспечения обучения русскому языку. И эта матрица создана, мы пытаемся ею руководствоваться как приблизительным ориентиром. Для того чтобы развивать новые проекты, новые программы, мы в эту матрицу закладываем новые методические разработки. Их уже достаточно много, хотя и здесь есть куда расти.

В последний год, например, неожиданно для всех (и для нас самих) набрал силу такой проект, как «Послы русского языка в мире» – казалось бы, частная инициатива в рамках Программы поддержки студенческих объединений, которую реализует

Минобрнауки. Инициатором выступил Институт Пушкина, но сейчас в проекте участвуют уже десятки вузов как в нашей стране, так и за рубежом. Специально отобранные молодые, мотивированные, веселые, умеющие влюбиться в русский язык студенты разъезжаются по странам (в прошлом году было 5–6 стран, в этом году будет уже 10), что обеспечивает нам новые гуманитарные эффекты, которые позволяют двигаться дальше.

Система олимпиад в рамках взаимодействия государственного и частного сектора – тоже очень важный аспект. Нас вдохновила последняя олимпиада, которую Институт Пушкина проводил вместе с негосударственным порталом «Учи.ру». Тогда за месяц свыше миллиона граждан из более чем 80 стран захотели зарегистрироваться, пройти тесты, присоединиться к нашему общему движению.

Уверен, нам предстоит еще очень многое сделать, и одна из ключевых проблем, которую невозможно решить без МИДа, без Россотрудничества, – это создание условий для того, чтобы на территории тех стран, которые просят поддержки по вопросам продвижения русского языка и образования на русском, русский язык и обучение на нем включались в школьные программы. Тогда можно будет помогать повышать квалификацию педагогам, тогда можно совместно разрабатывать учебники (не только по русскому языку, но и по физике, математике и т.д.) там, где ведется обучение на русском. Тогда будет обеспечиваться системность работы и комплексный эффект.

Именно в таком ключе идет сейчас, например, наше взаимодействие с Болгарией. Несмотря на сложную политическую ситуацию, которая наблюдается там, по крайней мере на протяжении последних лет, болгары сохраняют устойчивый интерес к русскому языку. И наши контакты с Министерством образования, поддержка МИДа и других организаций позволили создать устойчивые возможности для повышения квалификации педагогов, что за последние два-три года привело к существенному росту числа школьников, которые изучают русский язык в своих школах.

Аналогичная работа ведется с Францией, со многими другими странами, и мы рассчитываем, что наш общий потенциал поможет создать действительно устойчивую систему для тех, кто в этом заинтересован. Со своей стороны, во взаимодействии с зарубежными странами мы всегда рассматриваем обоюдные партнерские вопросы. Мы продвигаем в нашей стране более 65 языков, в том числе ведущие мировые языки. Наши дети с удовольствием изучают их в школах, это оплачивается правительством, субъектами федерации, муниципалитетами на системном уровне. Соответственно, мы вправе ожидать таких же шагов и с другой стороны, и наша задача – помочь в том, что мы можем сделать с точки зрения методики, повышения квалификации и пр.

Я благодарю организаторов и всех участников за активную позицию в вопросе поддержки и пропаганды русского языка. Мы готовы и дальше планировать, продвигать, встраивать новые проекты и программы в ту систему, которая работает, но и предоставляет нам массу возможностей для дальнейшего развития. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Уважаемый Вениамин Шаевич, спасибо вам большое за такое выступление, насыщенное огромным количеством информации, концептуальными положениями.

У нас есть второй соорганизатор круглого стола – ИТАР-ТАСС, и Павел Алексеевич Зотов скажет пару слов в качестве приветствия.

П. А. Зотов

Уважаемые коллеги, мы рады приветствовать вас сегодня у нас. Нам приятно, что в наших стенах проходит такое представительное мероприятие, тем более по вопросам, которые нас беспокоят и очень сильно интересуют.

Вы, конечно, понимаете, что для ТАСС язык – это основное средство производства, и всё, что связано с его развитием и продвижением, имеет для нас большую важность. Уже было сказано о продвижении языка с целью охватить тех, кто не является его носителем, но мы в первую очередь сталкивались с тем, что родным языком плохо владеют сами носители. И с момента передачи функций Книжной палаты в ТАСС мы работаем еще и с проблематикой, связанной с сужением ареала использования языка, что сказывается, к примеру, на такой сфере, как разработка актуального содержания в изданиях. Это, естественно, не может нас не беспокоить, и мы с радостью поддерживаем работу, которую Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества ведет весь этот год. Мы готовы и в дальнейшем в ней участвовать, потому что считаем, что без таких обсуждений нельзя будет сформировать качественную повестку дня для правительства, для того чтобы проблемы, о которых мы сегодня говорим, начали решаться каким-то административным путем. На наш взгляд, в этом плане сегодня еще очень многое предстоит сделать.

В заключение хотелось бы поблагодарить руководство Межрегионального центра библиотечного сотрудничества за многолетние системные усилия, которые они прилагают для развития интеллектуальной просвещенной нации. Желаем вам плодотворной работы и со своей стороны постараемся сделать для этого всё возможное. Спасибо.

В. Ш. Каганов

Если позволите, я еще на 30 секунд возьму слово.

Во-первых, я хотел поблагодарить ИТАР-ТАСС за постоянную поддержку, а также лично Михаила Соломоновича Гусмана не только за то, что мы опять здесь, но и за то, что он принял наше приглашение: совсем недавно создана Международная студенческая ассоциация телевидения, в которую вошло уже порядка 150 отечественных вузов и около 15 зарубежных (их будет боль-

ше, ассоциация только начала работать). Студенты доверили мне возглавить Попечительский совет, а Михаил Соломонович решил поддержать нас своим авторитетом и стал моим заместителем, так что мы теперь работаем вместе. Такие формы работы, в том числе через молодежь, через контакты гуманитарного рода, тоже набирают обороты и, уверен, будут полезны.

И последний момент: в 11 часов в Комитете по образованию Госдумы состоится заседание, на котором я должен присутствовать, чтобы осветить в том числе и вопросы, которые мы с вами обсуждаем. Представители министерства, отвечающие за это направление, включая и Саргылану Матвеевну, находятся здесь, в зале, и мы очень рассчитываем, что по итогам этого разговора появятся и образцы нового опыта, и предложения, и т.д., и мы обязательно еще встретимся, обсудим всё и будем двигаться дальше. Извините, пожалуйста, что я вынужден вас покинуть. Спасибо большое.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Вениамин Шаевич.

Слово предоставляется Элеоноре Валентиновне Митрофановой, чрезвычайному послу по особым поручениям Министерства иностранных дел, нашему другу, нашему многолетнему патрону в ЮНЕСКО. Мы питаем большие надежды на вас, Элеонора Валентиновна, на вашу работу – совместно с нами – в этом новом качестве.

Э. В. Митрофанова

Спасибо, Евгений Иванович. Я не успела поблагодарить Вениамина Шаевича за такие добрые слова, которые воспринимаю как некий аванс, потому что действительно уже давно соприкасаюсь с этой темой – с тех пор, когда возглавляла Россотрудничество и, ранее, занимала пост заместителя министра иностранных дел.

Вениамин Шаевич в своем выступлении осветил многие направления развития русского языка, но тема эта бесконечна, потому что можно говорить и об образовании, и о клубах любителей русского языка (русофилов, как мы сейчас пытаемся их называть), и о русскоязычной прессе, радио, телевидении. Здесь собралась чрезвычайно представительная аудитория, и вы, уверена, обсудите все эти аспекты. А я хотела бы заострить внимание на следующих вопросах.

Понятно, что в начале 1990-х годов в силу центробежных тенденций и в бывших странах-сателлитах, и в республиках СНГ был колоссальный спад, очень сильно сократилось количество изучающих русский язык, снизился интерес к русскому в принципе. Но где-то с конца 1990-х годов эта тенденция в очень многих странах была преодолена благодаря установлению устойчивых связей, коммерции. Для многих республик русский язык – это, естественно, выход в большой свет.

Казалось бы, сейчас ситуация в принципе весьма неплохая. Да, можно было бы сделать больше, но мы понимаем, что ресурсы и бюджет ограничены, поэтому необходимо изобретать такие формы работы, которые не требуют больших финансовых затрат (и на самом деле это возможно).

Тем не менее в положении русского языка существует ряд проблем. Я обозначу те из них, которые связаны с его положением в мире. На первый план я бы поставила ситуацию, в который оказался русский язык в странах ближнего зарубежья. С точки зрения концепции внешней политики Российской Федерации страны ближнего зарубежья, конечно, для нас в приоритете. Нужно обеспечивать безопасность, нужно строить добрососедские отношения и т.д., поэтому я считаю, что развитие и правовое закрепление определенного статуса русского языка в конституциях, в практике наших ближайших соседей – это первоочередная задача.

Лингвистические революции, которые прокатились в 1989 г. по республикам СССР, вылились в принятие законов о государственных языках союзных республик, закрепивших этот статус за языками титульных наций. Статус русского языка определялся в лучшем случае термином «язык межнационального общения», что вообще не имеет четкого юридического толкования. Конечно, русский язык и сегодня играет роль языка межнационального общения, но уже не везде. Даже в Украине молодежь плохо говорит по-русски, а пишет и того хуже. Я уже не говорю о Грузии или Прибалтике, где молодое поколение порой вообще не владеет русским языком (мы знаем это и по нашей работе в ЮНЕСКО). Поколение наших сверстников и люди чуть более младшего возраста русский еще помнят, а вот следующее поколение уже говорит только по-английски.

Кратко приведу статистику ООН. В 2015 году население СНГ без учета России насчитывало 138 миллионов человек (что, в принципе, сопоставимо с населением нашей страны), однако русским там активно владели и пользовались, по оценкам экспертов, лишь 61 миллион, то есть около половины населения. Еще 36,9 миллиона владели русским пассивно, и 35,6 миллиона уже не владели им вообще.

Мы знаем, что особенно тревожное положение – именно с правой точки зрения – складывается в Латвии и Эстонии. Плюс там очень жесткая правоприменительная практика, и хотя значительная часть жителей говорит на русском, на законодательном уровне это никак не отражено и идет реальная дискриминация русского языка – в первую очередь в образовании. О дискриминационном характере языковой политики Латвии и Эстонии говорят и европейские эксперты, которые настоятельно рекомендуют этим странам придать русскому языку статус второго государственного с учетом того, что практически половина их населения говорит по-русски. При этом из Латвии, например, идет очень сильная миграция, и русскоязычных там становится всё больше и больше.

Наши соотечественники из Эстонии, Латвии, Украины, Казахстана вполне справедливо выводят вопрос о поддержке русского языка за рамки только соблюдения прав нацменьшинств. Допустим, в Эстонии этому не мешает даже то, что в местах компактного проживания русских есть документооборот и на русском языке. И это правильно, поскольку русские в этих странах составляют значительную долю населения и являются одним из государствообразующих народов.

Мы прекрасно понимаем политический дух времени. Всё-таки центробежные тенденции уходят, но с ними уходит целое поколение. И уже совсем скоро мы столкнемся с тем, что новые поколения на русском вообще говорить не будут. Поэтому здесь нужно прилагать особые усилия. На мой взгляд, требуется на самом высоком уровне ставить вопрос о придании русскому языку законодательного статуса в странах бывшего СССР. Возможно, ситуация в прибалтийских государствах, в отношениях с Украиной и Грузией более сложная и быстро ее не решить, однако этот вопрос должен быть вынесен на внешнеполитическую повестку дня. Думаю, это должно быть для нас приоритетом. Более того, весьма правильным мне представляется создание некоего объединения по примеру Франкофонии – это удивительная организация. Сейчас что-то подобное создать, наверное, невозможно, но идти в этом направлении надо.

Что касается остального мира, то странами – лидерами по числу жителей, владеющих русским языком, являются Польша, Болгария, Чехия, Словакия, Сербия, Монголия, Израиль, Германия, Соединенные Штаты. Мне известно, что русский язык в ряде стран на региональном уровне используется как официальный. В Норвегии это архипелаг Шпицберген. В Румынии в тех местах, где компактно проживают в основном наши староверы, сохраняющие русский язык, русский закреплен как язык, на котором можно вести документооборот. В американском штате Нью-Йорк, согласно внесенной в 2009 году поправке в избирательное законодательство, во всех го-

родах, где проживает более миллиона человек, все связанные с процессом документы должны переводиться на русский язык. И переводятся! А в 21 штате можно сдать экзамен на получение водительского удостоверения на русском языке. Это внушает оптимизм.

Надо сказать, что для поддержания русского языка в мире делается чрезвычайно много (в рамках имеющихся финансовых возможностей). Вениамин Шаевич, хоть и широкими мазками, но обозначил общее положение дел. Думаю, Владимир Викторович Григорьев расскажет о том, что делается в области прессы, радио, телевидения.

Успешно реализуется Федеральная программа «Русский язык», которая фактически является интегратором государственных усилий по продвижению русского языка в мире. К тому же сейчас появились фонды (по существу тоже государственные, получающие правительственное финансирование). Например, Фонд «Русский мир» открыл очень много «русских уголков» в разных местах, что не может не радовать. Я уже не говорю о Россотрудничестве, организующем обучение большого количества студентов, отслеживающем все эти тенденции, помогающем школам на местах.

И конечно, если мы ведем речь о русском языке, нельзя забывать об информационном пространстве, в частности об Интернете. Сегодня русский язык находится на втором месте по распространенности во Всемирной сети – 5,9% всех сайтов. Разумеется, самое большое распространение он имеет на сайтах стран СНГ. Статистика свидетельствует, что на мировых топ-сайтах русский занимает только 6-е место и с 2007 года идет некоторое сокращение русскоговорящей блогосферы. Хорошо это или плохо, не знаю. Интернет живет своей собственной жизнью, поэтому странно говорить о том, что надо прилагать какие-то особые усилия, чтобы что-то делать в Интернете. Я очень приветствую портал «Русский язык», который создан Институтом Пушкина. Конечно, встает философский вопрос:

«Учитель или Интернет?», но я думаю, что нам нужно и то, и другое, поскольку Интернет может быть дополнительным ресурсом для русскоговорящих, для преподавателей, может расширить наши возможности. Ведь спрос есть: например, наш посол в Словакии недавно сообщил, что в Словакии 60 тысяч человек изучают в школах русский язык, но им не хватает преподавателей – носителей русского языка, которых они бы с удовольствием приняли. Все эти вопросы требуют решения.

Я очень рассчитываю на то, что по итогам этого круглого стола, на котором присутствуют эксперты высокого уровня, грамотные специалисты, будут сформированы какие-то рекомендации. Их взяли бы на вооружение как Министерство иностранных дел, так и Министерство образования, работающие в этом плане бок о бок – Министерство иностранных дел отслеживает все тенденции, наши послы следят за положением русского языка в различных странах, пытаются помочь там, где это надо, проводится огромное количество культурных мероприятий на русском языке, которые тоже имеют свое значение. Евгений Иванович, было бы весьма полезно, если бы в результате был создан не только сборник докладов, но и какие-то рекомендации, документ, отражающий общее видение проблемы.

Большое спасибо за внимание и хорошей работы.

Е. И. Кузьмин

Благодарю вас, Элеонора Валентиновна, за такое прекрасное, яркое, духоподъемное выступление.

Сейчас я предоставляю слово Владимиру Викторовичу Григорьеву, заместителю руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Вы знаете, что самым главным инструментом освоения литературного языка и его норм является чтение. Владимир Викторович руководит в нашей стране всеми работами в этом направлении.

В. В. Григорьев

Спасибо, Евгений Иванович. Я хотел бы начать немного с другого, подхватив идею Элеоноры Валентиновны, и сказать о том, что Рунет действительно развивался интенсивнее, динамичнее любой другой зоны, и зона «.ру», конечно же, достигла каких-то небывалых, прорывных успехов в деле продвижения русского языка. Можно вспомнить даже недавнее прошлое: лет 10 назад в Казахстане, когда обсуждался вопрос о том, переходить ли с кириллицы на латиницу, основным аргументом против было то, что это отрезало бы молодое поколение казахов от Рунета.

Рунет вместил в себя, помимо информации, еще и огромное количество знаний, многие из которых систематизированы. Как уже упоминал сегодня Вениамин Шаевич Каганов, продвижение языка без продвижения образования на языке, в общем-то, ни о чем не говорит. Мы, естественно, должны консолидировать усилия всех ведомств, институций, общественных организаций, чтобы найти эту синергию. Пока же мы отдельно развиваем Интернет, развиваем общество знания, развиваем элементы инфраструктуры продвижения русского языка, но консолидации не чувствуется.

С 2012 года во всем мире набирают силу так называемые массовые открытые онлайн-курсы (МООК, Massive Open Online Courses). Об этом, в принципе, уже говорят все. Даже такой ортодоксальный университет, как Оксфордский, вошел в систему онлайн-обучения. Причем речь идет не только об обучении языку. Мне кажется, здесь важно рассматривать возможность перехода от обучения языку к дальнейшему получению образования на нем.

Если посмотреть на актуальные тенденции, наиболее популярны две платформы: «IDХ» и «Coursera». «IDХ» – это 9 миллионов студентов и 900 курсов. Насколько я знаю, у нас на этой платформе развивается только Уральский университет, а ведь она предоставляет возможности получения специального

образования. Всё-таки с точки зрения целого набора наук мы можем поспорить с другими развитыми государствами и языками, преподавание математики или наук о космосе на русском языке – это наше большое конкурентное преимущество, и поэтому люди будут стремиться учить русский язык. Так что надо создать такую возможность, тем более на MOOK.

Что касается «Coursera», это выдающаяся платформа: они объявили, что через три-пять лет смогут обеспечить высшее образование на любом языке для любого жителя планеты Земля в любом университете. «Coursera» – это уже 20 миллионов зарегистрированных студентов! Поэтому, коллеги, о русском языке без образования на русском, возможно, могут говорить филологи, но, с точки зрения МИДа России или Министерства образования, конечно же, необходимо обеспечить синергию.

Теперь по поводу Франкофонии. Элеонора Валентиновна совершенно справедливо говорила, что это выдающееся гуманитарное творение Французской Республики. В следующем году Франция будет почетным гостем на Франкфуртской международной книжной ярмарке – крупнейшей в мире. Представьте себе: премьер-министр Франции за год приезжает на пресс-конференцию, чтобы презентовать программу Франкофонии! И подчеркивает несколько раз: «Франкофония – это не Франция, а всё, что есть на французском языке во всём мире: кто бы ни творил на французском, это наши люди, и мы их всегда поддержим». Мы в России пытаемся делать то же самое, всячески развиваем школу перевода и на русский язык, и с русского языка.

Очень важно при всём этом сделать тенденцию к заинтересованности в русском языке и образовании на русском независимой от каких-то политических влияний. Мы прекрасно понимаем, что нельзя эффективно продвигать русский язык, не повышая привлекательность образа страны. Как только начинаются какие-то политические катаклизмы, снижается количество школьников, изучающих русский, и даже количе-

ство школ, где он преподается. Если посмотреть, что происходит с кафедрами русского языка в мировых университетах, то хочется хвататься за голову. Мы можем рапортовать о каких-то успехах, но реальность такова, что кафедры славистики имеют тенденцию закрываться даже в таких местах, как Афинский университет, где такое в принципе трудно было себе представить даже каких-то десять лет назад. Я говорю об этом еще и потому, что движущей силой в общей привлекательности образа нашей страны являются наша культура, наша литература, наша великая музыка. А синергии тоже нет. Как это связать с продвижением языка и продвижением образования на русском? Требуется усилия соответствующего экспертного сообщества. И необходимо, чтобы эта разноведомственность, разобщенность – даже в гуманитарном блоке нашего правительства – была нивелирована важнейшими элементами продвижения нашей культуры – через язык, через литературу.

Еще один аспект, на котором я хотел бы остановиться. Вы все знаете, что у нас уникальнейшая страна в мире. В России развивается 100 национальных языков, половина из которых имеет свою литературу. Мы сейчас впервые за годы, прошедшие после развала Советского союза, решили проанализировать ситуацию. И оказалось, что на 51 языке развиваются поэзия и проза, на 36 языках – драматургия. И теперь мы готовим антологии национальных литератур. Должен заметить, что ни одна национальная литература не может выйти в мировое литературное пространство, минуя русский язык. Даже литовская или латышская литература выходили в мировое пространство традиционно через русский язык, я уже не говорю про украинский язык. Украина в самые лучшие годы так и не смогла сделать русский язык *вторым* национальным, и только при первом заходе Януковича на пост президента добилась этого в Европейской региональной конвенции.

Конечно, язык – заложник политических aspirations, надо отдавать себе отчет в том, что ничего с этим поделать нельзя.

Поэтому для его продвижения надо опираться на какие-то более фундаментальные вещи. Мне кажется, у нас есть все основания полагать, что мы можем создать стройную систему продвижения языка и образования, которая не сильно зависела бы от политических бурь.

На этом позвольте мне закончить. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Владимир Викторович.

Очень приятно, что с нами сегодня Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству в лице советника руководителя Агентства Ольги Валентиновны Кашириной. Ей слово.

О. В. Каширина

Спасибо. Глубокоуважаемая Элеонора Валентиновна, уважаемые коллеги, в первую очередь позвольте передать самые теплые приветствия участникам круглого стола от имени руководителя нашего агентства, члена-корреспондента Российской академии образования Любови Николаевны Глебовой.

Элеонора Валентиновна прекрасно знает деятельность Рос-сотрудничества, и мы рады нашей общей работе на ниве гуманитарных отношений и русского языка. Для нас представляется важным каждое действие в интересах развития русского языка, его большего звучания в мировой аудитории. Действия эти разные – и официальные, между государствами, и личностные, между простыми людьми, и в особенности между теми, кто только входит в наш мир славистики. Мы запустили массу проектов, которые связаны не только с образованием. Русский мир – это и традиции быта, традиции русской кухни, традиции песен, паломничества. И про гуманитарное движение я могу

сказать только одно: это улица с двусторонним движением. И когда мы говорим о развитии русских школ за рубежом (они же в основном у нас полилингвальные), мы говорим о гибком подходе и гибком продвижении русского языка. Только от простого мира славистики мы можем перейти к вершинам русского, к высокой литературе и философии. Напомню: не так давно, в IX–X веках, знания и навыки для образования словесности накапливались очень постепенно, и фактически внезапно произошел взрыв – литература выдала прекрасные образцы славянской письменности. Это «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Начальная летопись», «Жития Бориса и Глеба», «Поучение Владимира Мономаха». И всё это в период междуусобицы! Академик-славист Лихачев так оценивал этот период: «В пору упадка политического единства и военного ослабления литература заменила собой государство». Вот какие времена были. И вот какова сила слова.

Нам очень важен экспертный диалог в разных плоскостях, который инициирует недавно созданное Общество русской словесности. Его возглавил патриарх Московский и всея Руси Алексей II. И Российская академия образования, и Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы должны всемерно развиваться. И конечно важны усилия таких организаций, как ЮНЕСКО, а также усилия СМИ.

Позвольте вернуться к основной теме нашего круглого стола. Что можно было бы предложить рассматривать в качестве особых зон внимания и новых векторов языковой политики? На мой взгляд, во-первых, мы видим сужение матрицы русского. Кириллица – шрифт, который является носителем русского языка. И сегодня нам самое время сообща задуматься о кампании по системной поддержке традиций кириллического шрифта для широкого спектра международных языков в странах, которые используют его как основной и как дополнительный способ письма. Известно, что проекты последних десятилетий по латинизации, арабизации не находят такой широкой поддержки населения, в частности, в Средней Азии, в том числе в силу высоких экономических издержек – как в разрезе се-

мейных хозяйств, так и в государственных масштабах. Поэтому нам надо активно распространять пророссийские печатные издания на языках с кириллическим шрифтом с акцентом на современную литературу, которая наиболее востребована в аудиториях конкретных стран. К примеру, детская литература, развивающие пособия, книги романтически-приключенческой, спортивной, рекреационной направленности, ведь наша страна богата культурными и природными достопримечательностями.

Для себя я отметила, что электронные носители как-то ускоряют процессы размывания, а вот настоящая, традиционная книга является тем фундаментальным основанием, которое поддерживает русский язык.

Еще нам важно работать с детско-юношеской аудиторией. Мы много делаем в этом направлении, но тут важно быть гибче. Может быть, организовать циклы полилингвальных олимпиад для языков с кириллическим шрифтом на базе русских школ. Тематические базы заданий можно делать на паритетных основаниях, уделяя внимание традициям и русского, и смежного языков в историческом, культурном, социальном контекстах. Можно организовать конкурс на лучшее издание с использованием кириллического шрифта и многое, многое другое.

Второй вектор – это русский язык как наука. Людмилой Алексеевной Вербицкой накоплена богатейшая кладезь научных знаний. Это и лингвистическая русистика, и нейро- и психолингвистика, и многие другие направления. И надо использовать платформу русского языка для продвижения российских научных методик в мировую культуру и мировую академическую практику.

Может быть, пора уже задуматься о формировании первого международного атласа географической распространенности и диалектологического разнообразия русского языка. Такой системный мониторинг был бы нам полезен в плане языкового развития.

И третье – это солнце русской литературы, славистики, наше всё – Александр Сергеевич Пушкин. Вся российская пушкинистика должна быть использована для продвижения русского языка. Мы часто проводим литературные экспедиции к местам реальных и поэтических путешествий Пушкина и организуем другие мероприятия, связанные с исторической и творческой памятью поэта.

В заключение отмечу, что сила родной речи, ее талант чаще выходят за горизонты нашего влияния и понимания. А историческая память и народность – это свидетельство ее устойчивости и стабильности. Мы прошли через многое, и я думаю, что в недалекой перспективе мы еще увидим ренессанс русского. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Ольга Валентиновна.

Уважаемые коллеги, в числе участников этого круглого стола очень интересные, блестящие зарубежные гости, и сейчас я бы хотел предоставить слово Бояну Радойкову, начальнику отдела сохранения и доступности информации ЮНЕСКО.

Б. Радойков

Спасибо большое.

Уважаемые дамы и господа, хочу начать с того, что благодарю организаторов – Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества и, конечно, ИТАР-ТАСС – за то, что пригласили меня на это мероприятие.

Для нас языки очень важны. И необходимо отметить, что благодаря России и присутствию Евгения Ивановича в Программе «Информация для всех» многоязычие сегодня является одним из приоритетов Программы.

Много важных мероприятий, посвященных языкам и многоязычию в киберпространстве, было проведено в России – стране, отличающейся большим культурным разнообразием. В мире, где информация и знания всё в большей степени становятся ключевыми факторами для расширения прав и возможностей, языки обеспечивают передачу знания от одного поколения к другому и являются движущей силой в распространении культурных традиций. Они имеют решающее значение для развития плюралистичных, справедливых, открытых и инклюзивных обществ знания. Однако наблюдается тревожная тенденция к быстрому исчезновению языков. Предполагается, что, если ничего не будет сделано, свыше половины из более чем 6700 языков, на которых говорят сегодня в мире, исчезнет к концу этого столетия.

Большое количество языков всё еще отсутствует в Интернете. Каковы последствия этого? Во-первых, происходит потеря богатого культурного наследия. Во-вторых, успех сохранения языков определяет степень, в которой люди во всем мире могут участвовать в обществах знания. В настоящее время уже существует цифровой разрыв, который способствует сохранению информационного неравенства в мире. Отсутствие доступа к многоязычным ресурсам в Интернете может только увеличить цифровой и информационный разрыв. В-третьих, по мнению ЮНЕСКО, технологии играют решающую роль в документации, сохранении, возобновлении и поощрении языкового разнообразия. Они способствуют всестороннему развитию всех членов общества и взаимодействию между различными пользователями языка, поощряют изучение языка и предоставляют платформу для публикации пользовательского контента.

Дамы и господа, Интернет и технологии должны восприниматься в качестве мер повышения эффективности. И поскольку мы говорим о многоязычии, я должен подчеркнуть несколько аспектов нашей работы. ЮНЕСКО всегда считала культурное разнообразие и многоязычие ключевыми элементами для от-

крытого, всеобъемлющего инклюзивного общества знания. В последние десятилетия мы видели, что многие языки сталкивались с опасностью исчезновения и при этом рос интерес к многоязычному Интернету, который можно использовать для сохранения и развития языков. А это привело к тому, что получил развитие международный инструментарий, наработанный ЮНЕСКО и другими организациями. Здесь я хочу упомянуть Рекомендацию о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству, которая была принята Генконференцией ЮНЕСКО в 2003 году. Там прописаны 4 основных аспекта: развитие многоязычного контента, способствование доступу к Сети, развитие сферы общественного достояния и – наиболее важный момент – достижение баланса между интересами общества и правообладателями.

Мы должны развивать языковую политику, и государства-члены призвали ЮНЕСКО осуществлять мониторинг региональной и государственной политики в том, что касается защиты языков и развития многоязычных обществ. Обсуждение всеобъемлющей языковой политики, «Руководящие принципы подготовки терминов и определений», развитие межправительственного Глоссария – конкретные примеры того, как языковая политика может взаимодействовать с технологиями. Еще один пример – цифровая библиотека на русском и казахском для местного контента, который развивается и распространяется на систематической основе. Национальные партнеры получают необходимые компьютерные программы, которые позволяют распространять цифровую информацию, цифровые библиотеки на различных языках. Кроме того, восстановился письменный монгольский язык, который является частью культурного наследия страны. В проекте, который был поддержан ЮНЕСКО, Национальный университет Монголии совместно с Монгольским университетом науки и техники разработал электронный инструментарий для восстановления традиционной монгольской письменности. За последние десятилетия ЮНЕСКО проводила инициативы по развитию

потенциала, для того чтобы консолидировать национальные и региональные возможности. Пример тому – перевод учебных материалов на различные языки. Так, мы говорили о роли СМИ в поддержании многообразия языков, переводили учебные материалы на языки Индии совместно с местным университетом, правительствами и представительством ЮНЕСКО в Нью-Дели; опубликовали на хинди учебные материалы, где говорится обо всех аспектах, включая базы данных, компьютерные программы, кастомизацию исследовательского интерфейса и т.д. Мы также проводили различные мероприятия, например, региональную конференцию по многоязычию в киберпространстве в Коста-Рике, где обсуждали, как поддерживать местные языки, и международную экспертную встречу в октябре 2014 года в Париже, которая была организована ЮНЕСКО совместно с Правительством Ханты-Мансийского округа – Югры, Постоянным представительством России при ЮНЕСКО и Российским комитетом Программы «Информация для всех». Я не буду освещать другие аспекты, о которых сегодня уже шла речь, но упомяну о том, что сейчас ЮНЕСКО работает над Всемирным атласом языков, который станет яркой демонстрацией нашей веры в развитие и технологии. Это позволит предоставить информацию о языках, которые могут исчезнуть, а также привлечет внимание к значимости нашей нормативной деятельности.

Очень важно иметь возможность не только для получения информации, в том числе многоязычного местного контента, но и для превращения ее в знания, поскольку это позволяет людям повышать уровень жизни и вносить вклад в социально-экономическое развитие их общества. Существует тесная взаимосвязь между присутствием языков в Интернете и разнообразием языков в пределах одной страны. По этой причине государства должны играть важную роль в принятии соответствующей языковой политики для создания поистине многоязычного Интернета, основанного на достоверных данных. Совместные усилия всех заинтересованных сторон необходимы

для сохранения и развития языкового разнообразия, которое является одной из основных движущих сил и одним из основных инструментов устойчивого развития. Языки, на которых мы говорим, действительно представляют собой основу нашей личности. Они являются жизненной силой нашей цивилизации, объединяют человечество, сближая семьи, общины, общества и нации. Я надеюсь, что благодаря этому сотрудничеству мир объединится в целях сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения, которые определяют так много обществ во всем мире.

Я хотел бы закончить свое выступление словами Чингиза Айтматова: «Бессмертие народа – в его языке». Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, господин Радойков. Мы очень активно и плодотворно сотрудничали с ЮНЕСКО и надеемся, что в будущем эта возможность сохранится и для нас, и для вас.

Сейчас слово предоставляется большому другу нашей страны, чрезвычайному и полномочному послу Республики Бенин в Российской Федерации Анисету Габриэлю Кочофа.

А. Г. Кочофа

Добрый день, дорогие друзья. Прежде всего я хотел бы поблагодарить Евгения Ивановича за приглашение участвовать в таком представительном круглом столе и поздравить Элеонору Митрофанову с новой должностью. Еще несколько лет назад мы встречались в Париже, и она поддерживала разные проекты, связанные с продвижением русского языка, помогала нам. Спасибо за эти годы сотрудничества.

Дорогие друзья, идя сюда, я думал, о чем буду говорить. И решил, что должен просто сказать: «Россия, спасибо за то, что

есть ты и есть русский язык. Спасибо, что этот язык дал мне путевку в жизнь. Я горжусь тем, что говорю по-русски и могу без переводчика общаться на языке Пушкина, Лермонтова, Достоевского и т.д.».

Друзья, в мире около миллиона выпускников советских и российских вузов, которые говорят по-русски, и судьба этого прекрасного языка им небезразлична. Не думайте, что только русские волнуются о ней. Я вчера давал интервью, и мне задали вопрос: «Уважаемый посол, а что для вас – русский мир?» Я долго думал и ответил, что русский мир – это не страна, не кровь, не цвет кожи. Это видение, это чувства, это подход. Русский мир – это сообщество единомышленников, людей, которые считают русский своим языком, которые уважают эту страну, уважают культуру, с которой они соприкоснулись.

Жаль, что мой большой друг Вениамин Шаевич уже ушел, потому что я хочу чуть-чуть с ним подискутировать. Да, сегодня в России обучаются около 200 тысяч иностранных студентов, а накануне распада Советского Союза в стране обучалось около 135 тысяч иностранных студентов. Но они все были из стран дальнего зарубежья! А сегодня, когда мы говорим о 200 тысячах, отнимите от этой цифры граждан СНГ и посмотрите, сколько останется. Сегодня выделяется государственная квота в 15 тысяч мест для иностранных студентов, но нельзя забывать, что 80% от них составляют опять-таки страны СНГ. А сколько остается для стран дальнего зарубежья?

Я как посол государства, который учился здесь, был профессором в Университете нефти и газа имени Губкина, который знает, что такое русский язык, какое качество в российской школе образования, говорю: «Нет, нет и нет! Пусть СНГ – это приоритет, но не забывайте, что и далеко за пределами этой страны есть люди». Единственный русский культурный центр, который был в Бенине, закрыли. А мы, выпускники, собираемся у кого-нибудь на квартире, ищем литературу, фильмы. Мы, люди, которые учились 30–40 лет назад, говорим по-русски.

Когда я учился, первым мы получали диплом преподавателя русского языка и только потом – диплом по специальности. Мы приезжали домой, и первой работой, которую мы находили, было преподавание русского языка. И сегодня, когда человек заканчивает университет, хочет он или нет, но он будет продолжать распространять этот язык и преподавать его. Дайте же нам возможность приобщаться к русской культуре, помогите нам создать необходимые для этого условия.

Я уже на протяжении 10 лет предлагаю: почему бы не придумать, например, Год выпускников, Год русского языка? Такой добровольный жест: любой иностранец, который захочет изучать русский язык, пусть приезжает бесплатно на полгода-год. Разве Россия не может такого себе позволить? Сегодня в России 56 русскоговорящих послов, из них 14 представителей африканских стран. Мы пытаемся объединяться и очень хотим вашей помощи, хотим быть послами русского языка.

Поверьте, что мы, иностранные студенты, так относимся к этому языку, так хотим пропагандировать, так любим его! И мы готовы оказать ответную помощь. Это главное сегодня.

Заканчивая свое выступление, я хотел бы сказать, что у русского языка в любом случае есть будущее. К сожалению, всё политизировано, мы живем в таком мире, где политика играет решающую роль. Пусть Россия набирается смелости и тоже играет в эту игру. В чем может быть заинтересован молодой человек? Если он знает, что, изучая русский язык, сможет зарабатывать деньги, устроить свою судьбу, то обязательно будет это делать. Поэтому экономическая связь между нашими странами тоже важна. Увеличивайте квоты! В 1968 году в России и Соединенных Штатах обучали по 100 тысяч иностранных студентов, мы шли на равных. Прошли годы – в Америке было уже 700 тысяч, а в России оказалось 150 тысяч! Австралия, которая 20 лет тому назад имела всего 28 тысяч иностранных студентов, сегодня насчитывает 543 тысячи и зарабатывает 12 миллиардов долларов за счет подготовки специалистов для зарубеж-

ных стран. В Китае, который 10–15 лет назад не знал, что такое иностранные студенты, сегодня 300 тысяч таких студентов. В ЮАР, где тоже никто ничего не знал, 200 тысяч.

Дорогие друзья, мир не стоит на месте. Всё идет вперед. Давайте будем использовать весь потенциал, который у нас есть. А главный потенциал – это выпускники. Мы гордимся и любим эту страну. Счастья вам! Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Благодарю вас, господин посол. Ваши выступления всегда успокаивали и умиротворяли мою душу. А сегодня, помимо ноты умиротворяющей, у вас была еще и нота бодрящая, мобилизующая нас всех, тоже очень важная. Спасибо огромное.

Я повторяю еще раз: у нас очень интересные, яркие, известные во всем мире иностранные участники. С удовольствием предоставляю слово Жилвану Оливейра, основателю и бывшему директору Международного института португальского языка, профессору Федерального университета Санта-Катарины (Бразилия).

Ж. М. Оливейра

Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов этой встречи, в особенности господина Кузьмина, за приглашение на это мероприятие.

Никто не сомневается в важности продвижения языков. Это сопологающий вектор геополитического подхода и дипломатии, основа организации экономического пространства. Геополитически языки ассоциируются с государствами, их развивают уже по меньшей мере 150 лет, если учитывать те первоначальные усилия, которые предпринимались с 1883 года в отношении французского языка. Но каковы модели многоязычия и управления им? Мы очень часто говорим о том, что мно-

гие языки находятся на грани исчезновения, но увязывается это всё с самыми крупными международными языками.

До недавнего времени модели развития языков были моноязычными и делали акцент на развитии какого-то одного языка, не обращая внимания на связи этого языка и экосистемы, то есть на связи с другими языками. Моноязычные модели развития, как правило, продвигали конкретный язык и меньше внимания уделяли организационным моментам. Они больше ориентировались на тех, кто занимается развитием языка, и меньше – на использование языка теми, кто хочет учить его и обучаться на нем. Многоязычные модели политики предусматривают развитие не одного языка, а набора языков, которые взаимосвязаны. Связи эти различны по своему характеру.

Политика развития многоязычия основывается на новом инструментарии, на новой лингвистической технологии – общих критериях оценки языкового уровня. Этот инструмент позволяет намечать и устанавливать политические цели, обязательства, создавать критерии подготовки специалистов в языковой сфере, сокращать расходы на разработку лингвистического инструментария и оптимизировать результаты, потому что тогда речь заходит о партнерах в единой технологической цепочке.

Классический пример – общеевропейские критерии оценки уровня владения языком, охватывающие свыше 30 языков. Сейчас этой модели уже 28 лет. Общеевропейские критерии – при всем их вкладе в языковую политику – всё же основываются на компьютерных программах, используемых Евросоюзом. Другие страны и другие языки могут участвовать лишь как клиенты этой модели, а не участвовать в управлении ею. Возьмем португальский пример. Только одна из десяти португалоговорящих стран является частью этой модели. В Португалии ею охвачены 4%. По этой причине Бразилия и Аргентина через различные агентства начали обсуждать общие для себя критерии в целях создания собственной системы критериев. И хотя в основном они фокусируются на языках МЕРКОСУРа, экономической

интеграционной системы Южной Америки, и прежде всего на испанском языке, здесь открываются огромные возможности для сотрудничества. Наша компьютерная программа будет открыта для всех, и мы будем рады приветствовать всех, кто захочет участвовать в управлении ею в различных контекстах.

Нетрудно себе представить значение таких общих критериев в рамках БРИКС для русского, китайского, португальского языков в процессе лингвистического сотрудничества. И кто знает, возможно, постепенно сотни языков, на которых говорят наши граждане, будут ориентироваться на русский язык.

Современная модель развития языка, которая будет работать в XXI веке, должна опираться на набор языков, на языковое партнерство. Необходимо стимулировать общий спрос, для того чтобы было разработано стратегическое предложение в языковой сфере. Критерии оценки языкового уровня в рамках БРИКС могут стать таким важным инструментом развития языка в нашем современном мире.

Благодарю вас за внимание.

Е. И. Кузьмин

Жилван, спасибо за такое интересное и вдохновляющее выступление.

Сейчас я хочу предоставить слово Снежане Тодоровой, председателю Союза болгарских журналистов.

С. Тодорова

Здравствуйте! Я хочу в первую очередь поблагодарить организаторов этой встречи и, конечно, Евгения Ивановича, с которым у меня была возможность познакомиться на фестивале журналистов несколько месяцев назад. Я очень рада, что вы включили в программу нашего журналистского фестиваля тему русского языка.

Я считаю, что русский язык – это язык великого народа. Это не просто язык очень большой славянской нации, это язык богатой литературы, огромной культуры, который объединял нас многие годы. Мне было приятно выслушать выступления всех участников, но в особенности уважаемого посла Бенина, поскольку я тоже училась в Советском Союзе, в Ленинградском университете. Если в Советском Союзе был 1 миллион иностранных студентов, то 100 тысяч – это только из Болгарии. Среди болгарских выпускников советских и российских вузов большинство – друзья России. К счастью, несмотря на очень серьезные политические перемены, произошедшие после 1989 года, у нас была возможность следить за всем, что происходит в России, благодаря российскому телевидению. У нас есть несколько русских программ, что позволяет получать информацию не только от иностранных агентств, а из первоисточников. И я очень рада, что здесь присутствует председатель Союза журналистов России, с которым мы успешно сотрудничаем и благодаря этому при Союзе болгарских журналистов создали клуб имени Д. С. Лихачева. Мы в Болгарии считаем, что это не просто великий ученый и всемирно известный гуманист, но и человек, который сделал очень много для признания роли болгарской культуры в европейской и общемировой культуре. Поэтому я буду счастлива, если на нашем празднике, посвященном 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича, который состоится совсем скоро, будут и представители России.

Пользуясь тем, что здесь присутствуют и представители Россотрудничества, хочу сказать, что в Российском информационном центре мы проводим много совместных интересных инициатив. Особенно приятно, что в этом году, когда состоялась Неделя российского кино и шли показы фильмов в софийских кинотеатрах, в залах не было свободных мест. Люди с огромным удовольствием знакомились с последними достижениями российского кинематографа. И когда к нам приезжают певцы, музыканты, артисты, театры из России, билетов не достать – высокий уровень российского искусства обеспечивает ему огромную популярность.

То, что сегодня говорилось здесь, очень интересно и полезно. Мне было очень приятно услышать, что русское – это не только язык, литература, культура, но и русское мировоззрение, отношение к миру, ко всему, что происходит и будет происходить. Не хочу говорить громких слов, но, если откровенно, я считаю, что у русского народа есть миссия: то, что сейчас происходит в мире, все эти ненормальности, во многом может изменить к лучшему ваша страна и ваш народ. Поэтому от имени болгарских русистов, от имени болгарских выпускников российских вузов и, конечно, от имени болгарских журналистов я благодарю вас за возможность выступить здесь, познакомиться с коллегами и всеми вами. Большое вам спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо большое, дорогая Снежана, за ваши чудесные слова и за ваш прекрасный русский язык.

Сейчас с огромным удовольствием, переходя от зарубежных участников к российским, я передаю слово Дмитрию Петровичу Баку, директору Государственного литературного музея.

Д. П. Бак

Добрый день, уважаемые коллеги. Уважаемая Элеонора Валентиновна, я тоже хотел бы присоединиться к поздравлениям, потому что мы тоже давно сотрудничаем, уже более 10 лет. Последнее, что мы делали, – это прекрасная выставка к юбилею Лермонтова в ЮНЕСКО, в Париже.

Я в своем коротком выступлении поддерживаю то, что мы сегодня уже слышали из уст наших замечательных коллег и зарубежных друзей: язык не живет вне культуры. Многие страны продвигают язык посредством развития технологий, например, Япония. Несмотря на то, что японские технологии сильно англоязычны, они все-таки тоже могут служить базисом для

продвижения языка. Есть и другие варианты, как мы прекрасно знаем (в установочном докладе Вениамина Шаевича это было обозначено как первичная среда). И есть литература, естественно. Об этом говорил Владимир Викторович Григорьев, и я несколько слов тоже скажу.

Ясно, что русская литература – это идеальная среда развития русского языка, не только литературного, но и народного, живого, многостильного, диалектного и т.д. И понятно, что продвигать русский язык за пределами Российской Федерации, в рамках СНГ и дальше, популяризировать его внутри страны невозможно без русской литературы. Поэтому просто расскажу о нескольких уже состоявшихся и перспективных проектах, связанных именно с этой сферой.

Во-первых, хотелось бы подчеркнуть, что литература может и должна развиваться в связи с музейным контентом. В России более 400 литературных музеев – ни в одной другой стране такого нет. И дело даже не в количестве музеев, а в их качестве: достаточно сказать, что в Секции литературных музеев Международного союза музеев более трети российских участников. Это готовый ресурс, где присутствуют бесценные реликвии, которые могут сделать совсем другим знакомство с русским языком и русской литературой. Некоторые проекты уже реализуются. В частности, мы совместно с Институтом русского языка имени Пушкина уже участвуем в проекте, который предполагает изготовление систематического музейного контента для сопровождения дистанционных курсов по русскому языку. Это касается и портала «Образование на русском», организованном в этом Институте. Кроме того, мы надеемся, что будем принимать участие и в работе Центра русского языка, который открыл тот же Институт Пушкина на территории Российского духовно-культурного православного центра в Париже. Аналогичные серии мероприятий с участием русских и российских писателей (пишущих и на других языках тоже) нами организируются в российских центрах науки и культуры, которые работа-

ют в системе Россотрудничества в разных странах, и это тоже очень серьезное и очень важное направление популяризации русского языка.

Государственный литературный музей – один из крупнейших, насчитывающий более полумиллиона музейных предметов. Думаю, мы входим в пятерку мировых литературных музеев. У нас в составе 12 самостоятельных, автономных литературных музеев. Это музеи Лермонтова, Алексея Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака, Солженицына, Брюсова и т.д. Это мощный ресурс. Именно поэтому мы рады тем изменениям, которые внесены в новую редакцию Закона о музейном фонде и музеях в Российской Федерации. Согласно этому закону, музеи наделены полномочиями вести образовательную деятельность. Естественно, невозможно и неправильно было бы говорить о каких-то бакалаврских наборах, но о совместных программах с ведущими университетами в области музейного дела, в области культурологии, русского языка и литературы (преимущественно магистерского уровня) говорить можно и нужно. Это абсолютно прорывная сфера для российской практики продвижения русского языка. Мы можем получить образовательные лицензии, мы будем это делать и приглашаем людей к сотрудничеству.

Ну и, чтобы не нарушать регламент, я расскажу еще только об одном проекте, который был предьявлен публике впервые в начале июня на открытии книжного фестиваля «Красная площадь» в присутствии председателя Кабинета министров Российской Федерации Д. А. Медведева. Проект этот был направлен в правительство, и я очень надеюсь, что он получит ход. Это проект Государственного литературного музея и Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Есть предложение по примеру многих стран мира организовать осенью Всероссийский день чтения. Может быть, его стоит приурочить ко дню рождения В. И. Даля, который отмечается 22 ноября. Имя Даля будет носить в скором будущем наш музей, потому что

В. И. Даль не только лексикограф, но и ученый, и государственный служащий, и врач, и ботаник, и литератор, и друг Пушкина. Это человек-титан, и очень хотелось бы, чтобы в этот день был реализован целый ряд мероприятий. У нас есть перечень: это публичные чтения писателями своих произведений, чтение классики известными лицами, здесь же проект по чтению Толстого, Чехова, Булгакова, который организуется Фёклой Толстой и Музеем Пушкина в Москве. Поддержке чтения на федеральном уровне оказывается серьезное содействие, об этом все знают, однако мы хотели бы, чтобы устное чтение как важнейший элемент культуры хотя бы раз в году, но охватывало всю страну. Чтобы во всех республиках и областях вслух читали прекрасную литературу. Поделюсь с вами таким воспоминанием: моя маленькая дочь участвовала в проекте, который мы реализуем 1 июня, – в День защиты детей дети читают стихи современных поэтов. После того как в течение недели она осмыслила и научилась читать взрослое стихотворение Ирины Ермаковой, она стала совершенно другим человеком.

Думаю, Всероссийский день чтения – это проект, который может всех нас объединить. Мы знаем, что есть День славянской письменности, есть Пушкинские дни, но в осеннее, кулуарное, каминное время предлагаемый проект тоже может быть очень уместным. Среди партнеров и поддерживающих проект достаточно много известных и важных организаций: оба уже упомянутых мной музея Толстого, программа «Словари XXI века», проект «Мхатовские вечера» в МХТ имени Чехова, Институт Пушкина и многие другие.

Я думаю, что этот простой факт может перевести нас в сферу популяризации широкой моды на русский язык – можно и в республиках, безусловно, организовать чтение на национальных языках. Я думаю, что это должно быть модно, привлекательно и широко.

Даль ведь – лексикографический еретик, лексикографы его часто критикуют. Словарь Даля вовсе не академический. Лек-

сикографы стремятся к строгой дефиниции, а у Даля – совсем другое. Посмотрим статью «Учение, образование». «Плохое учение – твердить наизусть». Вот такая иллюстрация. Или: «Жестокое обращение [с учеником] притупляет нравственные чувства». И последнее: «Не обезнадеживай, пожалуйста, мальчика в успехе: он и вовсе бросит ученье». В академическом словаре такое себе представить невозможно, но смотрите, что с нами делает Даль. Я думаю, это тоже книга для устного чтения.

Одним словом, музейный ресурс, участие писателей, литературный контент для дистанционного и оффлайн-изучения русского языка и Всероссийский день чтения – вот и всё, о чем мне хотелось сказать. Засим я с удовольствием благодарю организаторов круглого стола.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Дмитрий Петрович, за то, что привлекли наше внимание к таким аспектам, которые, возможно, были довольно неожиданны для повестки дня.

С большим удовольствием я предоставляю слово нашему египетскому другу, журналисту, известному во всем арабском мире, Мохамеду Эль-Гинди.

М. Эль-Гинди

Спасибо большое, что меня пригласили на этот круглый стол. Для меня большая честь вновь быть в России. В прошлом году я присутствовал в Ханты-Мансийске на конференции по медийно-информационной грамотности и был очень рад встретиться с российскими коллегами, экспертами.

Говоря о русском языке, я бы хотел сделать акцент на технической составляющей. Интернет не универсальное, а американское изобретение, вот почему английский язык доминирует в киберпространстве. Думаю, это первое, о чем мы должны помнить.

Второе: как сказал Бернард Ли, который изобрел Сеть, Интернет соединяет не машины, он соединяет людей. Поэтому мы должны думать о том, как людям объединяться в киберпространстве, знать о том, как мотивировать людей изучать язык через киберпространство, а не просто предлагать литературу и онлайн-курсы или открывать и использовать веб-сайты, чтобы донести знания о русском языке, русской культуре и литературе. Люди, которые ищут что-то онлайн, не будут использовать язык, если не могут на нем найти необходимое в Интернете. Если у вас нет высококачественного контента на вашем языке, вы потеряете многих людей, которые в противном случае использовали бы его. Необходимо подчеркнуть, что качество материалов имеет большое значение. Возьмем «Википедию»: в ее английской версии контент очень обширный, и она на первом месте. Если же речь идет об арабском или русском языке, то человек может забыть про свой собственный язык только потому, что не найдет на нем нужного контента и будет вынужден изучать язык, на котором такой контент доступен.

Мы должны знать и понимать, как киберпространство влияет на то, будем ли мы пользоваться собственным языком. Важно наращивать онлайн-контент на русском языке и помнить, что киберпространство – это инструмент, который мы должны научиться использовать в своих интересах.

Сегодня говорилось о массовых онлайн-курсах. Это важно, но нужно уметь стимулировать людей, показывать им, какие преимущества дает им изучение русского языка. Раньше были школы, университеты, литература, а сейчас мы живем в пост-гутенберговую эру, в киберпространстве. Это революция, и мы должны эту революцию использовать, а многие страны пока еще воспринимают киберпространство как то, что хранит данные, цифры, а не как инструмент объединения людей.

И наконец, необходимо предлагать свою культуру и литературу на разных языках, не только на русском. Например, в Египте, в Каире есть Российский культурный центр, который

очень активно работает даже в киберпространстве. Он мотивирует людей в Египте участвовать в культурных программах Центра. Это прекрасно. Важно привлекать людей из других стран к изучению русского языка. Для меня самого участие в этом круглом столе – отличная возможность, чтобы начать изучать русский. Обещаю, что начну это делать.

Спасибо вам большое.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Мохамед.

И наконец, я приглашаю нашего индийского друга Прабакара Рао Джандьялу, профессора из Хайдарабада, который тоже учился в Советском Союзе.

П. Р. Джандьяла

Уважаемые дамы и господа, уважаемые коллеги, добрый день!

Прежде всего хочу выразить глубокую благодарность Министерству образования и науки, Российскому комитету Программы ЮНЕСКО «Информация для всех, Межрегиональному центру библиотечного сотрудничества и ИТАР-ТАСС за предоставленную мне возможность участвовать в этом соещании.

Я учился в СССР с 1978-го по 1988 год, по образованию я филолог. Здесь говорили о русской литературе, о драме и театре, но я хочу поговорить о русской лингвистике.

Во-первых, как сказал великолепный ученый-лингвист В. Гумбольдт, язык есть дух народа, а дух народа есть язык. Я напоминаю об этом, потому что всегда говорил, что русский народ духовно ближе к Индии, чем к Западу, и это доказывается языковыми и культурными фактами. Вы знаете, что рус-

ский язык принадлежит к индоевропейской семье языков. Еще французский лингвист Антуан Мейе говорил, что среди всех индоевропейских языков лишь русский язык не только сохранил черты индоевропейского языка (санскрита), но и развивал их. Так исторически сложилось, нам никуда от этого не деться и остается только сотрудничать. Мой руководитель Геннадий Прокофьевич Мелехов, великолепный ученый, энциклопедист, всегда говорил мне, что нам необходимо сотрудничать, какие бы внешние силы не влияли и на нас, и на вас. И это сотрудничество должно носить академический характер и строиться через образование.

Я преподаю в своем университете в том числе и русскую лингвистику, но, конечно, на английском, и знаю, что сейчас мировая лингвистика оказывается в каком-то смысле в кризисном положении. Чтобы выйти из этого кризиса, мы можем попросить помощи у представителей русской лингвистической школы, потому что у вас есть очень богатая лингвистическая традиция, которой мы не знаем.

Есть Международная ассоциация преподавателей русского языка. Думаю, нам нужна такая же организация в рамках БРИКС, которая объединила бы специалистов в области гуманитарных и социальных наук. А также необходимо сотрудничать в области открытого образования, потому что сейчас Индия вкладывает большие финансовые и гуманитарные ресурсы в развитие этой сферы. Нам нужно активно в этом участвовать и использовать технологии в образовании. Уже существует Сетевой университет БРИКС, но там, к сожалению, нет ни гуманитарных, ни социальных наук, так что необходимо убедить правительства, чтобы туда вошли известные университеты наших стран, которые специализируются на гуманитарных науках. Большая работа предстоит в области перевода. Возможности машинного перевода могут быть очень ценны и полезны.

Что касается русского языка, у нас, конечно, есть центры русской культуры, но время быстро меняется, а они еще работают в рамках традиционных подходов. Так что здесь требуется, как раньше говорили, крутой поворот.

Еще раз благодарю организаторов и, конечно, нашего общего друга Евгения Кузьмина.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, дорогой Рао.

Я думаю, что эта сессия вполне удалась. Она получилась длительной, потому что мы предприняли попытку объединить высоких политических руководителей с экспертами, и время было рассчитать непросто.

Очень прошу всех выступающих в следующей сессии придерживаться регламента.

Сессия II. Тематическая дискуссия «Проблемы сохранения и продвижения русского языка в современном мире»

И. Ю. Васильева

Добрый день, дорогие друзья. Я с некоторой опаской согласилась выступить в роли модератора, потому как она для меня совсем непривычна.

Я представляю здесь Русскую гуманитарную миссию, которую возглавляет Евгений Александрович Примаков (к сожалению, он не смог задержаться на вторую сессию), и занимаюсь образовательными проектами. Мы достаточно много работаем со странами Ближнего Востока, Центральной Азии, Балкан. В числе наших проектов была передача книг и учебников Палестине, создание учебника для школьников арабских стран с арабским в качестве языка-посредника и др. Мы постоянно направляем в разные страны преподавателей русского языка, большинство из них – сотрудники Института русского языка имени Пушкина. Они работают там в русских школах и преподают русский язык в течение года.

С вашего позволения, я перейду к нашей сессии, тема которой – сохранение и развитие многоязычия в России и в мире.

Нас ожидают два очень интересных доклада и не менее интересные выступления не просто ученых, но и преподавателей-практиков.

Итак, первый доклад Александра Леонидовича Арефьева, заместителя директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации.

Пожалуйста, вам слово.

А. Л. Арефьев

Спасибо. Уважаемые коллеги, участники круглого стола, позвольте мне прежде всего поблагодарить организаторов этого мероприятия, в первую очередь Евгения Ивановича, за приглашение поприсутствовать, послушать интересные доклады и поделиться с вами результатами наших исследований.

Во-первых, представляю вам историю русского языка за последние сто лет и прогноз (несколько алармистский) на период до 2050 года. Лет 10 назад МИД впервые пригласил меня сделать доклад о русском языке в мире. Была попытка оценить реальное число владеющих русским языком, потому что речь велась о том, что их насчитывается полмиллиарда человек, и первые лица нашего государства эту цифру озвучивали. Когда я стал считать, у меня полмиллиарда никак не получалось. Реально в 2004 году получилось 278 миллионов владевших русским языком. А высшая точка – в момент распада СССР – это 312 миллионов (американский лингвист Джордж Вебер одновременно со мной насчитал 300 миллионов). Думаю, что эти цифры отражают реальность, потому что использовались прежде всего данные переписей населения 1990 и 2010 годов как наиболее объективные.

Мы отмечаем изменения и в численности русских по национальности носителей языка (их число сократилось на 20 миллионов человек), и в числе владевших русским языком как неродным.

Когда я приступил к исследованию в 2004 году, я посмотрел старые переписи населения по России и другим странам и сде-

лал еще одно открытие: в 1914 году, накануне Первой мировой войны, число владевших русским языком в мире было равно числу владевших английским. Я считал численность населения США, всех граждан Великобритании, британских колоний, Канады, ЮАР, и у меня получилось для двух этих языков примерно по 140 миллионов говорящих. Это, кстати, подтверждение роли экономики: Россия в то время находилась на подъеме, и темпы экономического роста были одними из самых высоких в Европе, а золотой российский рубль был наиболее весомой валютой, что не могло не отразиться на положении русского языка.

Давайте посмотрим, как распределяются русские по национальности в мире по данным современной переписи населения. Конечно, значительная доля сконцентрирована в границах Российской Федерации, несмотря на то, что население бывшего СССР разбегалось по всему миру. В странах дальнего зарубежья 2,5 миллиона русских (уехало намного больше, но не все из них русские по национальности).

Что можно сказать о тенденциях изменения численности владеющих русским языком по регионам мира? Во-первых, и в период СССР мы считали, что около 20 миллионов населения не владели русским языком – в сельских районах, на Кавказе и в Средней Азии. Какая-то часть (например, в северокавказских республиках) и сейчас им не владеет, и перепись населения показывает уменьшение числа владеющих русским. Очень большие потери русский язык понес в бывших советских республиках, а будущее его во многом связано именно со странами СНГ. И просто огромные потери произошли в странах Восточной Европы, прежде всего за счет системы образования. Я несколько раз бывал в командировках в Польше. Когда я приехал в Варшаву в 80-х годах, каждый второй там говорил по-русски. А приехав два года назад, я обратился к 16 людям, и меня поняли всего 2 человека. Вот такой эмпирический штрих.

Есть разные показатели. Железобетонный – это число владеющих языком как родным. И по этому показателю русский язык

на 8-м месте. Нас потеснил даже португальский – именно за счет Бразилии, представитель которой сегодня здесь выступал.

Посмотрим на систему образования. Какие перемены произошли за четверть века с изучением русского языка и обучением на русском языке? Потери очень значительные. По состоянию на прошлый год они достигли практически 40 миллионов, что очень печально. В той же Польше в советское время русский язык изучали 7 миллионов школьников и студентов, а в 2015–2016 годах осталась 201 тысяча школьников и 22 тысячи студентов. И каждый год их становится меньше на 10 и 5 тысяч соответственно. Я спрашивал у преподавателей-русистов о причинах, они говорят, что в спускаемых им сверху программах больше мест на изучение русского языка нет.

Посмотрим на страны СНГ и Балтии – ключевой регион для распространения русского языка через систему образования. Уже говорилось о том, что падение интереса к изучению русского языка идет сейчас не столь стремительно. Именно с 2010 года снижение числа обучавшихся на русском языке составило 200 тысяч, хотя за предшествующий период – порядка 6 миллионов. Всё-таки усилия дают результат. Количество школ и гимназий сокращается, но в последние годы это сокращение резко замедлилось. Количество билингвальных учебных заведений в странах СНГ в 2000 году даже увеличилось, но на самом деле это было способом выведения русского языка из системы национального образования. То есть школы с обучением на русском языке становились билингвальными, потом переставали принимать в классы с обучением на русском языке и т.д., а впоследствии становились моноязычными с образованием уже на титульном языке. Вот так объясняется эта тенденция.

Теперь оценим изменения в сфере среднего профессионального и высшего образования. Уменьшилось количество образовательных учреждений с обучением на русском языке, менее значительно сократилось число студентов. Очень существенные потери произошли на Украине. Две страны давали нам

лучшие показатели – Казахстан и Украина, но, к сожалению, там число обучающихся на русском языке уменьшилось на несколько миллионов.

Что касается изучения русского языка как предмета, 10 лет назад его изучали 10,5 миллиона школьников в странах СНГ и Балтии – как обязательный предмет или как иностранный, а теперь их число сократилось на 3,5 миллиона. Хотя в последние 5 лет тенденция замедлилась, ее всё-таки, наверное, необходимо стремиться вообще ликвидировать к 2020 году. По отдельным странам начинается пусть небольшое, но увеличение: по Киргизии, по Таджикистану и пр.

Количество школ с преподаванием русского языка вне СНГ и Балтии наиболее сильно сократилось в восточноевропейских балканских странах. Очень упали Германия, страны Азии, но в последнее время ситуация там стабилизировалась. Страны Северной Америки держатся за счет США, там мы видим даже некоторое увеличение.

Потери в численности учащихся за последние 10 лет составили порядка 700 тысяч школьников и студентов колледжей. По регионам есть даже некоторое прибавление за счет франкофонных стран Африки и США. А в восточноевропейских и балканских странах, к сожалению, число изучающих русский язык сократилось на 300 с лишним тысяч. Китай очень сдает: если когда-то там изучали русский 100 тысяч школьников, то сейчас на самом деле нет и 39 тысяч.

Изменение количества высших учебных заведений с изучением русского языка в странах Азии довольно значительно, в странах восточноевропейских и балканских среднее, в странах Западной Европы и Латинской Америки – прирост.

В США число студентов университетов и колледжей, изучающих русский язык, сократилось, хотя число школьников увеличилось. А самые большие потери – в странах Азии, прежде всего в Северной Корее и Китае. Все учат английский язык, здесь ничего не поделаешь. И хотя КНР для нас – дружеская

и партнерская страна и правительство дает соответствующие преференции, родители хотят, чтобы дети учили английский.

Среди стран – лидеров по числу изучавший русский в вузах я на первое место поставил КНР. Тут интересно, что увеличилось число тех, кто изучает русский язык как специальность, потому что укрепились экономические связи с Россией, нужны переводчики, есть спрос. А вот изучение русского языка как иностранного там снизилось. Китайские русисты показывают большее число, говорят, что учат факультативно и т.д., но общая тенденция ясна. Пока еще держатся Польша, США, Германия.

По показателю функционирования в мировом интернет-пространстве русский язык еще на 6-м месте в мире, но быстро продвигается вперед. Буквально года два назад он занимал 7-е место и, видимо, будет подниматься практически каждый год.

Доля русскоязычных интернет-пользователей велика в России, Украине, Казахстане, Беларуси. На страны дальнего зарубежья пока приходится менее 5%, но, возможно, эта доля станет больше благодаря предпринимаемым усилиям.

То, на чем держится русский язык, – это преподаватели-русисты. В 2011 году исследовалось их количество в мире, и с тех пор пропорции радикально не изменились. Общее их число составляет порядка 272 тысяч, из них 213 тысяч – это школьные учителя. Максимум, конечно, приходится на Российскую Федерацию и бывшие советские республики, меньше их в странах Восточной Европы и Азии. Им надо помогать, давать больше мест для ежегодного обучения и переподготовки в России, в стране изучаемого языка. Это жизненно важно, ведь преподаватели – основная опора в поддержке языка, и помощь им должна быть в приоритете.

Если позволите, я посвящу еще пару минут своего выступления языковой политике России. Школ с обучением на русском языке у нас 91,6%, на ином языке – около 4%. За последний год количество русскоязычных школ увеличилось почти на 0,5%, а сократилось за счет билингвальных школ с русскими языками.

Как распределяются учащиеся по языкам обучения? Доля обучающихся на русском языке – 95,6% (это даже больше, чем в период СССР), на нерусских языках – менее 1%, на двуязычные школы приходится порядка 3,5%. Самые крупные языки, на которых обучаются школьники, помимо русского, – это татарский и якутский. Самое важное – это какая доля детей – представителей той или иной национальности может обучаться на родном языке. И лучший показатель тут в Якутии. Зато по показателю изучения национального языка как родного нерусского многие языки дают 100%.

Если смотреть на динамику изучения основных иностранных языков в российских школах, то за 20 лет очень упал немецкий как иностранный – на 2,5 миллиона. Аналогичная ситуация и с французским языком, то есть Франкофония ничего не может сделать, несмотря на то что правительство Франции обеспокоено проблемами образования. Зато, кроме английского, идет вперед китайский.

На этом я закончу свое выступление. Спасибо за внимание. По всем интересующим вопросам вы можете со мной связаться и пообщаться более подробно.

И. Ю. Васильева

Благодарим вас, Александр Леонардович, за содержательный и интереснейший доклад.

Теперь я хочу предоставить слово Марине Ивановне Яскевич, проректору Государственного института русского языка имени Пушкина. Марина Ивановна не просто проректор и главный «дирижер» этой программы, она совершенно удивительный человек. Мы сталкивались с ней по работе. В Палестине, например, зимой в некоторых районах не было электричества, а Марина Ивановна через некоторое время переводила наших преподавателей в другие группы. Огромное спасибо ей за это.

М. И. Яскевич

Спасибо большое. Это скорее заслуга всего нашего института, а не моя лично.

Уважаемые коллеги, добрый день. Я в своем докладе постараюсь рассказать о портале «Образование на русском», поскольку кто-то в этой аудитории, может быть, еще не очень знаком с этим новым масштабным интернет-проектом, который реализуется под эгидой Министерства образования и Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации. Я расскажу об уникальной целевой аудитории портала, о тех ресурсах, которые появились на нем за два года, об образовательных сервисах, которые мы предоставляем и студентам, и преподавателям, и о тех партнерских программах, которые реализуются с образовательными организациями в нашей стране и за рубежом.

Я хотела начать выступление с темы открытого образования, но сегодня об этом уже немало говорили, поэтому скажу лишь, что принципы открытого образования утверждены Национальным стандартом Российской Федерации в области информационных и коммуникационных технологий. Они всем нам известны: это мобильность, интерактивность, стабильность, эффективность и удобство для обучающихся.

Открытое образование сегодня становится мощнейшим инструментом в борьбе отдельных вузов и целых национальных систем образования за студента, за слушателя. Первые системы, в том числе «EdX» и «Udacity», появилась в США. Когда у президента Массачусетского университета на заре открытого образования спросили, зачем они выкладывают лекции ведущих профессоров во всеобщий доступ, она ответила: «Для того чтобы наш институт занял главенствующее положение в мире». Вот так оценивают роль открытого образования крупнейшие университеты!

Вслед за американскими университетами системы открытого образования создавались и в других странах. Наверное, хро-

нологически включились сначала британские вузы – консорциум 12 крупнейших британских университетов создал систему «FutureLearn». 11 крупных вузов Евросоюза создали систему «OpenED», и эти платформы все вместе успешно функционируют на сложившемся рынке образовательных услуг. По оценкам, англоязычные курсы составляют более 80%. В борьбе за российского слушателя (а российские слушатели устремились на платформы открытого образования) «Coursera», например, начала активно переводить англоязычные курсы на русский. К счастью, Россия не осталась к этому безучастна. Уже в 2012 году начала свою новую жизнь платформа «Лекториум», у которой к тому времени накопилась огромная база академических видеокурсов, прочитанных ведущими профессорами. В 2013 году была создана платформа «Универсариум», на которой размещены в основном курсы просветительской тематики. В конце 2014 года был создан портал «Образование на русском», и, наконец, в конце 2015 года появился портал «Открытое образование», созданный восемью крупнейшими российскими классическими техническими университетами. Этот портал набирает популярность. Он в основном содержит курсы естественнонаучной и технической направленности, компенсируя потребность в них, которую раньше наши студенты удовлетворяли на англоязычных сайтах.

Портал «Образование на русском», координатором которого является Институт Пушкина, конечно же, развивается благодаря не только нашим усилиям, но и усилиям наших партнеров – многих образовательных организаций, прежде всего крупнейших университетов нашей страны. Каковы результаты развития этой образовательной платформы за два года ее существования? Учитывая, что портал уникален с точки зрения своей миссии и задач, которые он решает, то есть продвижения русского языка (это, по сути, монопрофильный портал), статистика впечатляет. Вениамин Шаевич говорил о 45 миллионах просмотров, но это данные трехдневной давности. Количество просмотров увеличивается ежедневно и уже приближается к

50 миллионам. Число уникальных посетителей скоро достигнет 5 миллионов, это огромная аудитория, объединяющая представителей 95 стран мира. На портале зарегистрированы более миллиона пользователей, их количество существенно выросло в последнее время в связи с проведением олимпиад по русскому языку. И среди зарегистрированных пользователей уже больше 66 тысяч заявили о своем статусе преподавателя. Так что портал действительно становится площадкой, на которой формируется заинтересованное сообщество русистов.

Приведу немного статистики. Что касается возрастного состава, 40% посетителей – это люди самого активного возраста, в котором получается образование, – от 18 до 34 лет. Портал доступен со всех типов устройств, и наблюдается тенденция к более активному использованию мобильных устройств. Мы, несомненно, будем это учитывать и развивать технологии обучения в этом направлении.

Сегодня здесь много говорили о странах СНГ. На их долю в нашей статистике приходится порядка 10%, то есть более 4 миллионов просмотров, свыше 300 тысяч посетителей. В целом, зарубежная аудитория составляет более 40%.

Обращаю ваше внимание на то, что состав зарубежной аудитории очень динамичен и постоянно меняется в зависимости от того, что мы проводим на портале. Летом у нас первыми по посещаемости были США, а сейчас, когда мы проводили олимпиаду по русскому языку для начальных классов, Штаты спустились на 4-е место, а в тройку лидеров вышли Украина, Беларусь, Казахстан.

О востребованности портала жителями СНГ стоит сказать отдельно. Если оценивать ее по такому параметру, как количество посетителей в соотношении с численностью населения страны, то, например, Республика Беларусь и Армения опережают даже Россию. Наверное, сложно найти в Рунете другой такой образовательный портал, на который бы приходили 17

человек из каждой тысячи жителей Беларуси, 14 человек из каждой тысячи жителей Армении или 8 человек из каждой тысячи жителей Молдовы. Эти статистические данные убедительно свидетельствуют: то, что мы делаем, действительно востребовано в зарубежных странах.

Конечно, люди приходят на портал только в случае, если находят там то, что им нужно и интересно. Кратко опишу те ресурсы, которые за два года удалось разработать и предоставить в свободный доступ для всех желающих учить русский язык, повысить квалификацию на русском языке или освоить какой-либо из просветительских курсов. В настоящее время на портале размещены десятки тысяч текстов, видео, тестов и т.д. Все эти ресурсы нацелены на то, чтобы реализовать миссию портала – продвижение русского языка. Перед нами стоят две цели: предоставить каждому желающему контент для изучения русского языка и дать каждому преподавателю-русисту материалы для повышения квалификации.

Что представляет собой доступный на портале курс «Русский как иностранный»? Сразу скажу, что эта система с самого своего создания находится в стадии совершенствования. И к концу нынешнего года будет готов уже улучшенный курс русского как иностранного, которым будет очень легко и интересно пользоваться.

Система предоставляет возможность обучаться русскому языку либо самостоятельно, либо в сопровождении сертифицированного тьютора-педагога и, при достаточной мотивации, подготовиться к сдаче квалификационного экзамена по русскому языку. В создании этого огромного курса участвовали и Московский государственный университет, и Томский государственный университет, и РУДН, и МЭСИ, и СТАНКИН. Технические вузы здесь появились не случайно, поскольку в большинстве из них есть факультеты, на которых ведется подготовка иностранных граждан к поступлению в российские университеты. В составе курса много заданий, для обеспечения их интерактивности

создано более 90 шаблонов, плюс видеофильмы, поддерживающие тренинги и т.д. Конечно же, курс включает систему тестирования: есть возможность пройти тест для определения уровня владения русским языком на входе в обучение, а также итоговый тест по его окончании. Сейчас курс «РКИ» самостоятельно изучают более 22 тысяч человек из 140 стран мира.

На портале мы стараемся не только представить массовые открытые онлайн-курсы, но и собрать ту аудиторию преподавателей-русистов, которые очень нуждаются в общении, в обсуждении проблем преподавания, в новых методиках и пр. Кроме того, мы апробируем новые технологии цифрового обучения. В нынешнем, 2016 году мы начали проект по реализации онлайн-уроков с применением системы «AdoptConnect» с целью развития навыков речевой деятельности. Система имеет инструментарий, позволяющий провести устный опрос, фонетико-грамматическую тренировку, выполнить практические коммуникативные задания с выходом на внешние сайты. Такие уроки мы реализовали для групп учащихся зарубежных университетов и ряда зарубежных школ.

В настоящее время на портале есть целый спектр программ повышения квалификации для преподавателей, все они бесплатные. Кроме того, наши преподаватели разработали уникальную программу переподготовки лиц, имеющих высшее гуманитарное образование. Сейчас по ней обучаются более 100 человек из 27 стран. Выпускники этой программы получают возможность осуществления профессиональной деятельности в новой сфере – преподавании русского языка как иностранного.

На портале также систематически проводятся вебинары для преподавателей. За минувший год состоялось более 70 вебинаров, в которых приняли участие 1,5 тысячи преподавателей из 45 стран мира. В качестве анонса могу сказать, что 24 ноября мы будем участвовать в проведении телемоста «Беларусь – Иран – Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного».

Упомянутые мной две задачи – обучение русскому языку и повышение квалификации преподавателей русского языка – требуют разработки огромного количества образовательного контента. На портале сегодня дополнительно создаются и размещаются курсы, поддерживающие процесс обучения русскому языку и процесс его преподавания. Хочу обратить ваше внимание на совершенно новый проект, который называется «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина». Проект этот с самого момента разработки концепции и до ее реализации выполняется совместно коллективом ведущих преподавателей и специалистов в области информационно-коммуникационных технологий.

На портале размещены и курсы по программам высшего образования, и программы просветительской тематики, и детские ресурсы, направленные на обучение билингвов. Уже сейчас мы получаем массу откликов от пользующихся нашим лингвострановедческим словарем «Россия». Существует достаточно много ресурсов, посвященных истории русской литературы, и к концу этого года их число увеличится. Эти ресурсы разрабатываются нашими партнерами.

Портал – это площадка не только для обучения, но и для сотрудничества преподавателей-русистов, для реализации новых форм межкультурной коммуникации. Мы поддерживаем программу «Послы русского языка»: на портале проводится обучение послов, используются ресурсы для обучения детей в тех странах, куда направляются просветительские экспедиции, а после окончания экспедиций дети из этих стран приходят к нам и продолжают изучать русский язык на курсах портала.

И буквально пару слов о проекте, который вызвал колоссальный интерес во многих странах мира. Вместе с платформой «Учи.ру» мы впервые провели олимпиаду по русскому языку для учащихся начальных классов и, честно говоря, не ожидали такого количества участников – более 1 миллиона зарегистрированных пользователей из 80 стран мира. В основном этапе

приняли участие 502 тысячи учеников из 53 стран. 490 тысяч – из России, но более 12 тысяч – это дети из ближнего и дальнего зарубежья.

У портала «Образование на русском» очень много партнеров, и я приглашаю тех, кто еще не вступил в их ряды, сделать это сегодня же. Просто зарегистрировавшись на портале, вы получите «Личный кабинет», с помощью которого сможете говорить о своих программах, популяризировать свою деятельность и предоставлять информацию о ней и на страницах портала, и на страницах электронного ежемесячника «Русский язык в мире».

Спасибо за внимание.

И. Ю. Васильева

Благодарим вас, Марина Ивановна, за блестящий доклад и за то большое дело, которое вы делаете.

А теперь мы переходим к выступлениям, регламент которых составляет не более 7 минут. Я приглашаю выступить Любовь Павловну Клобукову, заведующую кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета, а также члена Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку.

Л. П. Клобукова

Дорогие коллеги, я хочу обратить ваше внимание на тему нашего круглого стола. Она объединяет два аспекта: языковая политика РФ и положение русского языка в мире. То, что мы слышали сегодня, в большей степени было посвящено второму из этих двух вопросов – тому, как себя чувствует в мире русский язык, как он преподается, сколько учащихся, как меняется их число в разные периоды и т.д. Я же хочу сосредоточиться на первом аспекте – языковой политике России.

Во все времена языковая политика любого государства направлена на то, чтобы продвигать язык титульной нации (если это многонациональное государство) как на внутренней, так и на международной арене. Однако с годами меняются средства, которые используются для реализации этой задачи. Вот как раз о средствах реализации языковой политики Российской Федерации я бы хотела сказать несколько слов.

90-е годы прошлого века и 16 лет века нынешнего были в каком-то смысле переломными с точки зрения используемых государством средств. В чем перелом? В конце прошлого века была создана Российская государственная система тестирования по русскому языку как иностранному. Подобная система – важнейшее средство продвижения языка в любой стране, которой прежде у нас не было, о которой мы даже не думали. В советские времена желание иностранного студента получить по окончании обучения у нас сертификат об уровне владения русским языком вызывало недоумение. Столкнувшись лично с подобной ситуацией, я всерьез задумалась и с гордостью могу сказать, что я сама и вся наша кафедра выступили инициаторами создания такой государственной системы тестирования. Мы ее разработали и в 1997 году уже включили в Европейскую систему сертификации. Дальше был конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы в 1999 году, на котором я выступала с пленарным докладом. Мы осознали, какой огромный шаг сделали, лишь после того, как зал несколько минут аплодировал стоя, услышав, что мы создали такую систему. Люди ждали этого очень долго.

Любая система тестирования выстраивается по двум (или даже больше) вертикалям. Первая вертикаль у нас – русский язык как иностранный общего владения, то есть социально-культурная сфера, социально-бытовая, не ориентированная на профессиональную деятельность. Эта система принята как государственная, Министерством образования изданы все документы, проводятся тестирования, всё хорошо. Но, разрабатывая

систему, мы, конечно, планировали и вторую вертикаль – я ее обозначала как «Русский язык в деловом общении». Это очень важно! Зачем человек изучает русский язык? У нас есть совместные предприятия, но, помимо бизнеса, есть миссионеры, политики, есть консульства, посольства. И мы разрабатывали эту вертикаль, издали три уровня тестов. Более того, в какой-то момент Министерство образования даже издало указ объединить усилия МГУ, Института Пушкина и РУДН и сделать вертикаль «Русский в деловом общении». Мы выпустили две книги, но потом всё это сошло на нет. Проблема в том, что людям этот аспект очень важен. Я могу подтвердить слова Вениамина Шаевича о гигантском приросте учащихся: у меня по кафедре ежегодно проходит 600 учащихся. И когда мы объявляем семинар «Русский как деловой», у нас собирается по три-четыре группы, причем не только с экономического факультета, но и со всех остальных. При этом люди хотят не просто научиться, но и получить документ. А государственной сертификации этого аспекта на сегодняшний день нет. Каждый вуз может издавать что-то свое, но я думаю, что необходимо мыслить на государственном уровне. Если наша тема сегодня – «Языковая политика РФ», нам нужно думать о государственном сертификате.

Меньше месяца назад в Казани проходил очередной, Пятый конгресс Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Было специальное заседание по вопросам тестирования уровня владения русским языком. И все участники этого заседания приняли итоговую резолюцию: обновить нормативную базу системы ТРКИ в целях расширения государственной системы тестирования посредством включения в нее тестирования по русскому языку как средству делового общения, для чего инициировать обновление Министерством образования и науки РФ нормативно-правовых актов, определяющих уровни владения РКИ и требования к ним. Мы приняли это единогласно и уже передали в соответствующие инстанции. Элеонора Валентиновна сегодня выразила надежду, что мы сможем тоже сформулировать некие рекомендации, и

я думаю, что если бы мы могли поддержать упомянутое мной решение экспертного сообщества, оно приобрело бы дополнительный вес. Это позволило бы укрепить наши возможности по продвижению русского языка, ведь во всех странах это есть, а мы почему-то в данном вопросе застопорились.

И. Ю. Васильева

Спасибо, Любовь Павловна.

Мы просим продолжить Надежду Михайловну Зайкову, проректора Северо-Восточного федерального университета.

Н. М. Зайкова

Добрый день. О Якутске уже столько сказали как о территории, где в национальной школе обучается большое количество детей, но русский язык для многих представителей народов, проживающих в Российской Федерации, на самом деле является вторым родным. Мы на этом языке говорим, обучаемся, думаем. Русский язык преобладает в нашем общении, особенно в городах, в университетах, в профессиональной среде. Во время переписи населения 25 лет назад 60% населения указали, что владеют русским языком, тогда как в переписи 2010 года их число составило уже 94%. И среди отвечавших 50% указали русский язык как родной. Для национальной республики, для народа это тоже проблема, но подробнее я расскажу об этом в своем выступлении на третьей сессии.

Северо-Восточный федеральный университет, который я представляю, продолжает историю Якутского государственного университета, в этом году ему исполняется 60 лет. Сейчас в университете обучаются 20 тысяч студентов, являющихся представителями 37 субъектов Российской Федерации и 40 стран. В основном это ребята из Юго-Восточной Азии, стран СНГ, хотя, невзирая на холода, у нас есть студенты и из Афри-

ки. Задача университета не только обучить этих молодых людей, но и помочь им в личностном росте, раскрыть их способности, привить хороший вкус, позитивные интересы, воспитать здоровые культурные потребности и помочь в осознании целей своего развития. И знаете, базой для всего этого, безусловно, являются русский язык и русская культура.

С 2014 года в СВФУ обязательными дисциплинами для всех направлений подготовки являются русский язык, культура речи, а также русская художественная литература. Еще обучаясь в школе, будущие абитуриенты университета могут принять участие в проводимых нами олимпиадах по русскому языку. Так, в Пятой Северо-Восточной олимпиаде школьников по русскому языку участвовали учащиеся 547 школ из 37 субъектов РФ. Осознавая важность преподавания языка в школе, в университете, мы имеем постоянно действующие программы повышения квалификации учителей русского языка и литературы. Это «Билингвальное образование» и «Русский язык и литература в межнациональном общении».

Географическое положение СВФУ обусловило наше активное взаимодействие с университетами Азии – они составляют львиную долю тех 140 вузов мира, с которыми мы сотрудничаем. Из обширного списка направлений можно упомянуть о сотрудничестве с кафедрами русского языка университетов Японии, Монголии, Вьетнама, КНР. У нас сложились самые теплые отношения с русскими кафедрами Республики Корея. Здесь сказывается личностный фактор: профессор Канг Дуксу, заведующий кафедрой русского языка Университета Ханкука, почетный профессор университета, председатель Ассоциации славистов Восточной Азии, очень помогает нам в этих вопросах. В 2014 году мы отметили в Сеуле 60-летний юбилей кафедры русского языка Университета Ханкука, где сейчас обучаются русскому языку 340 студентов. Мы сотрудничаем с 10 корейскими школами, где ведется обучение русскому языку, а в 1994 году в Якутске была открыта саха-корейская школа.

Поскольку мое время ограничено, я приглашаю вас на наш сайт, где можно найти массу интересных сведений.

И мне хотелось бы внести ряд предложений в итоговый документ круглого стола, ведь мы собираемся не только для обмена мнениями, но прежде всего для того, чтобы иметь некий консолидированный документ. Эти предложения на самом деле уже были озвучены в 2015 году на заседании Совета по русскому языку при Правительстве РФ нашим ректором Евгенией Исаевной Михайловой, но я считаю, что они актуальны и для собравшихся здесь сегодня. Итак, мы предлагаем, во-первых, установить гранты для кафедр русского языка зарубежных университетов (всё-таки это наши соратники, подвижники, очень помогающие нам, и гранты были бы для них большим подспорьем). Второе: предложить знаки отличия для преподавателей и ученых зарубежных вузов за выдающийся вклад в пропаганду и расцвет российской культуры или русского языка. Третье предложение касается проведения международных сравнительных исследований по сохранению языкового разнообразия в разных странах. Ну, и предложение, которое я вчера обсуждала с коллегами (возможно, несколько спорное): продемонстрировать произведения русской кинематографии для иностранной аудитории на русском языке с использованием субтитров.

Возможность пообщаться в рамках сегодняшнего круглого стола – это большое счастье, и я сердечно благодарю Евгения Ивановича, Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и всех организаторов за то, что мне удалось выступить на таком представительном мероприятии.

И. Ю. Васильева

Спасибо большое, Надежда Михайловна.

Сейчас я прошу Евгения Ивановича зачитать текст выступления Н. Н. Казанского, директора Института лингвистических исследований РАН.

Е. И. Кузьмин

Дорогие друзья, Николай Николаевич вчера прислал текст своего выступления и просил его зачитать:

«Глубокоуважаемый Евгений Иванович, я, к сожалению, не смогу быть на заседании 17 ноября, но хотел бы привлечь внимание к нескольким взаимосвязанным вопросам.

Говоря о русском языке в современном мире, необходимо совместными усилиями действовать как минимум в трех направлениях.

1. Следует способствовать открытию кафедр русского языка в центральных университетах европейских стран. В качестве примера приведу Афинский университет, для которого вопрос об открытии кафедры русского языка ставился неоднократно, но затем МИД России смирился с тем, что кафедра будет открыта в новом университете на Спорадах, где наверняка не будет студентов. Такое же положение наблюдается и в тех странах, где есть кафедры славистики. В последнее время русский язык, который был там основным языком, вытесняется украинским, польским и др.

Если в этом направлении будут предприняты соответствующие усилия и достигнуты определенные результаты, встанет вопрос о направлении для чтения отдельных магистральных курсов подготовленных специалистов в области русского языка и литературы, профессоров-русистов, свободно владеющих языком и культурой страны, в которую они направляются.

Совершенно иное положение с продвижением русского языка в Китае и Японии, где требуется только преподавание русского для делового общения без глубокого осмысления особенностей русской культуры. Все методы преподавания, по крайней мере в Китае, отличаются от принятых в Европе и в России; например, обучение начальным курсам практического русского языка осуществляется в группах по 100–150 человек. Насколько можно судить, до серьезных сопоставительных курсов по лингвистике и литературоведению в Китае дело так и не доходит.

2. Требуется подготовка комментированных изданий и восстановление той филологической инфраструктуры, которая действовала в XIX и отчасти в XX веке. Речь идет о серьезной работе по изданию текстов русской литературы с подробными комментариями, только на основе которых могут появиться комментированные издания для русской и иностранной школы. Традиционно академические издания содержат тщательно подготовленные тексты и минимальные комментарии. Институты, в которых готовятся академические полные собрания сочинений, – Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН и Институт мировой литературы имени М. Горького РАН в последние годы несколько раз подвергались кадровому сокращению, а в настоящее время сокращается финансирование академических институтов, входящих в ФАНО России, что не может не сказаться и на институтах гуманитарного профиля. Вследствие всех этих неблагоприятных обстоятельств почти не появляются серьезные и обширные комментарии к текстам русской литературы: мы располагаем тремя комментариями к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина (Н. Л. Бродского, В. В. Набокова и Ю. М. Лотмана) и относительно полными, но чисто научными комментариями в ряде академических изданий (например, 6-й том полного собрания сочинений Гончарова), которые для нужд преподавания необходимо значительно расширить.

3. Филологические труды целого ряда русских исследователей не только были переведены на европейские языки, но и вызвали пристальное внимание к русской филологической мысли. Особенно показательно отношение к трудам М. М. Бахтина, который стал известен на Западе благодаря переводам, осуществленным без малейшего участия нашего государства.

Если предполагать, что Российская Федерация должна иметь внятную политику в области продвижения русского языка в современном мире, как мне представляется, именно в трех указанных направлениях развития русской филологии должны быть

сделаны специальные усилия. При этом, разумеется, должна продолжаться поддержка таких относительно благополучных и успешных программ, как преподавание русского языка как иностранного и подготовка кадров для этого направления».

И. В. Васильева

Спасибо большое, Евгений Иванович.

Следующим нашим докладчиком будет Денъга Шахрудинович Халидов, советник Главы Республики Дагестан.

Д. Ш. Халидов

Здравствуйте, коллеги.

Евгений Иванович, спасибо за приглашение. Я буду выступать как социолог и эксперт по геополитике, поскольку языковая политика и то, что происходит с русским языком в странах СНГ и в мире, – это следствие политических процессов и, главным образом, отсутствия в руководстве Российской Федерации настоящего «большого проекта». Мучительное рождение такого проекта я связываю с разворотом над Атлантикой самолета с уже ушедшим Евгением Максимовичем Примаковым. Это первый символ начала его формирования. Второй – это создание Межведомственной комиссии по русскому языку при Министерстве образования и науки, которая достаточно плодотворно поработала, провела около 10 заседаний. И третий штрих – это создание Совета при Президенте России по русскому языку. Отсутствие масштабного проекта – это главная проблема, тот фактор, который провоцирует снижение статуса русского языка в ближнем и дальнем зарубежье, засорение русского языка англицизмами, американизмами, преступным сленгом, восприятие себя как зависимого звена развитого, цивилизованного западного мира или, в лучшем случае, как периферийной империи (по терминологии Бориса Кагарлицкого).

Как социолог и специалист по международной политике я сравниваю геополитические проекты Британии, Франции, Китая, России и прихожу к очень неутешительным выводам. Если Британия или Китай для нас вне конкуренции, то нужно хотя бы поставить в качестве главной стратегической цели подняться до уровня Франции, потому что Франция – здесь я готов поспорить с Александром Леонардовичем – по степени распространения своего языка, по количеству франкоговорящих занимает второе место в мире. Собственно французов, включая квебекских, около 100 миллионов, а использующих французский язык – 500 миллионов, то есть соотношение 5:1.

А что происходит с русским языком в этом плане? После развала Советского Союза, после отказа от собственного большого проекта наблюдается четкая тенденция к снижению статуса русского языка даже в тех странах, которые, казалось бы, из чисто прагматических соображений должны стремиться изучать его. Тому есть три причины. Это: поблекший образ России в глазах наших соседей; экономика, которая сузилась до экономики нефти и газа (помимо них, транслятором наших экономических смыслов в лучшем случае является «Росатом»); и наконец, если наша культура транслируется не через «Катюшу», балет Большого театра, произведения выдающихся русских писателей, а через низкоуровневые массовые формы, то рассчитывать на уважение нам трудно. Эти проблемы могут быть решены только в том случае, если Совет при Президенте России по русскому языку будет действовать комплексно, увязывая языковую политику с культурной политикой, с геоэкономикой, с геополитикой.

Мы живем в эпоху, когда меняется вектор развития мира как минимум на 15–25 лет. В течение этого периода окно возможностей для России расширяется, и это можно и нужно использовать для повышения авторитета русского языка не только в ближнем, но и в дальнем зарубежье, исходя из прагматических соображений, из того, что сфера распространения русского

языка должна расширяться за пределы СНГ. После того как американцы в своей геополитической конфигурации не нашли места для Африки и сочли этот континент бесперспективным, их место заняли китайцы. Россия тоже может занять свою нишу. Люди изучают русский язык по прагматическим соображениям, по культурным соображениям – как язык выдающейся литературы, высокого искусства, и по соображениям духовным. Исходя из этого, я бы предложил множеству структур, которые занимаются данными проблемами, провести масштабное социологическое исследование, посвященное тому, почему же всё-таки изучают русский язык. Думаю, мы придем к очень интересным выводам. Но сам тот факт, что Совет при Президенте по русскому языку организован лишь в 2014 году, а до этого существовала только Межведомственная комиссия, образованная в 2004 году, свидетельствует, что не было осмысления остроты проблемы. И то я связываю это достижение с именем советника по культуре Владимира Ильича Толстого, с которым мы лично дружим.

Что можно порекомендовать Совету при Президенте и подчиненным ему различным рабочим группам? Как минимум – изучить опыт Франции. Там есть Генеральная делегация по французскому языку, которую возглавляет президент страны, и Генеральная комиссия по терминологии. Кроме того, в 1995 году там принят закон, предусматривающий строгий контроль за лексическими заимствованиями. Французы испытывают гордость за свой язык и не допускают использования англицизмов или американизмов. И есть еще межвузовская ассоциация молодых историков и филологов, которых тоже можно привлечь. Так что французский опыт для нас – это альфа и омега, его нужно детально проанализировать. Министерству образования и науки стоит создать специальный отдел или департамент по защите русского языка. Вообще, необходим закон о защите русского языка. Есть Статья 4 в Законе о государственном языке, но ее формулировки очень пространны и требуют углубления и конкретизации.

Спасибо за внимание.

И. Ю. Васильева

Спасибо огромное, Деньга Шахрудинович.

Я приглашаю Елизавету Александровну Хамраеву, заведующую кафедрой русского языка как иностранного Московского педагогического государственного университета, продолжить нашу сессию.

Е. А. Хамраева

Уважаемые коллеги, я буду говорить о билингвальном образовании и о традиции такого образования в Российской Федерации.

Очень приятно, что сегодня прозвучал доклад Александра Леонардовича, в котором приводились статистические данные. Надо отметить, что в последние годы в билингвальном образовании (на самом деле эта область педагогики и образовательной политики очень мало изучена) мы видим две магистральные линии, тесно связанные с деятельностью ЮНЕСКО. Первая – это стихийное возникновение полиэтнических школ, которые стали реальностью мегаполисов Российской Федерации и, хотя де-юре никак не обозначены, существуют в пространстве практически каждого крупного города и порождают целый комплекс вопросов. В этих школах обучаются дети мигрантов, и это вполне реальная проблема – малоизученная и требующая решения как на психологическом, так и на общегуманитарном, культурном уровне. Что происходит с детьми, как они вписываются в реальность и вписываются ли? Почему они оказываются в наших школах и какое будущее их ждет? Россия вступила в мигрантские отношения, и мы понимаем, что развитие экономики неизбежно приведет нас к необходимости уметь включать детей мигрантов в свое образовательное пространство. Многие страны мира живут, умея это делать и получая очень хороший прирост квалифицированного населения.

Однако вторая магистральная линия мне кажется даже более интересной и более перспективной. Она традиционно связана с обеспечением образования на русском языке в регионах Российской Федерации. То, что я называю билингвальной школой, в разные годы именовалось по-разному: национальной школой (это самое типичное название с советских времен), школой с родным нерусским и русским неродным языком обучения (это трудно выговариваемое название на самом деле совершенно не отражает спектр существующих проблем, но закрепилось в нашей юридической и нормативной практике). И если в советской школе было более-менее понятно, как происходит обучение в союзных республиках (было обучение на родном языке и обучение на русском), то российская образовательная траектория дала совершенно другие модели. На сегодняшний день выкристаллизовалось 5 моделей существования билингвальной школы в России. Три региона – Татарстан, Башкортостан и Якутия – дают последовательную линию обучения на родном языке на любом уровне – от детского сада до докторантуры. Вот, Александр Леонардович показал, что в Чечне идет сокращение обучения на родном языке, но практически стопроцентное владение родным языком, а ведь причины этого предельно понятно, если знать традиции билингвальной школы: в Чеченской Республике в 1950-е годы обучение на национальном языке было запрещено, поэтому там все школы с русским языком обучения, но сохранение родного языка обеспечивается со всех сторон, и даже весь понятийный аппарат на уроке транслируется на родном языке.

Вернусь к моделям. В основном все дают переходные модели. Например, школы Севера: начальная школа – на родном языке, а с 5-го класса переход на русский язык обучения (школы Дагестана тоже очень часто используют такую модель). При этом все дети сдают ЕГЭ и ОГЭ на русском языке – на территории РФ единые условия. И посмотрите, как это трансформировало подходы к владению русским языком: некоторые регионы с этим блестяще справились, а другие потерпели неудачу. В Ре-

спублике Тыва дети городов переходят на русский в 5-м классе, а сёл – в 9-м, но уровень сдачи ЕГЭ катастрофически низкий, ведь дело не в том, на каком языке учиться, а в том, сформирован ли понятийный аппарат. Используется две технологии: либо идет перенос знаний, полученных на родном языке, на другой язык, либо ты когнитивно прирастаешь на следующем языке, тогда нужно некоторое время для разгона, и дальше ты уже идешь вперед. Оттого, что система билингвального образования у нас не изучена, мы не знаем и не можем транслировать эти техники презентации языка в билингвальные школы и получаем когнитивные перекосы. Ведь при том, что билингв – это человек действительно уникальный, зачастую способный в любой ситуации, в любом новом языковом окружении очень быстро овладеть языком, есть и оборотная сторона – аддитивные билингвы. Это люди, неспособные транслировать мысль ни на каком языке, включая свой родной. У них когнитивное развитие прекращается, потому что один язык перестает использоваться для когнитивного прироста, а другой на его место не становится. Переход по какой-то причине не происходит. И посмотрите, какое здесь поле для работы – работы психологов, логопедов, преподавателей русского языка как неродного и иностранного. Здесь еще встает проблема обучения предмету средствами языка, не являющегося родным. Это направление тоже может быть сегодня развито.

Я не описала еще два типа школ. В школах четвертого типа дети обучаются на родном языке только в 1-м классе, а потом переходят на следующий язык (например, в Якутии эвенки в 1-м классе учатся на эвенкийском, потом у них идет якутский язык, затем включается русский, а потом еще и английский, и, конечно, такому ребенку, на которого свалилось сразу четыре языка, действительно нужен психолог, чтобы как-то выстроить свою жизнь, свое будущее). И последний, пятый тип – экзотические школы, где сохраняется родной язык в образовании, хотя бы некоторое время. Это, например, кочевые школы, которые стали реальностью в российской Арктике.

Что еще мне бы хотелось отметить? Во всем мире существуют системы билингвального образования – более и менее успешные, зачастую несущие политическую идею. Скажем, IB-бакалавриат – очень успешная система, по франшизе покупаемая в разных странах, где, помимо обучения предметам на родном языке, ты еще и овладеваешь предметами, например, на английском. На самом деле нам надо бы поучиться под франшизу давать такой образовательный контент и предлагать его в мире. Русская математика или география всегда интересны, так почему это не может быть трендом? Однако у нас нет таких моделей, которые мы могли бы сегодня предложить. Вот, Казахстан берет систему «CLIL» (это система замещения обучения на родном языке англоязычным обучением). Германия, Нидерланды, которые тоже занимаются этой системой, теперь говорят: «Мы потеряли научный стиль речи на родном языке, у нас всё англоязычно». Понятно, почему это происходит: для того чтобы квалифицированно владеть языком, надо как можно быстрее начать включаться в этот язык, и это включение происходит либо в дошкольном, либо в школьном возрасте. Отсюда и формирование тех самых моделей, которые предлагаются как готовые решения. И, на мой взгляд, мы как сообщество преподавателей-русистов должны описать билингвальные модели, существующие в Российской Федерации, с обозначением потенциала русского языка как языка когнитивного становления, разработать систему оценки качества владения родным и русским языком, предложить контент билингвальной модели российского образования, и тогда можно будет говорить об экспортном варианте российской школы.

Спасибо.

И. Ю. Васильева

Спасибо, Елизавета Александровна.

Следующий доклад представит Ольга Евгеньевна Дроздова, заведующая кафедрой общего и прикладного языкознания,

заместитель директора Института филологии Московского педагогического государственного университета.

О. Е. Дроздова

Большое спасибо за возможность выступить. Так получается, что Елизавета Александровна частично затронула проблему, о которой я собиралась говорить.

Сегодня уже шел разговор о сохранении и продвижении русского языка, о том, что это во многом зависит от того, является ли знание русского языка условием успешности человека и его профессиональной компетентности. Вопросам обучения русскому языку, несомненно, нужно уделять внимание при освоении других предметных областей и той или иной профессии. Конечно, это всегда было в большей степени характерно для обучения иностранных студентов, которые действительно овладевают профессией, обучаясь у нас на русском языке.

Мы с Елизаветой Александровной вместе ездили в Сиэтл год назад и столкнулись с тем, как воспринимают обучение детей школьного возраста представители семей, где говорят по-русски. Дети там являются наследственными носителями русского языка, для них русский не иностранный, но они владеют им как родным только на уровне бытового общения. А если говорить об академическом обучении, то эту сторону жизни они на русском языке не осваивают. Недостаточно высокий профессиональный уровень преподавателей на местах, многие из которых не имеют ни педагогического, ни филологического образования, не позволяет поддерживать у детей из семей наших соотечественников интерес к русскому языку по мере их взросления. Пока дети маленькие, родители инициируют изучение русского языка, знакомство с русской культурой в достаточно большом объеме, но чем старше становится ребенок, тем меньше он занимается русским языком, и, как только активизируется процесс социализации и приобщения

к будущей профессии, желания обучаться русскому остается еще меньше, потому что человек приобщается к профессии на языке той страны, где проживает. И если в центрах русского языка нет учителей, преподающих на русском языке математику, биологию и т.д., то получается, что эту функцию должны взять на себя учителя русского языка. Конечно, они сделают это не так, как математики, но хоть какие-то интересующие детей аспекты, проблемы, они осветить смогут. Допустим, ребенку 12 лет, он интересуется космосом. Возможность для него получать знания о космосе на русском языке и поддержала бы престиж русской культуры и науки, и проложила бы мостик к будущим отношениям человека взрослого, специалиста, который захочет в дальнейшем работать с кем-то из России.

Сегодня уже была упомянута система «CLIL», и я хотела бы рассказать о ней немного подробнее. Это «Content and Language Integrated Learning», то есть предметно-языковое интегрированное обучение. И мне кажется, что уже действительно настал момент, когда нужно противопоставить такой англоязычной системе русскоязычную. То, что делают с продвижением английского языка, – это готовая модель, которую нам надо просто наполнить собственным содержанием. Такая работа проводится. Ее важность и глобальность состоит еще и в том, что работа по интеграции обучения русскому языку и языку предмета, будь то биология или математика (я сознательно беру преимущественно естественнонаучный цикл, потому что это еще более непривычно для нас, мы всегда считали, что, если уж совмещать язык с предметом, то, например, с историей, литературой и другими гуманитарными дисциплинами), предполагает двойной отбор самых лучших детей. Естественнонаучные дисциплины и так могут освоить только самые сильные ученики, а уж сделать это на английском языке – лучшие из лучших. Это готовые претенденты на выезд за рубеж, подготовленные по этим предметам на английском языке. А хотелось бы, чтобы такая подготовка была и на русском.

Подобный подход сегодня очень актуален в связи с лавинообразным увеличением объема информации. Ее трудно перерабатывать и отбирать то, что потребуется в дальнейшей жизни. То есть надо научить тому, что российский ФГОС называет метапредметным результатом. Соединение обучения русскому языку и предмету и станет одним из важных метапредметных результатов. В этом направлении в МПГУ есть большие наработки, вышла большая монография «Метапредметное обучение русскому языку в школе: теория и пути практического воплощения». Я считаю, что эта область должна объединить и русский как иностранный, и русский как неродной.

Заканчивая свое выступление, я могу озвучить два предложения: хотелось бы активизировать программу подготовки, соединяющую обучение русскому языку и предметному содержанию для детей наших соотечественников за рубежом, а также ввести в широкую практику то, что я назвала лингво-дидактическим сопровождением предметного обучения. Таким образом мы показываем учителю физики или математики, что основное его дело – всё-таки учить своему предмету, а по ходу дела, будучи обученным некоторым приемам работы с естественнонаучными текстами, всё время уделять этому внимание. Мы в МПГУ ввели такие дисциплины, как «Язык как инструмент преподавания химии» (я веду этот курс уже третий год), «Язык как инструмент преподавания математики» и пр. И даже наши студенты считают, что это должно стать частью методики преподавания любого предмета и в российской школе.

Спасибо.

И. Ю. Васильева

Благодарю вас, Ольга Евгеньевна. О космосе на русском – это очень актуально. В школе для девочек в Вифании, где русский преподается как обязательный предмет, учащиеся были очень удивлены, когда преподаватель из Института русского

языка имени Пушкина сообщила им, что Гагарин – русский космонавт. Они были уверены, что он был американцем.

Мы переходим к дискуссии. Практически все уже высказали какие-то свои предложения, но вот Марина Ивановна как раз попросила предоставить ей слово.

М. И. Яскевич

Коллеги, я оставила свои предложения на время дискуссии и сейчас хотела бы их озвучить. Собственно, они были сформулированы тоже во время Пятого конгресса РОПРЯЛ. Я руководила секцией «Русский язык в системе открытого образования», в работе которой приняли участие более 50 преподавателей из ведущих российских университетов. Мы предлагаем рассматривать развитие системы открытого образования, направленное на укрепление статуса и поддержку изучения русского языка как родного, как неродного и как иностранного, как важнейший фактор укрепления позиций национальной системы образования. Для развития системы открытого образования в РФ мы считаем важным решение следующих вопросов:

Изучение потребностей и запросов целевой аудитории в области преподавания русского языка как родного, как неродного и как иностранного в целях повышения эффективности реализации программ онлайн-образования.

Разработка нормативного обеспечения деятельности педагогических работников в системе открытого образования (этот вопрос остается крайне непроработанным).

Я поддерживаю также предложение о предоставлении грантов университетам, но не только зарубежным, а и российским вузам, которые сейчас принимают активнейшее участие в развитии открытого образования, часто на инициативной основе.

И последнее, о чем я хотела сказать: крайне необходима система критериев оценки качества и порядка проведения экс-

пертизы образовательного контента открытого образования, в том числе проведения правовой экспертизы в области интеллектуальной собственности.

Эти вопросы наша секция на конгрессе считала наиболее важными и актуальными для развития системы российского образования на русском языке.

И. Ю. Васильева

Спасибо, Марина Ивановна.

Е. И. Кузьмин

Уважаемые коллеги, мне очень понравились все выступления и очень понравилось, что многие докладчики предлагают серьезные проекты решений. Как мы слышали и от господина Каганова, и от госпожи Митрофановой, наше правительство ждет от нас предложений относительно того, что надо делать, в каком направлении развиваться, на что обратить особое внимание. Меня порадовали не только российские выступления, но и зарубежные. Когда иностранные эксперты дают поручения чиновникам другой страны, на них это производит большое впечатление.

Я предполагаю, что не все смогут остаться с нами после обеда, поэтому у меня большая просьба к присутствующим. Мы будем с вами связываться, чтобы получить в письменном виде ваши предложения, а также материалы для сборника, который будет опубликован по результатам круглого стола. У каждого есть возможность расширить свое выступление, чтобы мы могли выпустить панорамный сборник по максимально широкой проблематике обсуждаемых сегодня тем.

Спасибо большое.

Сессия III. Тематическая дискуссия «Сохранение и развитие многоязычия в России и в мире»

Е. И. Кузьмин

Уважаемые коллеги, мы продолжаем работу нашего круглого стола.

Третья сессия посвящена уже не проблемам сугубо русского языка, а проблемам многоязычия в России и в мире. Сегодня здесь присутствуют выдающиеся эксперты из двух многоязычных стран – Индии и Бразилии, а также из Египта. России очень интересен опыт этих стран. Я предоставляю слово Жилвану Оливейра и заранее прошу его и всех выступающих строго придерживаться регламента.

Ж. М. Оливейра

Добрый день.

Цель языковой политики на первом этапе состояла в том, чтобы развивать национальный язык в моноязычном государстве. Потом возник вопрос многоязычия, и государства стали искать и предлагать гибкие решения в условиях сосуществования различных языков, самостоятельно разрабатывая стратегии их развития. На третьем этапе, на котором мы находимся сейчас, на многоязычие влияет формирующееся общество знания, и основной вопрос можно сформулировать так: интернационализация языков и языки как движущая сила в рамках стратегий новых правительств.

Конечно же, традиции предыдущих лет еще не полностью ушли в прошлое. В Бразилии, например, на протяжении веков реализовывалась политика, запрещавшая населению использовать какие-либо языки, кроме португальского, и преодолеть эту тенденцию было трудно. Однако в начале XXI века была разработана технология задействования языков на региональном уровне, прежде всего в Амазонии (я говорил о 60 различных местных языках), потом это обрело силу национального движения, и теперь у нас 20 муниципалитетов, где, помимо португальского, используется 11 официальных языков и один национальный язык – жестовый. Это новая политика, которая показывает, что наша страна многоязычна и различные языки могут использоваться наравне с португальским, что открывает новые возможности. В соответствии с политикой поддержки языкового многообразия с 2010 года на федеральном уровне языки рассматриваются как национальное нематериальное культурное наследие. Это позволяет им рассчитывать на поддержку со стороны правительства, а сообщества их носителей могут подать запрос на включение своего языка в реестр языков наследия. На всю процедуру уходит примерно 2 года, так как язык тщательно изучается и анализируется, а процесс должно инициировать само языковое сообщество.

Таким образом, это – изначально региональное – движение обрело признание на уровне всей страны и позволило открыть университеты, где преподавание ведется не на португальском, а на других языках (первые примеры мы видим в Амазонии, где в университетах в качестве языков обучения используются языки индейцев). Всё это стало возможным только благодаря тем инициативам, которые возникали, когда набирало силу продвижение языков сначала на местном, а потом уже и на федеральном уровне.

Как и многие другие страны, Бразилия многоязычна. У нас примерно 245 языков, но языковые общины малочисленны – на остальных языках, помимо португальского, говорят 4 из 200 миллионов граждан. Одна из таких общин – русскоязычная, насчитывающая примерно 30 тысяч русскоговорящих (это по-

рядка 11 сообществ, состоящих в основном из сельских жителей, которые приехали в 40–50-х годах XX века и проживают, в общем-то, во всех регионах Бразилии, кроме Амазонии). Русский язык не приобрел официального статуса на местном уровне и не признается как часть наследия просто потому, что с подобной инициативой никто не выступал. Русскоговорящая община не обращалась в правительство с соответствующим запросом, хотя технически это вполне возможно, во всяком случае, на юге Бразилии. Русский язык может быть включен в реестр языков наследия, как это произошло с немецким, талианом и др.

Сегодня мы выходим на постнациональный этап, когда каждая община становится лингвистическим хабом на конкретных территориях во всем мире. Это означает, что одна страна не будет продвигать только один язык, но будет использовать те различные национальные языки, на которых говорят ее граждане, для развития экономики, политики, дипломатии. Например, в Китае тоже говорят на португальском языке – там есть регион Макао, где португальский до 1949 года имел статус официального языка. Сегодня португальский язык продолжает использоваться, на его развитие выделяются определенные средства, был создан Экономический форум Макао – международная организация, объединяющая португалоязычные страны и Китай. Ежегодно Форум инвестирует в развитие португалоязычных стран 6 миллиардов долларов. Если в 1992 году в Китае было лишь два курса для изучающих португальский, то сегодня их уже 32, и количество студентов постоянно растет. Это означает, что португальский может стать одним из языков Китая, если правительство будет обеспечивать возможность использовать этот язык в интересах китайской экономики и культуры.

Политика развития языка в чужой стране не связана с языковой политикой его собственной страны, а значит, в каждой конкретной стране перед языками открываются новые горизонты. Если русский станет официальным языком в каком-то из регионов Бразилии и будет признан как культурное наследие Бразилии, то есть обретет законный статус и новых сторонников в нашей стране, всё больше людей будут говорить о нем и на нем.

Это возможно потому, что сегодня язык получает развитие в различных формах. Он может быть официальным, родным, иностранным, языком наследия и т.д. Например, мы принимаем иммигрантов с Гаити, и уже 80 тысяч гаитян живут в Бразилии. В будущем они станут говорить на португальском – языке принимающей стороны. Но их собственный язык может стать языком интеграции, языком памяти, языком школы, и очень важно диверсифицировать эти категории, так как каждая из них диктует свою языковую политику.

Я уже говорил сегодня об общих критериях уровня владения языком. Они могут помочь разграничить эти различные категории языка и послужить для государства инструментом, который позволит привлечь инвестиции в данную область, в технологии развития и распространения языка. Я упоминал о том, что необходимо переосмыслить модели развития языка и перейти от моноязычной модели к многоязычной, которая в большей степени соответствует требованиям XXI века. Общие критерии могут быть очень полезны, когда речь заходит о развитии языков и универсальном доступе к киберпространству, поскольку способны помочь нам преодолеть технологический разрыв между языками.

Как можно подойти к идентификации языков, какие направления избрать? Во-первых, это надо делать так, чтобы мы могли выйти на реализацию предложенных ЮНЕСКО Целей развития тысячелетия с наименьшими затратами. Во-вторых, мы должны совместно управлять языками, тогда мы сможем добиться развития общих критериев для языков, что позволит интернационализировать процесс управления. Можно создавать (или развивать) геолингвистические организации, подобные Франкофонии, Содружеству наций. Такого рода международные организации позволяют не только содействовать развитию стран, которые говорят на конкретном языке, но и привлекать другие страны. Пример тому – Экваториальная Гвинея, единственная испаноговорящая африканская страна, которая вступила в Содружество португалоязычных стран и признала португальский в качестве официального языка (те-

перь он преподается там всем детям в государственных школах: три года в начальной и три года в средней). Кроме того, в качестве наблюдателей в нашу организацию входят Грузия, Турция, Япония, Намибия. На Саммите португалоязычных стран в Бразилии к нам присоединился Уругвай, а в список кандидатов в наблюдатели входят Австралия, Индия, Индонезия, Перу и Венесуэла. Объединение стран, говорящих на конкретном языке, помогает привлекать новых членов, стимулировать их к использованию и развитию этого языка. В нашем случае каждая страна, которая хочет получить статус наблюдателя, должна представить собственный план развития португальского языка на своей территории и среди своего населения. С 2010 года многие страны выказали заинтересованность в членстве в нашей организации, и это признак того, что такая модель эффективна и может способствовать развитию языков в мире.

Португальский язык – это не просто язык Португалии или Бразилии, это язык целого сообщества, которое совместно управляет им. Это позволяет нам избегать националистических проявлений, развивать и расширять географию языка.

В заключение замечу: сегодня один из выступающих приво-дил статистические данные по поводу будущего русского языка, а я веду аналогичную работу в отношении португальского языка. Сейчас на португальском говорят 267 миллионов человек, а к 2100 году их число может достичь 423 миллионов – такие данные мы получили от Фонда ООН по народонаселению. Примечательно, что большинство португалоговорящих в 2100 году будут проживать не в Бразилии, не в Португалии, а на юге Африки! Международные организации, такие как Содружество португалоязычных стран, помогают контролировать и регулировать ситуацию, когда основной полюс языка, родившегося в Европе, был сначала перемещен в Америку, в Бразилию, а теперь переходит на юг Африки. Как мы можем управлять этой интересной тенденцией миграции языка с одного континента на другой? В нашем случае язык – это артефакт, который связан не с конкретным государством, а с организацией, объединяющей различные государства. У каждой страны в нашей организации

есть свой голос, каждая страна делает свой финансовый взнос и поддерживает язык в различных частях мира. Таким образом укрепляется и наращивается мощь языка и его значимость.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Жилван, за прекрасный доклад, побуждающий к серьезным размышлениям о том, что мы можем и должны делать с русским языком и с управлением языком, с созданием сообщества русскоговорящих стран.

Мы с Жилваном как-то обсуждали многоязычную Бразилию и многоязычную Россию. Разница между ними в том, что в Бразилии много языков коренных народов, но их носители составляют менее 2% населения страны, а в России свыше 20% населения являются носителями иных языков, помимо русского. У нас на втором месте татарский язык – это почти 6 миллионов носителей. Еще четыре языка имеют более 1 миллиона носителей, а 15 языков насчитывают от полумиллиона до миллиона носителей.

Что касается разницы в подходах, Жилван упомянул о том, что и русский язык может быть объявлен языком наследия. Вы знаете, что у нас говорят почти на 200 языках, но коренными считаются языки тех народов, которые исторически сформировались на территории Российской Федерации и не имеют национально-территориального государственного образования за пределами России. То есть, даже если у нас проживает 2 миллиона азербайджанцев или примерно столько же армян, их языки не считаются языками коренных народов РФ, поскольку об этих языках заботятся другие государства.

Мне очень понравилась мысль о том, что мы должны входить в качестве наблюдателей в Сообщество португалоязычных стран, и предложение Рао действовать вместе по линии БРИКС, АСЕАН и других международных организаций. Я рад, что наши друзья мыслят так глобально и открывают нам новые горизонты.

А сейчас я с удовольствием передаю слово Мохамеду Эль-Гинди.

М. Эль-Гинди

Спасибо.

Коллеги, язык невозможен без культуры, равно как и культура невозможна без языка; между ними существует прямая взаимосвязь. Но сегодня я хотел бы поговорить даже не о том, как киберпространство влияет на язык и культуру (и наоборот), а о тех уроках, которые мы извлекли из культурного империализма. Культурное разнообразие особенно необходимо в условиях культурного империализма, на службе у которого стоят информационные технологии.

Что же такое культурный империализм? Это практика продвижения более сильной культуры в ущерб менее сильному. Еще с 1950-х годов киберпространство принадлежит сильным с военно-экономической точки зрения государствам. Египет, Саудовская Аравия – примеры того, как меняет людей культурный империализм на Ближнем Востоке. И, как бы пугающе это ни звучало, именно проявления культурного империализма мы можем наблюдать в киберпространстве. Правда, сегодня в связи с киберпространством мы говорим о культурном империализме иного рода – это мягкая сила, которая используется крупными государствами, чтобы вторгаться в сознание людей, в третьи страны. Мы видим, какие культурные изменения происходят в мире в эпоху электронного колониализма, знаем о влиянии средств массовой информации, «Facebook», «Google», крупных медийных компаний, которые находятся в США. Страны пытаются осознать, что происходит.

В 1991 году Джордж Буш сказал, что информационная революция позволит усилить изоляцию, что информация станет тираном. Мы должны добиться того, чтобы наш век стал веком освобождения. Много всего произошло с киберпространством с 1991 года. Жан Лиотар еще в 1979 году говорил о постмодер-

низме, о том, что мы будем жить в условиях экономики знания, в информационном обществе, где знания и информация станут товаром, который может продаваться и покупаться. Именно это и происходит сегодня: медийные и даже технологические компании подходят к знаниям и информации как к товарам, которыми можно обмениваться и которые можно использовать для контроля над людьми. Лиотар говорил, что контроль за информацией в XXI веке станет определением власти: тот, кто будет контролировать информацию, будет контролировать мир. Жизнь показывает, что он был прав.

Однако на тех, кто существует в этом киберпространстве, влияют не только технологические достижения, но и культура. Министр культуры Франции Жак Ланг в 1982 году во всеуслышание осудил американский культурный империализм. Усредненные американские стандарты в ту пору насаждались не только во Франции, но и в Европе в целом, в сознании молодого поколения всё, что было связано с Америкой, ассоциировалось с индустриальной и технологической мощью, с прогрессом, с будущим.

Сегодня все мы живем в эпоху цифрового капитализма – даже Франция, которая выступает против американского империализма и американской культуры. Информационные технологии контролируют всё. «GoogleApps», «Amazon», «Facebook» – это наиболее мощные медийные организации, которые управляют киберпространством. Их бюджеты исчисляются миллиардами долларов: «Facebook» – 17 миллиардов, «Google» – 74 миллиарда, «Amazon» – 107 миллиардов, «Apple» – 233 миллиарда в год.

Дэвид Роткопф, советник по внешней политике, в 1997 году в статье в журнале «Foreign Policy» называл культурный империализм последствием культурной глобализации. Он писал, что цель Соединенных Штатов в XXI веке – контролировать мировые информационные потоки (аналогично тому, как Англия контролировала в прошлом моря и океаны). Подтверждение этому мы можем увидеть, например, на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что арабский входит в пятерку наиболее

распространенных языков, он не обеспечивает должного качества контента в киберпространстве, и для получения доступа к качественной информации арабы вынуждены изучать другой язык, утрачивая в результате свой родной язык.

В 1980 году ЮНЕСКО был опубликован интересный доклад «Много голосов – один мир», в котором предлагался анализ того, как развивается наша культура, как можно жить вместе в киберпространстве и – самое главное – как страны могут контролировать то, что в нем происходит. Но если каждая страна получит возможность влиять на структуру киберпространства, это станет серьезной проблемой для США, стремящимся к единому управлению потоками информации.

Должен заметить, что в эпоху цифрового капитализма и информационной экономики технологии – это не всегда хорошо. Мы, конечно, можем использовать их, чтобы расширять собственную культуру, но это порой приводит к маргинализации других культур. Используя этот (несомненно, эффективный) инструмент для решения своих проблем, мы не должны создавать проблемы для других. Поэтому необходимо руководствоваться принципами Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии – это будет влиять и на культуру, и на киберпространство.

В заключение процитирую слова Нила Постмана, который, рассуждая о том, как технологии приводят к монополии, писал: «Технополия – это состояние культуры, состояние разума и менталитета». Культура должна взять на вооружение технологии, чтобы использовать их для своего блага, не допуская при этом, чтобы технологии использовали нас.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо за такое философское видение всего развития в XXI веке, частью которого является наш вопрос сохранения и развития языков, а также управления ими.

Совершенно ясно, что технологические и информационные монополии – это в конечном счете проявление языковой монополии. Мы видим, что на английском языке абсолютно невозможно описать всё разнообразие нашего мира. На мероприятии, которое мы проводили в Париже два года назад, прозвучал доклад английского филолога, который сказал, что в мире есть 5 языков-империалистов – английский, французский, испанский, португальский и русский. На мой взгляд, уравнивание всех этих языков как монополистов – это большой трюк: наши небольшие и не такие уж сильные языковые империи, конечно, не идут ни в какое сравнение, например, с Британской.

Английский всегда предлагает нам какой-то метод исследования, который на самом деле уже как-то противоречит реальности. Вчера мы с коллегами обсуждали качество жизни (этот английский термин вошел уже во все языки). Качество жизни не включает в себя элемент человеческих отношений, который важен, по-моему, для всех в мире, кроме англоязычных стран с их индивидуализмом и современными ценностями – в отличие от наших традиционных, архаичных ценностей.

Я еще раз благодарю Мохамеда и рад передать слово Рао, который имеет совсем новый взгляд на мир. Он уже затронул извечный для России вопрос и выразил мнение, что мы, хотя и выглядим как европейцы, на самом деле гораздо ближе к Востоку, чем к Западу.

П. Р. Джандьяла

Спасибо.

В своем докладе я хотел бы сравнить языковое и культурное разнообразие в Индии и в России, поговорить о том, как многоязычие поддерживается и сохраняется в Индии и какие усилия необходимо предпринимать в этой сфере в обеих странах.

Прежде всего отмечу, что как для Индии, так и для России характерно большое количество сосуществующих языков и культур. Это то, что нас объединяет. Причем в обеих странах язы-

ковое и культурное разнообразие носит особый характер. Если оценивать ситуацию в Америке, Великобритании и некоторых европейских странах, мы увидим, что там многоязычие увязывается с иммиграцией и прочими социально-экономическими факторами. В России же и в Индии многообразие языков и культур – это исторический феномен, который существует уже сотни лет.

Какие бы конфликты ни возникали у нас в области языкового и культурного разнообразия, мы всегда находили решения. Однако сейчас конфликты в этой сфере связаны в основном с глобализацией, потому что глобализация, как и любой другой феномен, имеет свои плюсы и минусы. Ее положительные стороны всем известны, и я не буду их перечислять, зато считаю необходимым подчеркнуть, что глобализация отрицательно влияет на языки и культуры во всем мире – Россия и Индия не исключение. Там, где развивается общество, развивается и язык – так происходило исторически. А в наше время общество и технологии развиваются столь стремительно, что язык не успевает за ними. Вот почему требуется вмешательство человека, требуется осуществлять языковое планирование, модернизировать и реформировать язык.

Учитывая все эти факторы, исторические и современные, мы можем определять языковую политику. Я полагаю, что каждая страна сегодня должна разрабатывать новую образовательную политику с акцентом в первую очередь на языковых вопросах. Например, индийское правительство сейчас выстраивает новую образовательную политику, но, к сожалению, она не учитывает те языки, на которых говорят в Индии. Она по-прежнему направлена на то, чтобы привлекать к нам больше транснациональных корпораций и национальных университетов, чтобы у нас укоренилось иностранное образование. Конечно, в университетах есть онлайн-курсы, которые стирают географические границы, но любое образование в рамках общества должно учитывать и национальные интересы, национальную культуру и языки этой страны. Как уже говорилось, в мире глобальной экономики практически всё стало товаром – образование, информация, знания. Воспринимая образование как товар и низводя его до банального развития навыков и деловых возможно-

стей, мы готовим учебные программы, которые обеспечивают только создание новых рабочих мест. Но ведь конечная цель образования – комплексное развитие человека! Работа – это только часть нашей жизни. В нашем мире крайне важна роль человека, и образование должно подчеркивать это.

Гуманистические ценности присутствуют в любой культуре, в любом языке, в любой стране, в любом сообществе. Не бывает культуры более высокой или менее высокой, и в отношении языков можно сказать то же самое. Культура в самом широком смысле – это богатейший исторический опыт, накопленный обществом. Он должен передаваться от поколения к поколению, но этого не происходит, если мы воспринимаем образование только как способ удовлетворения интересов транснациональных корпораций. Экономический кризис захлестнул Европу. Через 100 лет произойдет общемировой культурный кризис. И если экономический кризис можно преодолеть через 5, 10, 15 лет, то в случае культурного кризиса для преодоления его последствий могут потребоваться сотни лет. Об этом надо помнить.

Даже если мы применяем технологии в преподавании языков, используем киберпространство для развития и защиты языков и культур, мы должны четко осознавать ограниченность технологий с практической точки зрения и оценивать, где они нужны и где их стоит применять. С моей точки зрения, когда технологии угрожают человеческим отношениям, от их использования следует отказаться. Ведь что произойдет, если мы не будем задействовать технологии? Какая-нибудь компания не продаст еще одного миллиона айпадов в Китае или Индии – и ничего больше.

Языковая политика в каждой стране должна учитывать как исторические, так и современные факторы, а также строить долгосрочные прогнозы, ведь мы разрабатываем и воплощаем в жизнь политические стратегии не для того, чтобы удовлетворить исключительно сегодняшние интересы. Мы должны в значительной степени думать и о будущем, а для этого нам нужны общие концептуальные основы – в образовании, в языках, в лингвистике.

Языковая и образовательная политика пересматривается в зависимости от уровня развития общества. Конечно, общество генерирует новый спрос. Но, что бы мы ни сделали нового, современного, это не должно отрывать нас от прошлого, от истории. Необходимо сохранять преемственность в любой политике, включая языковую, ведь мы не должны забывать о наших ценностях.

В Индии порядка 500 языков и свыше тысячи диалектов, некоторые из которых нам до сих пор неизвестны, потому что говорящие на них общины не пускают к себе чужаков. Одних только официальных языков у нас 28, и 16 языкам мы хотим придать такой статус. А есть еще целый ряд племенных языков! Переезжая из одного индийского штата в другой, вы перестаете понимать людей – они говорят на другом языке. Но географически наша страна едина и развивает свою древнюю культуру (мы гордимся тем, что внесли свой вклад в общечеловеческую культуру, хотя, конечно, не считаем индийскую культуру единственной великой, признавая, что любая община, любая культура сами по себе велики).

Надо заметить, что индийское общество очень сложно и неоднозначно. Одно из его отличий – кастовая система, обусловившая определенную лингвистическую и культурную специфику. Что мы можем сделать в информационную эпоху, чтобы поддержать свои языки и культуру? Следует грамотно использовать технологии. В соответствии с недавним решением индийского правительства, чтобы продавать мобильные телефоны, компьютеры и прочие высокотехнологичные устройства, компании-производители в обязательном порядке должны устанавливать на них программное обеспечение на одном из языков нашей страны. И теперь у нас появляются программы на индийских региональных языках, мы можем отправлять на них смс, сообщения электронной почты и общаться в других форматах.

В заключение я хотел бы вновь вернуться к теме БРИКС. Члены этой организации представляют большое количество языков и культур. Мне кажется, стоит организовать конферен-

цию, посвященную языкам, на которых говорят в государствах БРИКС. Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка – такие разные страны, находящиеся на значительном географическом удалении друг от друга. Интересно узнать, в чем состоит культурное и языковое своеобразие каждой из них, какая языковая политика в них развивается. Еще один вопрос – как сократить роль английского языка. Мы в своей стране нередко слышим: если вы не будете развивать английский язык, транснациональные корпорации сюда не приедут, так что не надо преподавать местные языки. Я считаю этот подход неверным. Пусть эти корпорации изучают наши языки, тогда мы сможем развивать свой местный язык и одновременно преподавать английский. Надо искать решения существующих проблем, не забывая о том, что Индия влияет на всю Азию – как с точки зрения языка, так и с точки зрения культуры.

При разработке языковой политики необходимо учитывать массу разнообразных факторов. Вот почему я предлагаю конференцию по языковой политике в странах БРИКС. Давайте поделимся своим опытом – он уникален.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, дорогой Рао. Я несколько раз слушал ваши концептуальные доклады, и сегодняшний был самым ярким из них. Он вызывал очень много мыслей, особенно, думаю, у присутствующих здесь россиян. Вы показали, как нам всем надоел однополярный мир, основанный на одном языке, и как начинается повсеместное сопротивление такому миру.

Что сегодня происходит с глобализацией? Все россияне, которые в школе учили марксистско-ленинскую теорию революции, помнят, что считалось причиной революции: низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому. Мне кажется, сегодня в мире происходит именно это. Люди хотят жить как-то совершенно по-другому. Как – еще не совсем понятно. И конечно, ключевой вопрос – это образование.

Наш круглый стол называется «Языковая политика России и положение русского языка в мире», а это, как оказывается, только часть проблем – и общеполитических, и культурных, и проблем глобализации и антиглобализации. Я хотел бы сказать нашим иностранным гостям, что у нас сейчас очень много резких сигналов о том, что вся политика в области образования будет в России изменена. Еще 10 лет назад мы слышали от министра образования, что главная цель образования – это воспитать и сформировать квалифицированного потребителя! Тогда же возникла идея, что университеты, школы должны оказывать образовательные услуги. И даже учитель в школе оказывает образовательные услуги. Сегодня наш новый министр образования говорит (совершенно справедливо) то, о чем народ думал на протяжении всех этих лет: образование – это всестороннее развитие человека, воспитание, формирование его духовности, всей его эмоциональной сферы, его отношения к жизни.

Те, кто был с нами в Якутске, видели, что Северо-Восточный федеральный университет – это большая семья, где очень много занимаются именно вопросами культуры, духовности, возвращают ответственного человека, гражданина своего города, своей республики, своей страны. И при этом все концептуальные, важные разговоры там ведутся на русском языке.

Далее у нас заявлены два русских докладчика. Она уже выступали в предыдущих сессиях в защиту русского языка и описывали его роль. Предполагается, что сейчас они скажут о миноритарных языках, поскольку могут представить взгляд изнутри. В России многоязычие действительно сформировано исторически, а не связано с приходом мигрантов. Впервые услышав мнение, что русский язык в такой же степени является языком-империалистом, как и английский, я долго размышлял об этом. А сегодня я нашел ответ: русский язык доминирует на той территории, где исторически существовало многоязычие, в отличие от английского, испанского, португальского, которые завоевывали чужие территории, искореняли многоязычие, а сейчас пытаются сохра-

нить его остатки. На примере Бразилии это очень четко прослеживается. Приехав в эту страну, я был потрясен, насколько похожи отношения между людьми на то, как это происходит у нас.

Я предоставляю слово Денге Халидову. Уверен, он будет критиковать политику России в области поддержки малых языков, и это правильно. Жизнь порождает новые проблемы, их нужно вовремя замечать и решать.

Д. Ш. Халидов

Спасибо, Евгений Иванович. У нас в университетах тоже говорят исключительно на русском, потому что Дагестан – это маленькая многоязычная страна в большой стране России, где русский язык не только государственный, но еще и язык межнационального общения.

Что касается критики, я начну несколько издалека. В Коране написано: «О люди и племена, я вас создал говорящими на разных языках, чтобы вы друг друга познавали и уважали». В Коране заложена вся проблематика многоязычия и плюрализма культур и языков в мире. Не могу сказать, знали ли европейские идеологи о том, что в священных текстах есть принцип сохранения и развития многоязычия, но важно, что такой принцип закрепляется в целом ряде международных документов, особенно очевидно это в Европе. Поэтому в последнее десятилетие получил распространение региональный национализм, лингвистический национализм. Это Шотландия, Квебек, Каталония, Бельгия. Достаточно вспомнить, что федерализация Бельгии началась в конце 50-х – начале 60-х годов, после того как христианские священники, которые вели проповеди, перешли с латинского языка на французский, немецкий и валлонский – три государственных языка. Сразу пошли процессы регионализации, и центробежные устремления получили дополнительный политический импульс.

Теперь посмотрим на Россию. Первый период – досоветский. Тогда сохранение языкового разнообразия инородцев считалось делом самих инородцев. Принцип «Если хотите развивать

свой язык, занимайтесь этим сами» не добавлял инородцам лояльности по отношению к Российской Империи, и этот фактор учли идеологи и практики большевизма, когда создавали Советский Союз и в целом ряде документов четко зафиксировали принципы сохранения языкового и культурного разнообразия всех народов, вошедших в его состав. В период с 1920-х до 1990-х годов та политика, которая велась в Советском Союзе, позволила его народам, начиная с Дальнего Востока и Средней Азии и заканчивая Западной Украиной, Белоруссией и особенно Северным Кавказом, сохранить и развить свои языки, свою культуру. Мир узнавал выдающихся поэтов, писателей, художников нерусских национальностей через переводческую культуру, через русский язык. Достаточно вспомнить Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова (сейчас, к сожалению, поколение людей 30–40 лет, владеющих двумя языками, получивших образование, практически не знает этих имен).

Что дальше? С 1990-х годов особых изменений в языковой политике федерального уровня мы не видим, однако в 2000-е годы начинается уже новый, третий период. Преподавание национальных языков и литературы переходит на баланс регионального бюджета под влиянием части неолибералов, которые, по-видимому, убедили руководство страны, что это позволит сократить расходы из федерального бюджета. Данный процесс получил название «регионализация национального компонента в образовательной сфере». Для богатых регионов-доноров это не составляет труда, а вот для дотационных регионов это стало серьезной проблемой. В итоге мы через 100 лет вернулись к той политике, которая была характерна для Российской Империи.

Я сразу обратил внимание на одну из таблиц Александра Арефьева: именно с 2010 до 2015 года процент обучающихся на родных языках, в частности на Северном Кавказе, резко пошел на убыль. Это пагубное следствие регионализации национального компонента, о котором говорят лингвистические националисты, как я их называю, на Северном Кавказе – в самом многоязычном регионе (в Татарстане, Башкортостане и Якутии проблема стоит не так остро, потому что это богатые регионы). У нас этот во-

прос поднял наш глава Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов, он лично мне давал поручение промониторить общественное мнение, оценить, насколько решаема эта проблема, что можно и нужно сделать. И в итоге у нас в Дагестане родилась специальная правительственная программа по сохранению и развитию русского языка и языков народов Дагестана. Мы сталкиваемся с той же проблемой, которая наверняка очень значима, например, в Индии: много малочисленных этносов, сохранение языков и культур которых представляет особые сложности, связанные с бюджетными затратами, невозможностью удовлетворить все культурные и языковые запросы. Типичная картина сложилась сегодня в ряде субъектов России, прежде всего на Северном Кавказе: отказ от преподавания на родных языках в первых пяти классах, хотя эта практика была внедрена еще в советский период, я сам через нее прошел. Первые четыре класса учителя обучали детей на родном языке, русский преподавался как предмет; с пятого класса использовали русский в качестве языка образования, а родной национальный язык и литература преподавались вплоть до 8-го класса. Эта гибкая система позволяла сохранять языки. Поэтому я считаю, что надо в образовательном компоненте преподавание национальных языков и литературы перевести на модель совместного финансирования – из регионального и федерального бюджетов. Для сверхдотационных регионов это может быть в процентном соотношении, например, 25:75, а для богатых – обратная пропорция.

Проблему надо решать. Я выразил общее мнение экспертов Северного Кавказа по части родных языков. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо за прекрасное выступление.

Надежда Михайловна Зайкова, представительница богатого (с точки зрения Деньги Халидова) региона, расскажет о том, как же всё-таки обстоят дела в Якутии, где на протяжении шести столетий якутский был языком-монополистом, пока туда не пришли русские.

Н. М. Зайкова

В Якутии, помимо якутского языка, есть еще четыре, на которых говорят коренные жители: эвенкский, эвенкийский, долганский, юкагирский.

В 2007 году Евгений Иванович сказал: «Надо провести конференцию по языковому и культурному разнообразию, и мы хотим провести ее в Якутске». Я очень обрадовалась такой возможности, ведь у нас есть большая проблема – инертность, особенно у представителей малочисленных народов. В качестве примера могу упомянуть собственного зятя. Он юкагир, говорит на 4 языках: якутском, русском, английском и французском, но, к сожалению, не говорит на юкагирском. Страдают ли от этого его родители? Нет. Страдает бабушка, которая хотела бы, чтобы ее внук говорил на языке своих предков. Но ему удобно говорить на этих четырех языках. Для меня как человека, который должен продвигать политику поддержки многоязычия, это дилемма.

Однако вернусь к конференции 2008 года. Когда мы собрали 15 стран, мы прежде всего говорили о том, как сохранить миноритарные языки и обеспечить их присутствие в киберпространстве. В 2011 году на аналогичной конференции мы собрали уже 28 стран, и возник вопрос о среде, об институтах, инструментах, которые должны помочь поддерживать многоязычие. И Адама Самассеку сказал: «Почему мы говорим только о миноритарных языках? Проблемы есть и у более крупных языков». В 2014 году на нашей конференции собралось уже 48 стран, и началось: мало французского языка, мало немецкого, других языков. За эти годы мы сами менялись, формировались, строили отношения, но самое главное, что наши конференции, как сказал Гетачю Энгада, сформировали признанных экспертов мирового уровня по языковому и культурному разнообразию в киберпространстве. И нам это приятно, потому что мировой опыт может перенять большое количество людей – исследователи, журналисты, писатели, лингвисты, литературоведы. И я хочу поблагодарить Евгения Ивановича за то, что он в 2007 году предложил мне это по дружбе. Все три конференции имеют итоговые документы.

Сейчас очень много говорят о Якутской декларации, хотя для меня особенно родная Ленская резолюция. Важно, что есть сообщество, в которое мы вписались, что мы помогаем друг другу, думаем и говорим о проблемах многоязычия.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Надежда Михайловна.

Думаю, что сидящие в этом зале оценили качество всех выступлений и в не меньшей степени оценили усилия Сергея Бакейкина как главного организатора.

На этом мы завершаем работу нашего круглого стола. Всё было очень интересно. Главная задача на ближайшее будущее – очень быстро подготовить сборник материалов и составить итоговый документ на основе чрезвычайно ценных мыслей и предложений, которые здесь прозвучали.

И еще одна приятная новость: правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с нашей помощью согласовало с ЮНЕСКО тему новой конференции, которая состоится 5–8 июня в Ханты-Мансийске. По-английски утвержденное название звучит как «Multilingualism in Cyberspace for Inclusive Sustainable Development», то есть «Многоязычие в киберпространстве для устойчивого инклюзивного развития». У нас достаточно времени, чтобы спланировать серьезные, интересные секции, одна из которых точно будет посвящена языкам в образовании с акцентом на онлайн-образование.

Спасибо всем за участие. До новых встреч.

Круглый стол
«Языковая политика
Российской Федерации
и положение русского языка в мире»

в рамках V Санкт-Петербургского
международного культурного форума
(Санкт-Петербург, 2 декабря 2016 г.)

Участники круглого стола

Абрамова М. Н., директор издательской группы «Эксмо-АСТ» (Москва, Российская Федерация)

Арефьев А. Л., заместитель директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки России (Москва, Российская Федерация)

Дементьева Н. Л., член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

До У, преподаватель русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, председатель Ассоциации китайских аспирантов и молодых ученых в Санкт-Петербурге (Чунцин, Китай)

Друговейко-Должанская С. В., старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, член Совета по русскому языку при Президенте РФ, член Орфографической комиссии РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Казанский Н. Н., директор Института лингвистических исследований РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Комаровский А., председатель правления общественной организации по защите культурного наследия «Динамюнде» (Рига, Латвия)

Кузьмин Е. И., заместитель председателя Межправительственного совета и председатель Рабочей группы по многоязычию в киберпространстве Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества (Москва, Российская Федерация)

Мурована Т. А., программный специалист Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (Москва, Российская Федерация)

Осадчий М. А., проректор Института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Российская Федерация)

Пушкина М. А., президент Международного фонда Пушкина (Брюссель, Бельгия)

Хорохорина О. В., доцент Института русского языка и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чалова З. В., директор Центральной городской публичной библиотеки имени В. В. Маяковского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Сессия I

Е. И. Кузьмин

Добрый день, уважаемые коллеги.

Я рад вас приветствовать на нашем круглом столе. Это довольно необычное и, я бы сказал, пионерское мероприятие. В последние годы не проходило таких открытых, публичных встреч, посвященных языковой политике России и положению русского языка в мире. Данные вопросы обсуждались на закрытых совещаниях, в Администрации Президента, в Министерстве иностранных дел и иных специализированных ведомствах, но приглашать широкую публику, всех интересующихся данной проблемой – это примета нового времени.

Идея проведения подобного круглого стола принадлежит Министерству образования и науки Российской Федерации, которое отвечает за свою часть реализации Федеральной целевой программы «Русский язык».

Наверное, многие из вас слышали о том, что русский язык переживает не лучшие времена – буквально за 25–30 лет он потерял 50 миллионов носителей. Как сказал председатель Фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, ни один язык за всю историю не утрачивал своих позиций столь стремительно. Конечно, Россия с этим смириться не может и должна предпринимать определенные шаги, чтобы сохранить присутствие русского языка за рубежом. Для этого уже немало делается. Есть целый ряд ведомств, которые отвечают за реализацию данного важного для нашей страны направления: и Министерство ино-

странных дел, и Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству, и Фонд «Русский мир», и Министерство образования и науки, которое сейчас предпринимает шаги для того, чтобы расширить аудиторию и увеличить число соратников на этом направлении.

Таким образом на этом поле появились мы – Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и его рабочий орган – Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества. Почему мы? Программа «Информация для всех» (ИФАП), одна из двух главных программ ЮНЕСКО в сфере коммуникации и информации, изначально имела 5 приоритетных направлений: сохранение электронной информации, доступность информации, медийно-информационная грамотность, информация для развития и информационная этика. В 2010 году я был избран председателем Межправительственного совета Программы, и во время моего председательства мы с коллегами из ЮНЕСКО создали еще одно направление – многоязычие в киберпространстве, чтобы это виртуальное пространство отражало богатое разнообразие, которое есть в культуре реального мира.

Думаю, многие из вас знают, что в мире сегодня существует около 7000 языков, 90% из которых, по пессимистическим прогнозам, к концу XXI века исчезнет. Это печальный факт, потому что вместе с языками уйдут целые миры. Конечно же, предпринимаются попытки их сохранить, в том числе за счет репрезентации языков в электронной среде. Это полезно и для сохранения языков, и – иногда – для их оживления, поскольку носители малых языков, которые зачастую рассредоточены по разным территориям, с помощью Интернета могут общаться на своем родном языке. Например, в Российской Федерации есть народ удмурты. Русские удмурты говорят на русском и удмуртском. Много удмуртов в Финляндии – они говорят на финском и удмуртском. Много удмуртов в Австралии и Новой

Зеландии, они говорят на английском и удмуртском. Между собой они могут говорить по-удмуртски в Интернете.

Для того чтобы язык был представлен в киберпространстве, необходимо множество инструментов. Эти инструменты нужно развивать, и они развиваются. Это и обеспечение шрифтов, и раскладки клавиатур, и поисковые системы, и словари, и тезаурусы, и пр. Чтобы сохранить малые языки, нужно сделать очень много. Однако есть и вторая, крайне серьезная проблема, которую подняли мы, представители России в ЮНЕСКО (я сейчас являюсь не только заместителем председателя Межправительственного совета ИФАП, но и председателем Рабочей группы ЮНЕСКО по многоязычию в киберпространстве). Эта проблема заключается в том, что маргинализируются и исчезают не только малые, но и крупные языки, на которых созданы великая мировая литература, культура, наука, образование, такие как немецкий, итальянский, португальский, русский. Наши языки уступают место английскому и, в перспективе, китайскому. Есть мнение, что через 100 лет доминировать будут эти два языка. Это тревожный прогноз не только для нас, но и для немцев, французов, бразильцев и других народов – многие представители интеллигенции данных стран воспринимают происходящее как драму. Так, во Франции немецкий язык активно вытесняется китайским. В Италии приказом Министерства образования преподавание тоже переходит на английский язык. Итальянские профессора говорят, что не могут преподавать на английском, студенты не понимают на английском, но тем не менее процесс уже запущен.

Сегодня образование интернационализируется, коммерциализируется, все страны открывают филиалы своих крупных университетов за рубежом. Голландия создает крупный университет во Вьетнаме с преподаванием на английском. Почему на английском? Потому что только так они могут получать деньги. Язык – это важный источник национального дохода. По данным Латинского союза, международной организации,

которая объединяет все романоязычные страны, одна только Великобритания просто в силу отсутствия необходимости выполнять переводы проектов документов Евросоюза, чтобы знать, о чем в них идет речь, экономит в год от 10 до 17 миллиардов евро. Как говорил Черчилль, для того чтобы обеспечить свое доминирование, не нужно завоевывать территории, нужно сделать так, чтобы все люди думали на твоём языке.

Когда речь идет о том, что хотелось бы сохранить присутствие русского языка в мире, чтобы его положение дальше не ухудшалось, что необходимо реализовывать для этого соответствующую целенаправленную политику, следует отдавать себе отчет в том, из каких компонентов, собственно, должна состоять эта политика. И рассматривать ее нужно не изолированно, а в более широком контексте. Мы живем в многонациональной стране, и наша языковая политика должна, с одной стороны, обеспечивать сохранение, развитие и продвижение русского языка, а с другой – учитывать интересы других коренных малочисленных народов России.

Говоря о любой политике вообще, мы должны иметь инструменты ее анализа. Подобных инструментов не так уж много, особенно когда речь идет о столь специфической политике, как политика в области продвижения русского языка. Это часть политики по повышению престижа и укреплению статуса нашей страны, которая, в свою очередь, является, во-первых, частью общей международной политики России, а во-вторых, частью ее внутренней политики. Политику можно анализировать с точки зрения ее эффективности, то есть оценивать, насколько такая политика необходима (и для кого), насколько она полезна и привлекательна (и для кого). Можно рассматривать политику в контексте международной деятельности в сфере языков – такую политику формирует каждая страна в отдельности, в особенности такие активные страны, как страны англоязычного мира, Франция, Италия. Можно сравнивать нашу политику с политикой, проводимой этими странами, и

таким образом выработать для себя какие-то более эффективные инструменты. Можно адресоваться к политике, которую формируют международные организации на бумаге, в документах, и на практике – это принципиально разные вещи. На бумаге русский язык является одним из шести официальных языков ООН и всех организаций семейства ООН, однако что мы видим на деле? Если оценить долю переводов международных документов на русский язык, переводов важных русских документов на английский и прочие языки, если посмотреть, как организован портал ЮНЕСКО, как проходят заседания (на которых в реальности говорят на английском и – реже – на французском языке, что не позволяет носителям других языков в полной мере участвовать в дискуссии), то огромное преимущество получают носители английского языка.

В мире, как я уже говорил, не только Россия озабочена продвижением своего языка. Этим очень интересуется Бразилия – огромная страна, которая по населению уже практически в два раза превосходит Россию и имеет определенное влияние в мире. Бразильцы говорят: «Мир развивался очень несправедливо. Португальцы были первыми в мореплавании, вся литература по навигации, по кораблестроению до середины XIX века существовала на португальском языке, а дальше португальский оказался вытеснен английским». Немцы крайне тяжело переживают состояние своего языка, потому что сегодня распространено мнение: «Зачем нужен немецкий, если ты знаешь английский?» Недавно один работающий на информационном канале «России сегодня» американский журналист, очень критически оценивающий политику Соединенных Штатов, написал замечательную статью, в которой размышлял, зачем нужно знать русский. Он сказал: «Если вы хотите понять происходящее на территории 1/8 части мира, ознакомиться с огромным разнообразием, особенностями климата, ландшафта, достижениями культуры и науки, вы должны знать русский. Для того чтобы путешествовать по европейским странам, вам абсолютно не нужно знать их языки – достаточно английского, а вот в Рос-

сии необходимо знать русский. И что же вы, русские, сидите и скромно ждете, когда ваш язык вытесняют другие языки, в том числе мой собственный?»

Чего же хочет Министерство образования в описанной мной ситуации? Оно хочет, чтобы мы вывели эту тему на более широкий международный простор, в частности на уровне ЮНЕСКО. И у нас это получается – не только в силу нашей активности и приверженности этой теме, но и потому, что за спиной у нас потрясающая история России, свидетельствующая о том, как на территории Советского Союза сохранились все культуры, автохтонные и миноритарные по отношению к русской культуре. За последние 8 лет в мире состоялось 8 крупных международных форумов по проблемам развития языков в киберпространстве; 6 из них были инициированы Российской Федерацией, в частности Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». И в них в совокупности участвовали представители 120 стран. Три конференции проходили в Якутске, и последняя из них в 2014 году закончилась разработкой и принятием так называемой Якутской декларации о языковом и культурном разнообразии в киберпространстве, которую многие зарубежные специалисты – лингвисты, этнолингвисты, социолингвисты, этнополитологи – называют библией многоязычия. Кроме того, мы проводили крупное мероприятие в штаб-квартире ЮНЕСКО, международная экспертная встреча состоялась в Ханты-Мансийске. Два региона РФ – Республика Якутия и Ханты-Мансийский автономный округ – очень заинтересованно участвуют в нашей деятельности, их правительства от имени России инициировали и финансировали эти мероприятия. И это был абсолютный успех нашей страны в данной области, так что в результате подавляющее большинство зарубежных экспертов, которые живут преимущественно в многоязычных странах, считают нашу языковую политику образцовой.

Нет другой страны, которая смогла бы сохранить столько маленьких языков. Я вновь сошлюсь на данные одного из вете-

ранов ЮНЕСКО, Виктора Монтвилова, который в 90-е годы активно занимался темой языков и является одним из авторов Рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. По данным ЮНЕСКО, на начало 2000 года с территории США ушло порядка 180 языков, а с территории Российской империи – только 3. Это дает нам основание и уверенность для того, чтобы заниматься не только продвижением внутренней российской языковой политики, направленной на сохранение и развитие языков миноритарных этносов (в частности, коренных малочисленных народов, которые исторически сформировались на территории России и не имеют своей государственности за пределами ее границ), но и продвижением самого крупного государственного русского языка, в том числе и по линии ЮНЕСКО.

В начале июня следующего года мы будем снова проводить в Ханты-Мансийске крупную конференцию, название которой по-английски звучит как «Multilingualism in Cyberspace for Inclusive Sustainable Development», то есть «Многоязычие в киберпространстве в целях обеспечения инклюзивного устойчивого развития». Впервые мы анонсировали эту конференцию на аналогичном круглом столе, который прошел две недели назад в ИТАР-ТАСС, и сегодня я приглашаю на это мероприятие всех желающих и заинтересованных.

А сейчас я хотел бы вкратце описать языковую ситуацию в современной России. Население нашей страны насчитывает 142 миллиона человек, из них этнические русские – 8%. В России распространены 180 языков, которые принадлежат к индоевропейской, алтайской, уральской языковым семьям, кавказской и палеоазиатской языковым группам, причем более 100 языков – это языки коренных народов, исторически сформировавшихся в границах нынешней территории страны или проживающих на ней в течение многих столетий и не имеющих больших ареалов расселения и национальной государственности за пределами России.

Практически повсеместно русский язык используется как язык повседневного межнационального общения. Удивительно, что жители и Калининграда, и Владивостока, и Чукотки понимают друг друга без проблем. Для других многоязычных и протяженных стран унифицированный язык – большая редкость.

Русский язык считают родным более 120 миллионов жителей России, в том числе 13 из 25 миллионов нерусских. Многие образованные якуты, чуваша и татары часто говорят на русском языке лучше, чем не очень образованные русские.

Интересно, что есть 4 языка, насчитывающие каждый более 1 миллиона носителей. Это татарский – самый крупный после русского (5,5 миллиона), башкирский (1,2 миллиона), чеченский (1,4 миллиона) и чувашский (примерно 1 миллион). На 9 языках говорят от 400 тысяч до 1 миллиона: аварском, кабардино-черкесском, даргинском, осетинском, удмуртском, кумыкском, якутском, марийском и ингушском. 14 языков имеют от 50 до 400 тысяч носителей: лезгинский, бурятский, карачаево-балкарский, тувинский, коми, калмыцкий, лакский, адыгейский, табасаранский, коми-пермяцкий, ногайский, алтайский, карельский, хакасский.

Более 1/3 языков народов России находятся в опасности или под угрозой исчезновения. Популяции носителей таких языков насчитывают менее 50 тысяч человек. Это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Их языки по количеству носителей можно разбить на следующие группы: 1) от 25 до 50 тысяч, 2) от 10 до 25 тысяч, 3) от 1 до 10 тысяч, 4) менее 1 тысячи человек. В последней группе 13 народов, в частности очень интересный народ керекы: некоторые говорят, что их осталось 8 человек, другие – что 4 человека, третьи – что их уже вообще не осталось. Чтобы установить истину, надо ехать на Чукотку и там проводить полевые исследования. Замечу: русские не имеют непосредственного отношения к тому, что керекы осталось так мало. Керекы сначала

поглощались великим корякским народом, а потом корякский народ поглощался великим чукотским народом. Так развивалась история.

В нашей стране этносы имеют свои национально-территориальные автономии. Это, с одной стороны, является риском для сохранения территориальной целостности страны, но, с другой стороны, обеспечивает этим народам серьезную защиту. Иногда они составляют абсолютное меньшинство на территории своего проживания. Например, в Хакасии хакасов всего 12%, в Кабардино-Балкарии балкарцев 15%, а вот в Чувашии 70% тюркоязычного населения – чувашей и татар, в Татарстане 56% татар и чувашей, в Якутии якутов 47% (по другим источникам – 51%).

Есть 5 народов, которые в силу малочисленности и распределенности не имеют своих автономий: кумыки, туркоманы, ногайцы, шорцы и долганы.

Есть финно-угорские автономии, и большинство финно-угорских народов проживает именно на территории Российской Федерации. За ее пределами – финны, вепсы, саамы, венгры и эстонцы.

Есть 4 региона, где мирно соседствуют тюрки и финно-угры.

Наша конституция очень благородна по отношению ко всем языкам. Все языки у нас признаются общим культурным достоянием и находятся под защитой государства. Государство заботится о развитии национальных языков, двуязычия и многоязычия. Чем уникальна наша страна? Почти на всех языках народов России можно получить образование, по крайней мере начальное, даже там, где всего несколько сотен носителей языка. Есть национальное телевидение и радиовещание, книги, журналы, газеты, развиваются интернет-ресурсы. Практически все языки так или иначе представлены в Интернете – это тоже огромное достижение России, которое выгодно отличает ее от других многоязычных стран, например, от Индии или той

же Бразилии, где усилия по защите малочисленных народов и их языков предпринимаются буквально в последние пару десятилетий, а исторически никто об этих языках и культурах не заботился. И еще одна важная особенность – это то, что защита и поддержка языков осуществляется за счет средств бюджета – федерального, регионального. 4 языка из 100 имеют статус официальных, то есть на них публикуются документы, на них можно обращаться в суд и т.д.

Поскольку мы очень много внимания уделяем развитию миноритарных языков и культур и на деле, а не на словах поощряем многоязычие внутри страны, Россия имеет все основания, чтобы громко поддерживать многоязычие во всем мире, чему англо-саксы, естественно, сопротивляются – им это совершенно не нужно. Мы поддерживаем свои языки, несмотря на высокую затратность этой деятельности. Даже сами коренные малочисленные народы, сталкивающиеся с огромным количеством бытовых проблем, не всегда приветствуют такие емкие капиталовложения в создание учебников, пособий по национальным языкам и пр.

Я уже говорил, что само федеративное конституционное устройство страны способствует поддержанию многоязычия. В унитарном государстве языковое разнообразие, конечно, стирается гораздо быстрее.

Надо сказать, что и по конституции России, и на практике основная работа по поддержанию языков ведется на региональном уровне. Есть республики, в которых коренной этнос составляет меньшинство, однако, несмотря на это, его язык объявлен официальным. Есть республики, где официально объявлены три языка, например, в Кабардино-Балкарии это русский, кабардино-черкесский и карачаево-балкарский; в Республике Мордовии это русский, мокшанский и эрзянский (там есть еще и третья народность, шокша, и между тремя народностями идет борьба за то, кто из них главный). А вот в Дагестане, где, по некоторым данным, более 40 языков, нет

официально признанной титульной нации, и объясняется это не отсутствием уважения к народам, а тем, что если какие-то из языков будут объявлены государственными, это внесет дополнительные проблемы в межнациональные отношения (конечно, общение между всеми этими народами идет в основном на русском). В рамках проводившегося нами исследования мы задавали вопрос о том, как в национальных республиках поддерживают языки коренных народов, которые являются там меньшинством. Выяснилось, что огромная деятельность ведется, например, в Татарстане для сохранения языков башкиров, удмуртов, чувашей: и национальные школы, и детские лагеря, и поддержка культурных коллективов. А в Чувашии много делается для татар и башкир и т.д.

Хочу сказать еще одну очень важную вещь. Из 100 языков народов России половина насчитывает менее 50 тысяч носителей. Федеральное агентство по печати, которое возобновило активную, массированную деятельность по поддержке национальных литератур и осуществляет поддержку переводов с одного языка на другой, в частности, с миноритарных языков на русский и с русского на эти языки, провело исследование того, на скольких национальных языках существует письменная литература. Выяснилось, что таких языков 51. На 51 языке публикуются книги! Причем на 51-м месте оказался язык, который насчитывает менее 2 тысяч носителей, а литература на нем существует и поддерживается, ведь понятно, что такие вещи возможны только при поддержке федерального и регионального бюджета. Это свидетельствует о том, что российская политика поддержания языков очень мягкая, щадящая и благодарная, что не исключает наличия проблем – проблемы есть всегда, потому что всегда существуют активисты, радикалы, которые борются со всем подряд, да и время вносит огромное количество корректив.

Мы проводили круглый стол на фестивале «Вся Россия» в Дагомьсе, где собираются 1200 журналистов со всей страны. И

журналисты жаловались на недостаточную поддержку местной прессы и местного телевидения. Как же так, ведь, казалось бы, средства из бюджета всегда выделяются? Оказывается, пресса не стоит на месте, появляются новые газеты, поддержка идет по инерции каким-то старым газетам, а новые, порой набирающие даже большую популярность, пока еще денег не получают. И в федеральном центре тоже еще не знают, кому оказывать эту поддержку. То же самое с развитием каналов телевидения. Одно дело, когда их было 4, и нужно было выделить время для передач на национальных языках, а другое дело сейчас, при наличии 150–200 каналов и еще дополнительных местных. Нужно ли им оказывать какую-то поддержку и в каких объемах? Это порождает противоречия между руководителями СМИ и самими СМИ на местах и проблемы, которые не всегда быстро успевают решать центральное правительство.

На этом я завершаю рассказ про многоязычие в России. Спасибо за внимание.

Должен сказать, что сегодня у нас прекрасные докладчики и есть время, чтобы обсудить целый ряд проблем.

Я предоставляю слово уважаемой Зое Васильевне Чаловой, директору библиотеки Маяковского, которая так гостеприимно встречает нас сегодня.

З. В. Чалова

Добрый день, уважаемые гости.

Евгений Иванович, мы очень благодарны вам за то, что вы доверили нам провести этот круглый стол в наших стенах. Сегодня программа Культурного форума чрезвычайно насыщена, и площадки очень интересные – это и Президентская библиотека, и Музей этнографии, и Главный штаб. Однако мы не проиграли на этом поле, я рада, что наш зал практически полон, и убеждена, что здесь присутствуют самые лучшие, неравнодушные люди, которые болеют за то, что будет с русским языком

в России и за рубежом. В программе заявлены великолепные докладчики, есть о чем поразмышлять и подискутировать, а мы как хозяева постараемся сделать всё, чтобы вам было хорошо, уютно и комфортно.

Е. И. Кузьмин

Нам очень приятно, что среди участников этого круглого стола президент Международного фонда Александра Сергеевича Пушкина Марина Александровна Пушкина вместе со своими коллегами. Марина Александровна, вам слово.

М. А. Пушкина

Здравствуйте. Я очень рада быть сегодня у вас и сожалею, что мой муж не смог прилететь сюда.

Я надеюсь, что русский язык будет всегда продолжаться. Бережное отношение к нему должно быть первостепенной обязанностью государства и всего российского общества. Без достойного отношения к русскому языку не может быть достойного отношения к России. Каждое поколение решает эту проблему в зависимости от потребностей эпохи. Языковой код и культурный код тесно переплетены друг с другом. Культурный код, по сути, является бессознательным смыслом той или иной вещи или явления, будь то межличностные отношения или даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны. Сегодня вербальная информация передается новыми речевыми средствами – это радио, кино, телевидение и видеотехника, но ведь хорошо известно, что только чтение позволяет человеку самостоятельно и независимо развить те ценности, которые он станет защищать в культуре и в науке. Наша эпоха требует для жизни общества защиты культуры чтения и развития экогуманистических ценностей. Убеждена, что сегодняшний форум найдет те ключи, которые позволят достичь такой цели.

Наш Международный фонд имени Александра Сергеевича Пушкина не только популяризирует творчество одного из самых выдающихся представителей литературного наследия России и поддерживает культурные, в том числе артистические и литературные, начинания, связанные с его творчеством, но и доказывает тем самым западному миру, что Россию умом понять можно и даже очень нужно.

От имени фонда мы хотим обратиться к присутствующим с просьбой расширять отношения с русскоязычной диаспорой в Европе. Очень важно, чтобы русский язык функционировал в Европе, и для этого необходимо развивать сотрудничество. У нас есть русские школы в Бельгии, очень приятно сознавать, что в последнее время между ними существует конкуренция, ведь это всегда стимул к повышению качества. Однако нам немного не хватает сотрудничества с Россией, каких-то обменных программ; мы бы хотели посылать наших детей в Россию – им нужны даже не какие-то особенные стажировки, а просто общение с носителями языка. Международный фонд Пушкина поддержал международный лагерь «Сатурн» в городе Спа (где в следующем году будет праздноваться 200-летие посещения Петром I Бельгии и, в частности, города Спа), в котором дети на русском языке общаются и участвуют в различных мероприятиях. Очень важно, чтобы к нам приезжали из России дети – носители русского языка, поскольку для детей, родившихся в Европе, первым языком всё равно является язык страны проживания и нужно уделять много внимания русскому языку – этническому языку их родителей. Поэтому мы бы хотели попросить собравшихся обратить внимание на это и на наших русскоязычных детей, которые проживают не только в Бельгии, но и в других странах Европы. Нам нужны контакты, нам нужно это сотрудничество, особенно с детьми, ведь дети – это будущее. У наших детей большой интерес к русскому языку, к русской культуре, и нам хотелось бы интенсифицировать взаимодействие с Россией.

Международный фонд Пушкина в этом году провел несколько мероприятий по поддержке именно русскоязычных детей. На наш взгляд, сотрудничество России и русскоязычного сообщества Европы – это очень важный момент.

Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо большое, нам очень приятно, что вы с нами. Для нас ваше присутствие здесь очень важно, и мы вас тоже приглашаем к сотрудничеству.

Для того чтобы иметь серьезное моральное право продвигать свой язык за рубежом, мы, конечно, должны уделять огромное внимание его поддержке, защите, сохранению внутри страны. Требуется масштабные усилия по всем направлениям – на уроках русского языка, на телевидении – в борьбе за чистоту речи наших дикторов и телеведущих и т.д. Одной из мощнейших форм поддержания языка является чтение как инструмент освоения языка и его богатств. Человек нечитающий владеет обедненным словарным запасом, не умеет выражать свои мысли и понимать других. Здесь, на Культурном форуме много мероприятий посвящено поддержке чтения. Сейчас в стране формируется Национальная программа поддержки детского и юношеского чтения, она будет обсуждаться на завтрашнем мероприятии в Российской национальной библиотеке. Эта программа укоренена в Национальной программе поддержки и развития чтения, которая реализовывалась на территории страны на протяжении последних 10 лет.

Одним словом, делается довольно много. Немало институтов глубоко, на самом современном уровне занимаются данной проблематикой, и я счастлив, что сегодня с нами директор Института лингвистических исследований Российской академии наук, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку. Николай Николаевич, вам слово.

Н. Н. Казанский

Спасибо, Евгений Иванович. Если можно, я внесу небольшое дополнение в то, что вы говорили. Для понимания положения керекского языка совершенно не нужно ехать на Камчатку. Достаточно доехать до Васильевского острова, где находится Институт лингвистических исследований, и получить точную информацию и о кереках, и об алюторцах, и посмотреть сопоставительный словарь алюторского, керекского и прочих языков, который был подготовлен у нас.

Е. И. Кузьмин

А кереки еще есть?

Н. Н. Казанский

Вы знаете, их мало, но керекский язык пока не мертвый, хотя, прямо говоря, на моей памяти несколько языков стали мертвыми. Например, язык сереникских эскимосов уже стал мертвым, хотя я еще помню тех, кто ездил в экспедиции записывать его (в частности, это избранный два месяца назад членом-корреспондентом РАН Николай Борисович Вахтин, который начинал именно как исследователь эскимосского языка).

Языки и поддержание культурного многообразия – это одна из серьезнейших проблем, поскольку среди богатств России культурное многообразие мы должны ставить едва ли не на первое место. Каждый язык, присутствующий в России, – это наше национальное достояние, и естественно, что о нем нужно заботиться.

Однако тема нашего собрания – продвижение русского языка за пределы Российской Федерации, и я хотел бы сосредоточиться именно на этом. Мне кажется, что то, что говорила Марина Александровна, можно развивать. Если посмотреть на крупные университеты других стран, то, например, летние

курсы французского языка при Сорбонне известны во всем мире. Иностранцы спрашивают нас: «Как случилось такое, что в Петербургском университете нет летних курсов для детей?» Этот вопрос я задавал ректору Герценовского университета и слышал в ответ, что курсы трудно организовать. На самом деле, конечно, это обязательно надо сделать, без этого настоящего продвижения не добиться. Здесь будет и общение детей между собой (и это разумнее, чем вывезти 10 школьников из России, чтобы они побеседовали с 1000 школьников из Бельгии).

Мне хотелось бы озвучить то, что очень редко произносится, но является безусловной правдой: мы обязаны рассматривать русский язык как европейский. И с этой точки зрения его и надо продвигать. А для того чтобы происходило продвижение русского языка, кадры следует готовить так, как готовят их для европейских языков. Поэтому для русистов, во-первых, невозможно сокращение набора на бакалавриат. На прошлой неделе я был в Азербайджане: в Баку на азербайджанское отделение набирается 100 человек, в Университет Сумгаита в 30 км от Баку на азербайджанское отделение набирается еще 100 человек. А у нас Петербургский университет имеет всего 35 мест.

Второе: подготовка должна включать непременно знакомство с традициями, которые являются общими для нас и Европы, то есть для русиста древнегреческий должен быть обязательным, латынь должна преподаваться не один-два семестра, а в таком объеме, который позволит читать русскую литературу на латинском языке – а такая была. Владыка Моисей, Михаил Гумилевский – это огромное наследие латинской поэзии, которое у нас не востребовано, а вот в Польше, например, издается словарь польско-латинского языка.

Эти аспекты чрезвычайно важны, и нужно многое менять в самой организации образования. Необходим комплекс мер, и вы, Евгений Иванович, подробно рассказали о значительной части этих мер, мне остается только немного дополнить.

Один из вопросов: а зачем учить русский язык? Что на нем будут читать? Микробиологию? Так микробиологи пишут только по-английски. Ни один микробиолог не будет учить русский язык для того, чтобы ознакомиться с тем, что делается в этой науке. А вот гуманитарная сфера – это совсем другое, и здесь есть замечательные возможности. Это общие культурные корни, которые у нас есть, в том числе и с Грецией. На всякий случай скажу, что в Афинах находится 38 национальных институтов по изучению античного наследия. Среди них есть грузинский институт, украинский и многие другие. Нет только русского. Попытки изменить что-то в этом направлении (я даже обращался в 2013 году к президенту страны) успеха не имели. Проблема в том, что русские книги специалистам недоступны. В Афинах нет института, нет при нем библиотеки, и то, что мы сейчас выпускаем, не имеет настоящего распространения. Такую ситуацию мы видим не только в связи с античными языками, но и в других областях, преимущественно гуманитарных. В этом направлении должны предприниматься специальные усилия, и далеко не только на школьном уровне. Один из моих коллег, профессор Эмиль Ляфе, лет семь назад очень хотел своего внука отправить в школу, где его обучали бы русскому языку, но в Тиране не оказалось такого места.

Эта проблема существует также и для высшей школы. Я могу привести примеры и по другим странам, но в течение последних 20 лет активно обсуждается вопрос об открытии кафедры русского языка в Греции. Ее собираются открыть в том университете, который когда-нибудь начнет свою работу на Спорадах, куда не залетает ни одна птица. Естественно, это будет чистая формальность. При том, что я в 2000 году обсуждал это с тогдашним ректором Афинского университета Георгиосом Бабиньотисом, автором замечательного словаря греческого языка, а потом эту же проблему мы с Людмилой Алексеевной и Фатимой Исамовной обсуждали с премьер-министром, воз и ныне там. Между тем в крупнейших университетах должны быть кафедры русского языка, в противном случае Россия теря-

ет свои позиции. В частности, для Италии на четырех кафедрах славистики основным языком был русский до тех пор, пока его не вытеснил украинский. Соответственно, страны, в которых имеется внятная языковая политика, выгодно отличаются от стран, где такой политики нет. Здесь необходимы совместные усилия, и Министерство образования должно работать сообща с Министерством иностранных дел, иначе результатов добиться не удастся.

То же касается и выпуска учебников. Только что прошла сессия «Русского мира». Среди прочих книг был представлен учебник профессора Бердичевского, где наречие называется прилагательным! И это издается на деньги «Русского мира», вместо того чтобы издать то, что действительно необходимо для продвижения русского языка.

У нас очень многое делается в плане развития издания словарей, причем по всей стране. В первую очередь я бы назвал Большой академический словарь русского языка (сейчас выходит его 24-й том). Издаются словари XVIII века и древнерусские, а также более практические словари в Петербургском университете. Однако распространение этих словарей оставляет желать лучшего. Когда на 140-миллионную страну тираж словаря после 9 месяцев усилий оказался на уровне 5 тысяч экземпляров (а сначала хотели выпустить вообще 300 экземпляров), то это выглядит как насмешка. И здесь должна быть специальная программа, в том числе предусматривающая комплектование словарями библиотек.

В данный момент в России очень резко сократилась подписка на иностранные журналы. С тех пор, как Федеральное агентство научных организаций России взяло дело в свои руки, первое заседание, посвященное комплектованию библиотек, за период с 2013 года прошло два месяца тому назад. Решение было принято следующее: подписываем на журнальные базы данных. Разница заключается в том, что подписавшийся на журналы получает электронную версию за полгода *до* выхода в

свет печатной версии, а подписавшийся на базу данных получает доступ к той же статье через три года *после* выхода печатной версии. В данный момент специальными усилиями и специальными регламентациями нас держат в отставании минимум на три с половиной года. Причем на самом деле в базы данных входят журналы, которые в России мало кому нужны (например, тематика феминистского афроамериканского движения не так уж востребована у нас, между тем она составляет едва ли не половину баз данных вместе с весьма посредственными американскими журналами). Получается, что мы вынуждены пользоваться еще и бесплатными базами данных, где отставание составляет минимум 5 лет, а обычно – 8. Я не могу назвать это иначе, чем намеренным удержанием интеллектуальных сил России на голодном пайке.

Возвращаясь к изданию словарей, должен сказать, что в этой сфере у нас всё относительно благополучно, а вот с комментированными изданиями (точнее, с изданием комментариев к произведениям русской литературы) дело обстоит далеко не так хорошо. При том что у нас есть совершенно замечательный проект, посвященный «Войне и миру», где можно и посмотреть текст, и послушать, и отследить пути героев на географической карте, это сделано без филологии вообще. А ведь здесь было бы очень уместно показать, насколько гений Толстого и тот способ выражения мысли, который он использует, отличается от того, что мы находим в его источниках. Эти источники известны, но они не включены в базу данных – для этого нужна работа филолога. Сейчас начинается следующий проект такого же масштаба, связанный с Булгаковым. Однако, если мы посмотрим, какие у нас имеются комментарии к отдельным произведениям, то за исключением малопопулярных вариантов, таких как комментарии Евгения Борисовича Пастернака к тексту «Доктора Живаго», назвать стоит в первую очередь Пушкина, где имеется комментарий Бродского (во многом устаревший), замечательный комментарий Набокова и комментарий Юрия Михайловича Лотмана, которым все пользуются. Было бы пра-

вильно иметь комментарии не только к «Евгению Онегину», в противном случае мы ограничиваем сферу нашего влияния, в том числе и из-за не до конца понятного языка. Учитывая, что у нас есть неплохие комментарии при самих текстах, комментирование и основа того, что потом могло бы использоваться и в школе, и в мультимедийном пространстве, должны быть академическими. Такие комментарии должны готовиться в Пушкинском доме, в Институте мировой литературы в Москве. Слава богу, у нас есть замечательные специалисты! И филологические труды должны не только создаваться, но и пропагандироваться.

Одно из самых замечательных достижений прошлого года – открытие на территории России древнейших стоянок, возраст которых составляет 1 миллион 800 лет, то есть всего на 200 тысяч лет моложе, чем находки Лики. Разве об этом рассказывается по телевидению в широком масштабе? Большое спасибо каналу «Культура» за то, что они об этом упомянули, но я думаю, что такое сообщение должно было пройти по «Первому каналу» вместе с интервью с Хизри Амирхановичем Амирхановым, который сделал это открытие.

Наверное, я завершу свое выступление напоминанием о том, что филологические труды целого ряда русских исследователей не только были переведены на европейские языки, но и вызвали пристальное внимание к русской филологической мысли. Особенно показательно в этом отношении то, что касается трудов Михаила Бахтина. Это целое направление, и многие коллеги говорят: «Как вам повезло, что вы можете читать Бахтина в оригинале!»

Если предполагать, что Российская Федерация должна иметь внятную политику в области продвижения русского языка в современном мире, то, как мне представляется, именно в указанных направлениях развития русской филологии должны предприниматься специальные усилия. Я имею в виду и преподавание, и подготовку комментированных изданий, и

продвижение гуманитарной мысли за границу. При этом, разумеется, должна продолжаться поддержка таких относительно благополучных и успешных программ, как преподавание русского языка как иностранного и подготовка кадров для этого направления.

Благодарю за внимание.

Е. И. Кузьмин

Большое спасибо, Николай Николаевич. Мы чувствуем свою привилегированность от того, что вы сегодня вместе с нами. Вы высказали огромное количество важных мыслей и предложений, и мы надеемся, что сумеем это донести до высоких инстанций. Министерство иностранных дел в лице недавно назначенного посла по особым поручениям Элеоноры Митрофановой занимается проблемами русского языка (такая должность появилась впервые), и госпожа Митрофанова просила нас по результатам наших круглых столов подготовить набор рекомендаций для Министерства иностранных дел и Министерства образования и науки. Формулировки мы с вами потом уточним и обязательно подадим эти рекомендации в соответствующие ведомства, хотя предсказать, каким будет результат, мы, конечно, не можем.

Сейчас я передаю слово уважаемой Наталье Леонидовне Дементьевой, которую безмерно ценю с давних пор.

Н. Л. Дементьева

И госпожа Митрофанова, и все сменяющие друг друга руководители Россотрудничества, и все МИДовцы, откликающиеся на гуманитарные проблемы, знают, что нужно делать, только, к сожалению, ничего не делают.

Зерна хорошего опыта, зерна того, о чем говорила Мария Александровна, никогда не пробыются, не прорастут, если им

не создавать условия. И вы совершенно правы, Николай Николаевич: мы сами даже с каналом «Культура» не работаем!

Возвращаюсь к тому, что нужно делать. Нужно поддерживать педагогов – за счет средств фонда Алишера Усманова «Искусство, наука, спорт», на деньги Фонда Потанина, не знаю, на чьи еще (бюджет нынче не так богат). Педагоги хотят пойти на подвиг, они готовы поехать в ту же Аргентину и там дать мощной российской диаспоре правильный русский язык. Женщины, когда-то закончившие филологические и библиотечные факультеты, закинутые туда случайно, пытаются помочь и диаспоре, и всем, кто хочет учить русский язык. Так же и в продвинутом Вьетнаме, и в Европе. Если бы вы видели, как собирается диаспора 6 июня у памятника Пушкину в Бельгии (это, к сожалению, уже арабский квартал, и арабы со своих балконов смотрят на происходящее)! До 100 представителей диаспоры и Пушкинского фонда встречаются в Брюсселе, с цветами, с чаепитиями. Звучит музыка Свиридова, поются романсы.

Мы здесь собрались, чтобы обсудить необходимые меры. Одна из проблем в том, что модно всё, кроме чтения. Чтение никогда не показывается, нигде мы не видим библиотек. Ни в одном из интерьеров многочисленных сериалов действие не происходит в библиотеке. Это может казаться мелочью, но такие мелочи работают. Поэтому первым жестом в сторону литературы стало то, что Владимир Викторович Григорьев, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, организовал конкурс «Живая классика», который вы все прекрасно знаете. В прошлом году этот конкурс для детей до 13 лет состоялся уже на Красной площади. Я на протяжении нескольких лет была в жюри и видела гордость педагогов, дети которых читают Платонова, Хармса, Шолохова. Ощущение счастья у педагогов, родителей, слушателей – это те же самые зерна, то же самое распространение.

И думаю, в резолюции по итогам сегодняшнего мероприятия нужно поблагодарить министра образования за то, что

вернули сочинение – это замечательно. Но ей также нужно написать о том, что должно делаться дальше. Сегодня говорилось о малых народах, и, на мой взгляд, надо провести исследование того, сколько представителей этих малых народов поступает в вузы (они ведь очень хорошо готовятся на русском языке), потому что стремление шорца, марийца (а я представляю марийский народ), лугового в хороший вуз, в Высшую школу экономики, в Московский или Петербургский университет, в Казанский университет – это стремление доказать право своей нации на такое.

А вещи, связанные с книгами... На Невском в прошлом году работала наша Книжная лавка писателей. Это магазин, в которыйходишь для общения с книгой. А всё остальное – это сувенирные лавки. Я понимаю, что Невский – мекка для туристов, но не до такой же степени! (Простите, если я слишком критична, но я люблю свой город и Невский проспект.)

Сейчас из Азербайджана в Москву приехали представители Фонда госпожи Алиевой, изучили, как работают лучшие книжные магазины Москвы, и на центральной улице Баку будут делать двухэтажный магазин, где внизу будет литература, а наверху – клуб для чтения, для разговоров, для выступлений и обмена мнениями. Значит, они продвигают свой язык и своё мировоззрение. И мы хотим того же, но мы не объединены, нет энергии и нет понимания того, что это важнейший инструмент с точки зрения идентичности и коммуникации.

Политический аспект тоже очень важен. Мы потеряли наше поколение: мы, дети Победы, считали, что все говорят на нашем языке, куда бы мы ни приехали. В наших университетах были немецкие, венгерские, вьетнамские и прочие студенты. Я дважды была на конгрессах финно-угорской литературы – в Венгрии и в Финляндии. И видела, как госпожа Тарья Халонен пришла на выставку книг, прошла к русскому стенду, спокойно набрала русских книг и с ними ушла. Это важный и очень приятный жест со стороны бывшего президента Финляндии.

В завершение я хотела бы сказать два слова о марийском народе. Про эрзя и мокшу Евгений Иванович уже рассказал, а у нас – горные и луговые марийцы. Горные – это высокий берег Волги, город Козмодемьянск, а луговые – это ближе к болотам, к Вятке. Так сложилось, что горные – сплошь музыканты, включая ушедшего от нас в прошлом году Андрея Эшпая. А вся литература и поэзия – это луговые марийцы. Удивительно, но это факт. Николай Заболоцкий, который со своей поэзией сейчас возвращается, тоже жил и учился у нас. Вот что такое маленькие народности.

А насчет поддержки вы правы, Евгений Иванович, поддержка хорошая.

Джульетто Кьеза, всем вам известный итальянский политолог и журналист, сказал: «Да если бы мы не задавили итальянские наречия – тосканский, сицилийский и другие диалекты, у нас была бы потрясающая итальянская культура, а не вот эта американская...» Есть итальянский язык, но наречий нет. А у нас много языков, много наречий. Только им всем надо помогать.

Спасибо вам большое.

Е. И. Кузьмин

Наталья Леонидовна, спасибо, вы прекрасная рассказчица.

Н. Н. Казанский

Можно крохотный комментарий? Всё-таки диалектная вспышка в Италии, которой занималась ушедшая Лариса Георгиевна Степанова, была и оказала очень сильное влияние на развитие литературного языка в самый последний век. И с этой точки зрения русские диалекты тоже можно было бы вспомнить. В частности, я не уверен, что все здесь присутствующие держали в руках Словарь русских народных говоров.

Е. И. Кузьмин

Поскольку мы занимаемся вопросами многоязычия в мире, у нас в ЮНЕСКО есть итальянские коллеги, которые очень активно занимаются восстановлением диалектов. И не только Джульетто Къезе, но и многим другим страшно не нравится за-силлие всего американского.

С огромным удовольствием предоставляю слово Александру Леонардовичу Арефьеву, заместителю директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки России. Это держатель основной информации о том, как обстоят дела с русским языком во всем мире, в частности, в образовательных системах разных стран.

А. Л. Арефьев

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов круглого стола и лично Евгения Ивановича за приглашение на это мероприятие и возможность выступить перед вами. Кроме того, я хотел бы уважаемой Зое Васильевне преподнести книги, изданные нами в этом году. Здесь тоже есть данные о русском языке в мире и пр. Вообще мы за 20 с лишним лет работы издали по результатам исследований порядка 150 книг, среди которых есть одна книга об условиях труда учителей, представляющая хронометрический социологический анализ работы, в том числе школьных учителей-русистов. Это очень нелегкий труд, и я хочу обратить внимание, что на учителях всё и держится. Ко второму десятилетию коренных малочисленных народов мы выпустили книгу «Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования». Это результаты исследований, которые показывают, что ситуация с малыми языками коренных народов России просто катастрофическая.

Однако сегодня я расскажу о результатах наших исследований, касающихся положения русского языка в мире.

В качестве предисловия должен заметить, что я в большей степени занимался не непосредственно русским языком, а иностранными учащимися и другими вопросами образования, но в 2004 году Министерство иностранных дел решило издать очередной доклад «Русский язык в мире», и мне поручили заниматься подготовкой материалов к нему. Я работал и в архивах, и в Росстате, и вот что получилось.

Исходная база была такова: во всех предшествующих докладах утверждалось, что в мире владеют русским языком и говорят на нем полмиллиарда человек. Я считал вместе с помощниками, но у нас таких цифр никак не получалось – мы после всех уточнений и корректировок насчитали 312 миллионов.

В 1914 году Россия имела наибольшую численность населения среди всех так называемых цивилизованных стран, и русским языком владело 140 миллионов человек – это число было равным или даже превышало число владеющих английским. То есть сто лет назад эти два языка стояли вровень. И речь не только о численности населения, но и о развитии экономики, науки, культуры. А что получилось затем? В 2014 году мы насчитали 278 миллионов человек. Меня спрашивали, куда делись еще 200 с лишним миллионов, так что приходилось доказывать корректность наших выводов. И с тех пор, на мой взгляд, этот алармистский подход в определенной мере оказался оправданным, потому что пришло осознание довольно сложной ситуации, в которой оказался русский язык. Ни к чему себя успокаивать тем, что на самом деле дела не так плохи и русский язык занимает третье место в мире.

Сравним показатели численности русских по национальности и по русскому языку как родному, владевших русским языком в 1990 и 2010 годах (мы опираемся на данные переписей населения и национальных статистических служб). За двадцать лет число владевших русским как родным сократилось почти на 18 миллионов человек. Носители русского языка в основном концентрируются все-таки в России, потому что

большая часть эмигрировавших с территорий бывшего СССР – это не русские, в дальнем зарубежье русских не так много.

Какова тенденция изменения числа владеющих русским языком в мире в 1990–2025 годах? По нашей оценке, наибольшие потери отмечаются в странах СНГ и Балтии, в Восточной Европе и на Балканах – это был основной оплот распространения русского языка. В странах Западной Европы и Северной Америки он держится за счет процессов эмиграции, но в Азии число владеющих русским весьма ощутимо снижается. В остальных регионах мира цифры уже не столь значимы по сравнению с бывшими союзными республиками. По нашим прогнозам, снижение будет продолжаться везде, но на самом деле судьба русского языка в мире зависит от его положения именно в границах бывшего СССР.

Представители одной американской организации, которая выпускает энциклопедию владеющих русским языком, насчитали в 2009 году 144 миллиона его носителей. Я насчитал на 2,5 миллиона больше, но в любом случае по показателю владения языком как родным русский занимает в мире 8-е место. В последнее время его уже обогнали португальский и бенгали (один из языков Индии). Вообще, португальский язык на самом деле не бедствует, и рождаемость у португальцев высокая.

Теперь о системе образования, которая является единственным надежным инструментом воспроизводства и поддержания знания русского языка как у нас в стране, так и за ее пределами. В царской России в том же 1914 году на русском языке обучались более 9 миллионов детей (это в основном начальное образование), а на нерусских языках примерно 500 тысяч. Что же произошло с общемировыми показателями количества обучающихся на русском языке и изучающих русский язык после 1990 года? Оно сократилось почти на 40 миллионов! Это прежде всего Украина и Казахстан, а в странах дальнего зарубежья – Восточная Европа и в первую очередь Польша, где в период СССР русский язык изучали 7 миллионов человек, а в 2014–2015 годах 203 тысячи в школах и 23 тысячи в вузах.

Динамика русскоязычного школьного образования в странах СНГ и Балтии в период с 1990 по 2015 год показывает сокращение числа начальных и средних учебных заведений с обучением на русском языке более чем на 60%, билингвальных учебных заведений с классами обучения на русском языке – свыше 40% (их количество в определенный момент даже увеличивалось, но это объясняется переходом от русскоязычных школ к билингвальным в национальных республиках с последующим отказом от преподавания на русском в пользу титульных языков).

Изменения в системе среднего специального и высшего образования не столь драматичны, потому что полностью отказаться от русского языка в этой области так быстро невозможно. Даже в Казахстане президентом республики принято решение с 2020 года перейти на трехязычие, более того, предполагалось ввести с 2018 года преподавание в старших классах на английском языке, но сами учителя говорят, что это невозможно (однако не отметить общую тенденцию мы не можем).

Совокупное число изучавших русский язык как учебный предмет или иностранный во всех типах образовательных учреждений стран СНГ и Балтии за период с 2004 года также сократилось практически на 1/3. Русский язык уже не во всех республиках является обязательным предметом, но тем не менее значительный спад продолжался до 2010 года, а в последнее пятилетие благодаря прилагаемым значительным усилиям эта тенденция замедлилась.

Остановлюсь на изменении количества школ вне стран СНГ и Балтии за последние 10 лет. В совокупности оно сократилось почти на 8 тысяч, причем пик также пришелся на период до 2010 года. Всё-таки в последние 5 лет благодаря прилагаемым усилиям неблагоприятные тенденции замедляются. Самые большие потери – это опять-таки восточноевропейские и балканские страны.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в отношении изменения численности изучавших русский язык вне стран СНГ и Балтии, причем необходимо отметить, что в эпоху СССР русский язык в тех же странах Восточной Европы учили как первый иностранный (и учили неплохо), а сейчас он изучается как второй иностранный или третий. Кроме того, число изучающих его снизилось в странах Азии: еще 2 года назад Северная Корея лидировала, потом корейцы резко начали учить китайский, а показатели русского языка сократились раз в десять. В странах Западной Европы в последние 5 лет сокращения практически нет (здесь речь идет только о государственных школах, я не касаюсь неакадемического сектора – воскресных, субботних, частных школ, где ситуация совсем другая). В Африке русский язык, как ни странно, держится, в основном только за счет франкофонных стран. В англоязычных и португалоязычных странах такого не наблюдается. Ну, и Северная Америка: в школах число изучающих русский увеличилось, а вот в вузах, к сожалению, в такой же мере сократилось.

В целом, лидеры по изучению русского языка как иностранного сейчас Польша, Монголия, Болгария. Китай и КНДР завершают первую десятку (39 и 25 тысяч соответственно), а ведь когда-то в их школах русский язык изучали более 100 тысяч детей. Однако тут ничего нельзя поделать: и правительства агитируют, и Министерство образования Китая, но родители хотят, чтобы дети учили английский, и, например, дети всех сотрудников посольства Китая в Москве ходят в англоязычную школу.

Самые существенные изменения количества учебных заведений с преподаванием русского языка в так называемом дальнем зарубежье произошли в азиатских, балканских и восточно-европейских странах, прежде всего в Польше. Я ездил на съезд польских русистов и узнал, что на кафедрах русской филологии бюджетные места сокращаются.

Если говорить о вузах, в отношении численности студентов, изучающих русский язык, потери не такие большие, прежде все-

го это страны Азии – та же Северная Корея, Китай и ряд других, опять-таки в период с 2005 по 2010 год. На самом деле с Китаем ситуация такая: русский как специальность сейчас изучают порядка 23 тысяч человек (тут наблюдается прирост за последние 5 лет, потому что не хватает переводчиков с учетом расширения масштабов российско-китайских экономических отношений), а вот число изучающих русский как иностранный сократилось, но еще порядка 30 тысяч учат факультативно. Однако в любом случае английский там давит очень сильно – учебники английского языка в Китае издаются 100-миллионными тиражами, ведется широкомасштабное телевидение на английском языке. 10 лет назад на конференции в Пекинском университете я мог делать доклад на русском языке, а сейчас мне сказали: «Только на английском, китайском, ну или французском».

Перейдем к Интернету. Хотя периодически звучат заявления о том, что русский по распространенности во Всемирной сети на 2-м месте, это не так. Всё зависит от выборки. Реально он находится на 7-м месте, но постоянно прогрессирует. Думаю, это положительная тенденция.

В 2013 году мы считали долю русскоязычных интернет-пользователей. В основном это Россия (70,1%), Украина (10,1%), Казахстан и Белоруссия (10%). Другие страны СНГ и Балтии – порядка 5%, страны дальнего зарубежья – менее 5%. Удалось провести исследование среди всех национальных ассоциаций преподавателей русского языка и литературы. У них на самом деле очень много проблем, им обязательно надо помогать – и материально, и организационно, и отправлять на переподготовку хотя бы раз в 5 лет, но это уже тема отдельного разговора. Как можно охарактеризовать их распределение? Основная доля приходится на Россию, бывшие национальные республики, Северную Америку и Западную Европу (там хорошие показатели, очень много учителей в школах, так как по стандартам нельзя, чтобы были большие классы с изучением тех или иных языков).

Теперь коротко о языковой политике. Распределение школ России по языкам обучения: обучение на русском языке – 91,6%, на нерусских языках – 3,8%. Обучение идет на 26 языках, помимо русского, в том числе в билингвальных школах (на них приходится 4,5% школ). Что касается распределения учащихся школ по языкам, мы видим, что нерусские языки (0,9%) – это в основном языки сельских жителей, поэтому обучение на них ведется в первую очередь в сельских школах. На школы с русским языком обучения приходится 95,6%, на билингвальные – 3,5%. За последний год примерно на 0,5% увеличилось число школ с обучением на русском языке и детей, обучающихся на русском, а сократилось примерно в такой же пропорции число детей, обучающихся на различных национальных языках.

Если говорить о числе школьников, обучающихся на каких-то конкретных национальных языках, важно, какая доля детей соответствующей национальности может обучаться на своем родном языке. Самая благоприятная ситуация в Якутии, а вот с чувашским, лезгинским, напротив, дело обстоит не очень хорошо. Конституция гарантирует право детей обучаться на родном языке и изучать его, однако в Законе об образовании оговаривается, что это право может реализовываться в пределах возможностей, предоставляемых местными образовательными учреждениями. В целом ряде республик практически все дети изучают родной язык. Здесь еще есть один момент. Я попробовал собрать данные по детям титульной нации, живущим в регионах России и изучающим язык титульной нации. К сожалению, национальные министерства образования затруднились ответить на этот вопрос. Однако очевидно, что, например, в той же Якутии, более либеральной и демократичной, некут может изучать якутский при желании один раз в неделю. А вот в ряде других республик, включая Татарстан, дети обязаны изучать титульный язык и в 9-м классе сдают на нем экзамен.

Посмотрим, какие языки учат в наших школах. Динамика такова, что английский стабильно вытесняет немецкий и французский языки (опережая их примерно в 3,5 раза). Среди других языков прирост демонстрируют испанский и китайский. Сопоставив данные о том, в каких зарубежных вузах учатся сейчас российские студенты, я пришел к выводу, что на первом месте Китай и Германия, также популярна Великобритания. Очень важный момент: еще в 1996 году был указ Президента о том, что русский язык должен стать основным при создании единого образовательного пространства, однако это не удалось воплотить в жизнь. Доказательство тому – сведения о том, где за рубежом учатся представители разных бывших национальных республик СССР. Среди представителей Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Армении и Узбекистана в России обучаются более половины студентов, получающих образование за рубежом. Остальные страны предпочитают учебу за пределами Российской Федерации. Проблема Западной Европы в том, что сейчас очень сильным конкурентом стал Китай, особенно для среднеазиатских республик, к тому же переориентировались страны Балтии, Грузия, Украина (восток Украины, естественно, учится весь у нас).

Такова общая картина. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо большое, Александр Леонардович, за невероятно информативный доклад. Сейчас я передаю слово Светлане Викторовне.

С. В. Друговейко-Должанская

Дорогие коллеги, я буду краткой, поскольку мы с Николаем Николаевичем действительно должны спешить на заседание Совета при Президенте по русскому языку.

Я представляю в данный момент сайт «Культура письменной речи», который больше известен под своим сетевым адресом «Граммa.ru». Это один из самых популярных сайтов Рунета, посвященных филологическим проблемам, в рейтинге «Яндекса» и «Google» он занимает 5-е место, хотя еще буквально несколько лет назад мы были на третьем месте (о том, почему мы в результате так сдали свои позиции, я тоже скажу). Есть еще один сайт, наверное, довольно хорошо вам известный – «Gramota.ru». Так случилось, что «Gramota.ru» была создана 16 лет назад в феврале, в «Граммa.ru» – 16 лет назад в мае. То есть, организовавая эти сайты, мы ничего не знали друг о друге, и даже наши сетевые адреса оказались настолько похожими, что пользователи иногда спрашивают: «А “Граммa.ru” и “Gramota.ru” – это одни и те же люди?» Некоторые задают вопросы справочным службам обоих сайтов и, получая ответы в одной и той же стилистике, приходят к выводу, что и там, и там работают одни и те же филологи, что не соответствует действительности.

Конечно, разумно было бы наш сайт подробно показать, но, к сожалению, для этого нет сейчас ни времени, ни возможности, поэтому я только немного расскажу, чем он отличается от других сайтов и какие проблемы можно представить на нем в связи с темой нашего сегодняшнего заседания

Мы существуем 16 лет, среднее число уникальных пользователей, которые заходят на наш сайт за день, – 30 тысяч человек. 65% пользователей нашего сайта – жители России, соответственно, 35% – жители ближнего и дальнего зарубежья. Это не только Украина, Германия или США, где русских много, но и Перу, Йемен, крошечные Люксембург или Лихтенштейн – пользователи оттуда у нас тоже есть. В меню сайта довольно много разделов: и «Русский язык», и «Литература», и «Словари», и раздел, посвященный обучению русскому языку в школе, для учителей и школьников, чего нет на «Gramota.ru». Поэтому наши пользователи за 15 лет разделились – у нас больше школь-

ников и учителей, и вопросы справочной службе задают больше профессиональные редакторы и профессиональные филологи (почему так сложилось – это отдельная история). Наш сайт за время своего существования получил массу премий – и в области дизайна, и в области интернет-коммуникации. Сколько страниц составляет наш контент, перечислять не буду, их очень много. С нами сотрудничают ученые из разных стран мира, из разных вузов и научных заведений, которые специально пишут для нас статьи и очень рады, когда мы их размещаем.

Теперь я скажу то, во что, наверное, трудно поверить. Над этим сайтом в течение 16 лет работают 3 человека, плюс на вопросы к Справочной службе помогает отвечать четвертый человек – Елена Николаевна Еськина, сотрудница Института лингвистических исследований. То есть это частный проект. За все годы существования сайта нам никто не заплатил ни копейки. Мало того, это еще и расходы – мы себе сами оплачиваем хостинг, Интернет и т.д. Три человека – это веб-мастер, я, преподаватель Санкт-Петербургского университета, и наша коллега, один из лучших словесников города и заслуженный учитель России. Мы получаем в день примерно 30 вопросов – от «Как пишется...?» (хотя таких вопросов сейчас стало меньше, потому что на «Gramota.ru» есть словари, где можно проверить написание) до «Помогите составить библиографию к докторской диссертации». Мы стараемся отвечать всем, на самые разные вопросы, и вообще-то для филолога это безумно интересно, потому что в процессе работы (а мы за эти годы ответили на десятки тысяч вопросов) возникает огромное количество проблем – некодифицированных орфографических написаний, пунктуационных вариантов и т.д. Они учитываются и при создании Академического орфографического словаря, потому что я еще и член Орфографической комиссии РАН, и при создании Комплексного нормативного словаря, который составляется в поддержку Федерального закона о русском языке как государственном, и пр. С сайтом «Gramota.ru» мы тоже сотрудничаем, равно как и со всеми соответствующими институтами.

С одной стороны, можно продолжать делать то, что мы делаем, только за несколько лет мы сместились с 3-го места на 5-е, потому что у нас просто не хватает рук, ведь мы занимаемся этим в свободное от работы время. И вот, пожалуйста, берите и пользуйтесь. На всех форумах, в которых участвую, я говорю о том, что мы есть и нам просто надо бы немного помочь. И даже не столько деньги нужны (хотя тоже было бы неплохо), сколько рабочих рук побольше. Ведь мы ответили на десятки тысяч вопросов, а в архиве у нас лежит 13 тысяч. Мы не успеваем аштиэмэлить (простите за жаргон) и выкладывать ответы, хотя сайт обновляется практически ежедневно.

Интернет – мощный инструмент продвижения языковой политики, при его помощи можно многое сделать для русского языка. Вот мы и делаем.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Светлана Викторовна, большое спасибо, нам очень приятно, что вы тоже с нами. Мы понимаем, что вы должны торопиться, с большим сожалением прощаемся с вами на сегодня и надеемся на дальнейшее сотрудничество для того, чтобы продвинуть всё это на политическом уровне, в первую очередь через каналы ЮНЕСКО.

Сессия II

М. А. Осадчий

Дорогие друзья, добрый день. Я постараюсь быть кратким.

Я хочу рассказать о продвижении русского языка силами Института русского языка имени Пушкина. Для начала замечу, что у Российской Федерации есть совершенно уникальный опыт продвижения собственного языка на мировой арене. Вообще, проблема распространения национального языка в виде мягкой силы – это не российское изобретение, а практика, довольно системно реализуемая в зарубежных странах. Есть Британский совет, Институт Гёте, Институт Сервантеса, Институт Конфуция, Институт Адама Мицкевича, Альянс Франсез. Это специальные организации, которые призваны продвигать национальный язык и национальную культуру за рубежом. Данные учреждения очень разнятся с точки зрения организационно-правовой формы: какие-то из них являются образовательными центрами, другие – общественными объединениями, некоторые коммерческими, а некоторые – государственными. Наш институт занимает в этом ряду свое место, и место достойное. В чем наше отличие? В том, что мы реализуем полноценные программы высшего образования, готовим кадры высшей квалификации (это кандидаты и доктора наук), а также ведем научные исследования. Большая часть зарубежных организаций таких видов деятельности не осуществляет.

До 1990 года наш институт имел большую филиальную сеть во многих зарубежных странах, там мы также давали выс-

шее образование (и не только филологическое) иностранным гражданам. Однако в трудные для нашей страны годы эта филиальная сеть прекратила свое существование. Сегодня мы ее не возобновляем в том, прежнем виде, поскольку формат филиала себя уже изжил в силу того, что существенно ограничивает нашу деятельность. Филиал должен отвечать довольно жестким требованиям Министерства образования и науки Российской Федерации, проходить лицензирование, аккредитации, мониторинги. Это всё очень обременительные процедуры, отвлекающие от некоторых существенных видов активности. Сейчас мы развиваем партнерскую сеть – это принципиально иной формат, чрезвычайно популярный за рубежом. Вы знаете, что, согласно существующему Федеральному закону об образовании, сетевое партнерство и сетевая деятельность является приоритетом работы образовательных организаций. Она предполагает совместные усилия в реализации и образовательных программ, и научных исследований, и иных проектов. В нашу партнерскую сеть мы сейчас включаем очень разные организации. Это могут быть центры русского языка, которые работают за рубежом, так называемые русские школы; это могут быть вузы, имеющие кафедры русского языка или просто реализующие программы по русскому языку; это могут быть ассоциации соотечественников, которые в большом количестве появляются каждый год за рубежом, особенно в Европе и Соединенных Штатах; это могут быть и центры науки и культуры Россотрудничества и т.д.

Что дает каждой организации статус партнера? Возможность включаться в большие, системные проекты по продвижению русского языка. Начиная с этого года в Российской Федерации запущена Федеральная целевая программа «Русский язык», рассчитанная на пять лет. Данная программа запускается уже не в первый раз, но в этом году – с некоторыми особенностями, в частности, в первую очередь будут поддерживаться проекты, включенные в некие глобальные программы и выполняемые консорциумами исполнителей – как раз такими

объединениями, как партнерская сеть Института Пушкина. Одиночные проекты сейчас поддерживаются крайне неохотно, ставка делается на крупные, системно значимые инициативы. И если зарубежная организация вступает в партнерскую сеть, она получает доступ к таким проектам (заявителями грантов в рамках ФЦП такие организации быть не могут, то есть без вступления в сеть их шансы уменьшаются).

Наш институт готовит кандидатов и докторов наук по специальностям «Русский язык» и «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный для зарубежных стран)». Из 800 диссертаций, защищенных в нашем Диссертационном совете по названным специальностям, более половины написаны гражданами других стран, причем преимущественно дальнего зарубежья (граждане СНГ имеют возможности защищаться по русскому языку в своих странах, им необязательно ехать для этого в Москву). Таким образом, работа по подготовке аспирантов и докторантов в нашем институте, по сути, является фундаментом, который закладывается в основу зарубежной элиты русистики. Каждый из защитившихся авторов потом очень активно работает на этом поприще. Они становятся ректорами, проректорами, заместителями министра и министрами образования в своих странах.

Теперь кратко о нашем ключевом проекте – портале «Образование на русском». Думаю, многие из сидящих здесь о нем слышали. В основе этого проекта лежит убеждение, что преподавание русского языка должно идти в ногу со временем и отвечать главным сегодняшним трендам развития образования, к числу которых относятся тенденции к открытости, доступности и непрерывности. Разумеется, и географический, и экономический факторы очень часто препятствуют развитию трех этих тенденций, поскольку не все мы можем получать образование в любой точке земного шара, не всегда мы можем учиться именно в то время, когда читается лекция (у всех напряженный график) и т.д. Инструменты открытого образования позволяют

нивелировать эти негативные факторы и препятствия на пути получения человеком образования и дают нам возможность абсолютно свободно получать необходимые знания и иметь доступ к образовательным ресурсам.

Вы знаете, что для таких больших языков, как английский, немецкий, французский, уже созданы масштабные системы – крупные электронные образовательные среды, позволяющие изучать эти языки дистанционно и в смешанном формате. Для русского языка до 2014 года таких полноценных электронных образовательных сред не было. Существовало довольно много отдельных ресурсов по русскому языку, но все они были локальными с точки зрения охватываемых и формируемых речевых компетенций. Это были, например, тренажеры по грамматике, по лексике или какие-то ресурсы, разработанные для определенной целевой аудитории – представителей тех или иных профессий, людей с определенным уровнем владения языком (начальный/средний/высокий). Не было ресурса, который бы удовлетворял потребности всех категорий обучающихся русскому языку, независимо от начального уровня владения языком, цели изучения русского языка и формата обучения. И вот на сегодняшний день такой ресурс создан. Он включает собственно обучающий контент в объеме 4 тысяч часов, который прошел внутранный отбор на этапе разработке.

Однако первоначальный замысел в ходе реализации этого проекта существенно трансформировался. Мы поняли, что только курсов по русскому как иностранному недостаточно, поскольку ресурс стал объединять вокруг себя всех интересующихся русским языком. И мы осознали, что в деле продвижения русского языка за рубежом в последние 20 лет возникли новый вызов и новая проблема, требующие немедленного и квалифицированного решения. Еще лет 30 назад русский за рубежом был именно иностранным языком, но из-за потрясений, которые пережила наша страна в 1990-е годы, из-за вполне объяснимых миграционных процессов количество наших

соотечественников, проживающих за рубежом, существенно возросло. И на сегодняшний день формируется уже целая армия детей этих соотечественников – второго и третьего поколения, – которые стремятся сохранять русский в своих семьях и в своей среде, не являясь полноценными носителями языка. Билингвы – это совершенно особое явление: если раньше они были локальной целевой аудиторией, на которую работало незначительное количество специалистов, то сегодня для русского языка за рубежом это едва ли не главная целевая аудитория. И количество таких людей увеличивается с каждым днем. Интерес родителей к сохранению русского языка у своих детей, в своих семьях возрастает. И Российская Федерация сейчас делает ставку именно на сохранение языка наследия таких детей.

По этим причинам мы поняли, что нельзя ограничиваться просто ресурсами по русскому языку. Мы насытили портал разнообразными образовательными ресурсами, которые имитируют естественную языковую среду, дают возможность ребенку, изучающему русский язык или сохраняющему русский язык, постоянно практиковаться, получая на русском языке нужную ему информацию – по химии, по физике, просто развлекательного характера. Важно, чтобы эта информация была на хорошем русском языке, являлась качественным образовательным контентом. Мы загрузили большое количество фильмов, массовых открытых онлайн-курсов, сформировав, таким образом, удаленную виртуальную русскоязычную среду.

Кроме того, на портале развиваются сервисы для преподавателей русского языка. Было бы неправильно заботиться об изучающих русский язык и никак не повышать квалификацию тех, кто его преподает. Если мы предлагаем новый ресурс, новый инструмент, мы, разумеется, должны готовить профессиональное сообщество к тому, чтобы пользоваться этим инструментом полноценно и эффективно. На портале большое количество программ для преподавателей русского языка в дистанционном и смешанном форматах, и мы продолжаем их совершенствовать и усложнять.

И последнее, о чем я хочу сказать, – это ресурс, который может быть полезен каждому в практике преподавания. Это лингвострановедческий словарь. Многие из вас, наверное, знают словарь «Россия» под редакцией профессора Прохорова, который был издан в нашем институте много лет назад. Он был очень популярен, но сегодня его уже недостаточно, и его твердый, бумажный формат во многом ограничен с точки зрения тех возможностей, которые он дает, особенно для сферы РКИ, когда целевая аудитория в разной степени владеет языком. Так, если человек еще плохо знает русский, только начинает его осваивать и находится на уровне А1/А2, то полноценная словарная статья будет для него неподъемным текстом, а ведь доступ к лингвострановедческой информации очень важен с самых первых этапов обучения языку. Поэтому нам в голову пришла идея изложить каждую словарную статью в трех вариантах: варианте наиболее простом, доступном людям на начальном этапе обучения А1/А2, затем В1/В2 (это уже расширенная статья) и, наконец, для владеющих языком на уровне С1/С2 (это настоящая, большая академическая статья). Различия не только в уровне лексики и грамматики, но и в типе текста. Статьи для начального уровня – это, как правило, креолизованные тексты, сочетающие в себе аудио-, видео- и вербальную информацию. Если статья про Кремль, то это будет изображение Кремля и вербальная информация, описание; может быть, мультимедийный файл, видео с экскурсией по Кремлю. Если это «Подмосковные вечера», то сразу запись песни, какие-то другие сведения, связанные с созданием данного произведения. А на продвинутых этапах, конечно, человек уже способен получать всю информацию из простого, плоскостного вербального текста.

Вот вкратце результаты нашего проекта. Мы ждем вас на портале «Образование на русском». Как и любой проект, он, разумеется, имеет свои плюсы и минусы, и мы очень надеемся, что вы в ходе использования ресурсов портала дадите нам квалифицированную обратную связь и поможете его усовершенствовать.

Главная проблема всех электронных ресурсов в том, что мы как создатели должны ежедневно их обновлять. Мы сейчас всем преподавателям говорим: «Всё очень здорово, вы можете меньше готовиться к занятиям, просто заходите на портал, собираете материалы, которые сможете применить, и используете их на уроке, если в классе есть мультимедийная доска». Нам отвечают: «Спасибо за это, дорогой Институт Пушкина, но, если на портале мы каждый раз будем наткаться на одни и те же материалы, одни и те же тексты, видео и аудио, мы не станем повторно использовать данные ресурсы. Даже нам самим интереснее, чтобы всегда были разные тексты, примеры, задания на одни и те же речевые компетенции». Поэтому наша основная задача на сегодняшний день – это постоянное обновление и совершенствование контента. Это огромная работа, даже количественно. А второе важное направление работы – это развитие специальных сервисов, в первую очередь тьюторской поддержки, чтобы любой изучающий русский язык мог получать консультации живого человека, преподавателя в режиме видеосвязи, чата и т.д. Мы осознали: наше творение порой является слишком сложным для людей неподготовленных, не являющихся преподавателями, лингвистами и т.д., поэтому им необходима помощь профессионала. Мы развиваем тьюторство. Это сложный с точки зрения реализации сервис, предполагающий существенные затраты – и временные, и финансовые.

Спасибо за внимание. Жду ваших вопросов.

Реплика из зала

Добрый день. Несомненно, ваш ресурс по-своему уникальный, ничего подобного у нас нет, но я представитель той команды авторов, которая разрабатывала для вас основные курсы, в частности, я руководила проектами, которые были связаны с курсами В1, В2 и С1. На сегодняшний день они находятся в удручающем состоянии и никак не соответствуют тому, что было сделано авторами. Мы несколько раз обращались – и

сами, и через Андрея Николаевича, который нас всех пригласил в этот проект, – но пока не видим, чтобы эти ресурсы работали. Между тем как сегодня неоднократно отмечалось, если мы хотим продвигать образование на русском и т.д., то владения языком на уровне А1/А2 недостаточно. Необходимы именно высокие уровни. Скажите, пожалуйста, можете ли вы поделиться вашими планами (поскольку всё-таки владельцами авторских прав являемся мы, а имущественных – вы) относительно того, когда проект будет приведен в соответствие с тем, что замышлялось изначально? И произойдет ли это вообще?

М. А. Осадчий

Спасибо большое. Данная проблема мне известна, хотя я пришел в Институт Пушкина несколько позже, чем это всё началось. Отвечу так: в настоящий момент мы проводим коренную переработку уровня А1/А2. А следующим шагом будет коренная переработка уровней В1/В2 и более высоких. Переработка идет существенная, и даже если бы авторский контент загрузился «Юнивебом» в том виде, в котором был создан, сейчас мы были бы вынуждены его перерабатывать. Жаль, что на первом этапе хороший, как вы говорите, авторский материал не был правильно размещен на портале и не был правильно организован процесс обучения. Сейчас мы стараемся эту проблему преодолеть путем переработки всех материалов в рамках единой концепции.

Реплика из зала

То есть можно надеяться, что сейчас авторские материалы будут размещаться в первоначальном виде?

М. А. Осадчий

Нет, такими они не будут, потому что прошло время и ситуация изменилась. Дело в том, что портал, по сути, создавался си-

лами разработчика, компании «Юнивеб», которая не являлась частью Института Пушкина, флагама в сфере РКИ. Поэтому естественно, что на том этапе были какие-то ошибки, которые и стали причиной недовольства нашим ресурсом. За прошедшие три года мы сделали большой шаг вперед, выделили в своем институте крупное подразделение, занимающееся порталом и разработкой электронных ресурсов. На сегодняшний день мы сами ведем доработку и совершенствование портала. Эти программисты теперь являются штатными сотрудниками Института Пушкина, они набраны нами по специальному конкурсу, у них уже имеется опыт разработки образовательных ресурсов. И они работают в тесной взаимосвязи с профессорско-преподавательским составом. Теперь нет такого, что преподаватель, автор не знает, как его материал размещен. Они сидят в одной комнате, за одним монитором и вместе смотрят, как укладывается материал в электронную среду. К сожалению, это невозможно было сделать на первых этапах, но сейчас мы приглашаем авторов к продолжению сотрудничества уже в новом формате. Мы свою компетенцию в этой сфере существенно повысили.

Е. И. Кузьмин

Михаил Андреевич, спасибо большое.

Сейчас я с большим удовольствием предоставляю слово нашему зарубежному гостю Айнару Комаровскому, этническому латышу и борцу за русский язык в Латвии.

А. Комаровский

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов этой встречи за возможность побывать в культурной столице России, встретиться с единомышленниками и друзьями.

Тема моего выступления будет связана с языками в Латвии.

Согласно официальной трактовке развития латышского народа и латышского языка, в IX веке произошла русифика-

ция, то есть те племена, которые имели свой язык, переняли большой пласт русской лексики и вообще язык в целом. Не указывается, как язык выглядел и звучал до этого, но в основе латышского лежит латгальский язык. Осмелюсь сказать, что тот латгальский язык, который сформировался к началу XIII века, и схожие с ним языки других племен представляли собой диалекты русского языка. Это подтверждает наличие в современном языке порядка 2 тысяч слов с общими с русским языком корнями. Для начала XX века, учитывая, что основным населением были крестьяне, такое количество общих слов означало, что практически весь язык был русским, он менялся в основном по звучанию и долготе. Проживание местного населения в течение 5–6 веков на ограниченных территориях, в пределах своих волостей, делало свое дело. Менялось звучание, возникали заимствования из немецкого языка, создавались новые наименования. Так называемая русификация балтийских земель, проводимая Российским государством во второй половине XIX века, не заменяла латышские понятия на русские, она только внедряла русский язык в делопроизводство и в дополнение к немецкому языку. Этот период славен тем, что сами латыши ввели новые слова и понятия, получив такую возможность за счет получения всех видов образования, которые необходимы для данной работы.

В результате проводимой государством политики в сфере образования и культуры в конце XIX столетия на территории Лифляндии и Курляндии выросло многообщинное общество с тесными культурными, экономическими и научными связями, где преобладали немецкая, русская и латышская общины, но латышская культура располагала большей государственной протекцией. Вывески и объявления писались на трех языках – немецком, русском и латышском. На трех языках в обязательном порядке размещалась информация в трамваях, названия улиц. В начале XX века в Риге насчитывалось 28 печатных изданий на немецком, 20 на латышском, 13 на русском; имелись также газеты и журналы на идише, литовском и эстонском язы-

ках. Спектакли в театрах ставились на немецком, латышском, русском, все они получали дотации (однако русский театр – наименьшую). Немецкий театр (это нынешний Оперный театр) выделял помещение для латышских трупп. Здание Второго городского театра (нынешний Национальный театр) губернатор разрешил строить только с условием, что туда будут допускаться латышские труппы. Несмотря на сравнительно небольшую численность русской общины (17% населения к 1897 году), гастроли русских артистов из Москвы и Петербурга проходили с огромным успехом, поэтому, дабы не ущемлять другие театры, количество спектаклей на русском языке ограничивалось.

Вследствие этой политики к началу XX века выросла латышская элита в сфере музыки, искусства, науки и предпринимательства, способная общаться на понятном языке с населением территорий от Тихого океана до Северного моря и даже далее. Проживание в Дерпте, Санкт-Петербурге и Москве в то время для латышской интеллигенции и предпринимателей было более приемлемым, чем в родных краях – там чувствовалась большая свобода, близкий духовно мир и более широкие возможности. Икона латышской культуры, собиратель дайн Кришьянис Барон прожил 30 лет в Воронежской губернии в качестве домашнего учителя в семье помещика Ивана Станкевича. Латыши тяготели тогда к справедливому обществу и к русской культуре; часть населения в образовательных целях воспитывали детей в традициях немецкой культуры. Выбору культуры тогда не ставились препятствия, однако такой порядок вещей мешал мировому сообществу проводить желаемое переустройство мирового порядка, поэтому с окончанием Первой мировой войны и установлением победителями своих правил мир изменился.

В независимой Латвии превосходство получил латышский язык, история края была заменена на историю латышей. На законодательном уровне остальные языки вытеснялись из делопроизводства, публичных собраний, вывесок и общения

местных управ со своим населением. Была введена аттестация на знание государственными служащими латышского языка. Упразднялась культурная автономия национальных меньшинств, причем в их число попали доселе главные общины – русская и немецкая. Редактор СМИ должен был владеть латышским языком, редактором латышского СМИ мог быть только этнический латыш. Ребенок мог посещать только школу своей национальности, причем в смешанных семьях национальность ребенка определял отец. Ребенок, у которого один из родителей был латышом, обязан был посещать только латышскую школу. В школах нацменьшинств внедрялись уроки на латышском языке, что было справедливо, но в результате этой политики в период с 1934 по 1937 год число национальных школ сократилось вдвое.

20-е и 30-е годы XX века в Латвии сопровождались повсеместным переименованием улиц и населенных пунктов. Игнорируя противодействие немецкой общины, под лозунгом «Модернизировать немецкую Ригу, раз и навсегда покончив с наследием угнетателей и эксплуататоров латышского народа!», сносились здания высокой архитектурной и культурно-исторической ценности. Предполагалось снести почти всю Старую Ригу и на ее месте возвести новый город.

После высылки около 50 тысяч этнических немцев в 1939 году согласно договору с Германией в Латвии стало на одну общину меньше. Это была именно высылка, потому что родиной этих людей были Лифляндия и Курляндия, они имели местное подданство, выгоняли их по принуждению и в спешке только на основании национальности и без должной компенсации потерь. Страна и общество лишились части своего культурного наследия и носителей культуры мирового уровня, во многом определявших развитие территории и самих латышей на протяжении 700 лет. Для полноценного решения национального вопроса требовались схожие акции для остальных инородцев, но этому помешал исход Второй мировой войны.

В советский период языки законодательно особо не регулировались. В обеих советских конституциях гарантировалась публикация нормативных актов на латышском и русском языках, обучение на родном языке, в судопроизводстве предпочтение отдавалось латышскому языку, но с гарантией использования также и русского языка. В том, что касалось регистрации гражданских актов и заполнения трудовых книжек, царило двуязычие. Я сам имею трудовую книжку, в которой работодатели заполняли то латышскую, то русскую графы в зависимости от своих предпочтений. В части учреждений делопроизводство велось на латышском языке, а в других на русском. Обучение в вузах также было двуязычным, за исключением некоторых гуманитарных специальностей, которые были на латышском, а также некоторых технических специальностей, которые преподавались только на русском. Латышский язык в русских школах (равно как и русский язык в латышских) был обязательным предметом, что способствовало улучшению знания населением обоих языков. Сфера культуры в Латвийской ССР обслуживала либо латышскую общину, либо всё население в целом, тем самым латыши получали приоритетное положение. Латышское телевидение было обращено на латышскую аудиторию, а для русских предусматривалось вещание Центрального телевидения СССР, которое смотрели все. В государственных учреждениях и на предприятиях язык внутреннего общения зависел от соотношения русских и латышей, и в большинстве случаев присутствовало двуязычие. Не было жестких требований к знанию языков – работник мог не знать русский язык или латышский, за это не наказывали.

Перейдем к последнему этапу развития Латвии. Ключевым событием начала Второй латвийской республики стал законодательный раздел на граждан и неграждан. Это позволило без особого сопротивления в дальнейшем реализовывать языковую, культурную и социальную сегрегацию русскоговорящего населения Латвии, а также подавлять собственное народное хозяйство. Латвия, имевшая к началу 1990-х годов самую боль-

шую русскую общину среди прибалтийских республик, ввела самые бесправные условия ее существования. Искоренение русского языка началось с закрашивания русских названий улиц, причем это не было частной инициативой жителей, а проходило под руководством органов самоуправления. С дорожных знаков убирались указания на российские города. Так, вместо шоссе Рига – Псков появилось шоссе Рига – Вецлайцене. Теперь мы определяли направление путем исключения: если это не Бауска, не Даугавпилс и не Таллинн, значит, Псков. О Вецлайцене, ненаселенном пункте на восточной границе страны, знали только единицы, зато новшество должно было вычеркнуть из сознания людей еще одно напоминание о существовании соседнего государства.

С первой версией Закона об образовании в Латвии было ликвидировано государственное высшее образование на русском языке. До 20% образовательных программ сейчас может осуществляться на любом другом языке Евросоюза, но ни в коем случае не на русском. Вскоре дошла очередь и до школ. Несмотря на протесты, русские средние школы по требованию минимального числа уроков на латышском языке (60%) превратились в латышские школы с русским уклоном. В латышских школах русский язык сделали факультативным, что привело к неспособности латышей в возрасте до 40 лет понимать своих соседей. Зато в учебник по русскому языку для латышских школ якобы для ознакомления с русским языком и культурой было решено ввести раздел по русской ненормативной лексике. Важнейшим инструментом подавления нелатышских жителей стало требование для любого взрослого, не закончившего латышскую среднюю школу, знать латышский язык и получить соответствующее удостоверение. Со временем требование знания языка на высшую степень распространилось и на уборщиц, сторожей и любых других работников, хотя, если проводить такие экзамены для всех, думаю, даже для самого латыша это будет трудновыполнимо.

Русский язык запрещается в любых общедоступных надписях за исключением тех случаев, когда это требуется для безопасности (например, чтобы не выпить яд), а также ограничивается его использование в общении среди служащих и с посетителями во всех общественных учреждениях, кроме церквей; за нарушения полагаются штрафы.

Для реализации системы языкового подавления был создан Центр государственного языка с широкими полномочиями. Если учитывать, что этот центр занимается в том числе и терминологией и распространением языка, он, казалось бы, должен подчиняться хотя бы Министерству образования или Министерству культуры, однако он подчиняется Министерству юстиции, то есть это учреждение было создано как карательное. Любое мероприятие с русским рабочим языком может стать незаконным, если заявится хотя бы один человек, который потребует для себя перевода на латышский язык, и этот перевод не будет обеспечен. Есть исключение – Дом Москвы, но он имеет частично экстерриториальный статус.

Если кому-то не понравится русскоговорящий сотрудник учреждения или предприятия, то по анонимному доносу или без него (это нельзя доказать) Центр государственного языка без проверки достоверности сведений проводит языковой экзамен, на котором противостоять опытным лингвистам трудно. В зависимости от ситуации используются психологические приемы, не позволяющие ответчику войти в коммуникацию. В результате сам Центр и решает, справился ли человек с экзаменом (для русского это практически невозможно), и определяет размер штрафа.

Согласно Закону о государственном языке и связанным с ним Правилам кабинета министров, а также практике их применения, русский язык запрещен к публичному использованию в Латвии как в устном, так и в письменном виде за исключением необходимости перевода для нужд безопасности, в богослужении и в русских печатных СМИ, которые контролируются

другими законами. Центр государственного языка доселе оспаривал и правомочность выдвижения непонравившихся ему кандидатов в депутаты, что влекло за собой их отзыв. В 2011 году Центр оштрафовал Деда Мороза, который был приглашен в город Резекне и проводил детское мероприятие на русском.

На сегодняшний день сотрудники Центра государственного языка не рекомендуют использовать русский язык в общении даже между русскими работниками учреждений. Министром образования поставлена задача перевода всех школ на обучение по латышской программе, что предполагает полную ассимиляцию русской общины в будущем. Ужесточение языковой политики идет вкупе с разрывом отношений с Российской Федерацией, сокращением рабочих мест и доходов, увеличением стоимости проживания, что заставляет работоспособное население покидать страну в поисках лучшей доли. Обосновать такой порядок вещей всё труднее. Для этого ужесточается контроль за информационным пространством, перекрывается доступ к российским телеканалам и законодательно вводится запрет на оглашение негативных сторон собственной политики за рубежом (под этот запрет вполне попадает и мое сегодняшнее выступление).

Однако время идет вперед, и я всё же надеюсь, что с помощью мирового общественного мнения Латвия будет менять свою государственную политику и выберет путь дружбы, согласия и созидания.

Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Большое спасибо.

Коллеги, я хотел бы рассказать, как мы познакомились с Айнараром. Несколько лет назад одна знакомая прислала мне ссылку, я прочитал статью об этом человеке и был совершенно потрясен, во-первых, глубиной анализа, а во-вторых,

мужеством. Вспомнились советские диссиденты, которые разоблачали злоупотребления. А когда мы начали проводить конференции по положению языков в мире, появилась идея найти этого человека и пригласить его выступить. Так мы вышли на Айнара, пригласили его в Ханты-Мансийск, а теперь и в Санкт-Петербург.

У меня вопрос. Слыша такие вещи, о которых сейчас шел рассказ, трудно поверить своим ушам. Я понимаю, что процесс развивался постепенно, что есть политические, экономические, культурные факторы, внутренние и внешние. Когда в 1990 году думали о независимой Латвии, никому в голову не приходило, что так будут поступать с русским языком, это казалось безумием. А теперь стало реальностью. Кто и зачем это делает? С вашей точки зрения, как это можно объяснить?

А. Комаровский

В основе лежит желание наших «кураторов», которые пришли в конце 1980-х годов. Эта политика придумана не нами, всё законодательство и внешняя политика не нами написаны. В 1990-х годах Россия была разделена (чего не произошло бы без желания самой власти это сделать), и в результате передачи власти территории получили нового хозяина, который и определил дальнейшую их судьбу. Это включало все стороны государства, и, поскольку последствия были такими устрашающими, все шло очень постепенно. Нельзя же было сделать сразу всех безработными, заставить голодать и ненавидеть друг друга и разрывать отношения с главным обеспечителем, поскольку к 1990 году соотношение латышей и русских было примерно 1:1. Сами латыши даже не предполагали, что можно сделать практически половину населения инородцами. Это законодательное решение поддерживалось теми странами, которые определяют мировую политику.

Е. И. Кузьмин

Это были в основном американцы?

А. Комаровский

Да, это были англо-саксы. У нас управляют миром две страны – Англия и США. Они как брат и сестра, и кто из них имеет больше полномочий – это еще спорный вопрос.

И всё дальнейшее развитие шло очень постепенно и выверенно, чтобы казалось происходящим само собой. Конечно, учитывалось мнение населения, изменения вводились осторожно. Довольно хороший пример будущей территории Латвии – это Косово. Есть и пример Гаити. Я думаю, что будущее не очень приятное, но вполне вероятное. Латышам сказали, что они избранный народ, который ущемлялся и достоин лучшей участи, и они поверили, что так и есть. Однако оказывается, что они не особо ценнее албанцев, сербов и всех остальных народов, которые служат только ресурсом для собственного развития держав.

Реплика из зала

А как же вы не боитесь так открыто говорить об этом? О вас знают?

А. Комаровский

Да-да, но тут ничего не поделаешь.

Е. И. Кузьмин

Всегда есть мужественные люди, которые говорят правду. Спасибо большое, Айнар. Мы любим Латвию и мечтаем о том, чтобы ситуация изменилась к лучшему.

У нас есть еще одна иностранная гостя – преподаватель русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, аспирантка Санкт-Петербургского университета, председатель Ассоциации китайских аспирантов и молодых ученых в Санкт-Петербурге. Вот пример того, как надо организовывать своих людей за рубежом!

С удовольствием передаю слово У До.

У До

Здравствуйте, для меня большая честь выступать сегодня перед вами.

Я изучала русский язык в школе, мне очень повезло, потом я участвовала в олимпиаде и по приглашению училась в магистратуре в Институте имени Пушкина.

Могу сразу сказать, что в Китае очень любят и ценят русский язык. В особенности в последнее время между нашими странами активно развиваются и укрепляются политические, деловые и культурные связи на разном уровне. С 2006 по 2017 год прошли такие значимые межгосударственные мероприятия, как Год России в Китае, Год Китая в России, Год русского языка в Китае, Год Китайского языка в России, Годы туризма Китая и России, Годы дружественных молодежных обменов между КНР и РФ, и сейчас идут Годы обменов китайских и российских СМИ. Это свидетельствует об активном стремлении обеих стран способствовать воплощению в жизнь китайско-российского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В рамках данной акции запланированы не только экономические, но и культурные мероприятия. Осознание значимости этого сотрудничества является фундаментом дружбы и взаимопонимания между народами двух стран. В результате активизации связей в сфере экономики и культуры набирают обороты и обмены между Китаем и Россией в области образования. Всё большее количество выпускников китайских школ и вузов решают продолжать обра-

зование в России. В этой связи интересно рассмотреть ситуацию с изучением русского языка в Китае.

На данный момент в Китае существует более 300 вузов с возможностью изучения русского языка, но их студенты до поступления в вуз не изучали русский, они изучали английский язык. И русский становится вторым иностранным, что сильно затрудняет его изучение. Русский язык очень отличается и от китайского, и от английского, и начать изучать его всегда очень тяжело. Русская грамматика очень сложна, и я сама до сих пор не всё и не всегда понимаю и говорю с ошибками.

Кроме того, к сожалению, взаимоотношения между Китаем и Россией достаточно близкие на высоком уровне, но простые люди зачастую мало знают о России, о ее культуре и людях и не видят перспектив изучения русского языка. На самом деле, кроме студентов, русский язык изучают и дети в школе (как было со мной). Обмен между вузами России и Китая на данный момент достаточно развит, но обмена между школами почти нет, хотя школьники за 6 лет обучения могут освоить русский на хорошем базовом уровне, которого достаточно для выбора различных специальностей в вузах России. Когда я училась в школе, мы очень любили русский язык, хотя учебники были далеко не самыми современными. Было еще не так много сетевых ресурсов, и мы смотрели только советские фильмы – это настоящее искусство, но школьникам их понимать еще тяжело в силу сложности языка и недостатка фоновых знаний. Однако даже в таких условиях нам было очень интересно учиться, и я считаю, что обучению школьников русскому языку необходимо уделять больше внимания. Я надеюсь, что у них тоже будут шансы участвовать в разных конкурсах, что они тоже смогут приехать в Россию и своими глазами увидеть такие места, как Арбат, Красная площадь, Кремль, Казанский собор, Невский проспект и т.д. Это будет просто замечательно.

Я, как и другие китайские русисты, хочу посвятить всю свою жизнь преподаванию русского языка в своей стране.

Спасибо вам.

Е. И. Кузьмин

Дорогая У, видите, как зал тронут искренностью вашего выступления. Есть вопросы?

О. В. Хорохордина

Сегодня прозвучали разные мнения о том, что служит мотивами для изучения русского языка. С одной стороны, социология нам подсказывает, что нужно ориентироваться на современные модели подведения молодых людей. С другой стороны, уважаемая Академия наук в лице Николая Николаевича Казанского говорит: необходимо изучать древнегреческий, латынь и соединять преподавание русского языка с древними традициями, обращаясь к истории. С вашей точки зрения, большинство современных студентов хотели бы получать широкое филологическое образование, заниматься тем, что мы называем «Русский язык в специальных целях», и затем быть переводчиками? Какой вам как китайке, русисту, преподавателю, как человеку, который погружен в весь этот мир, видится мотивация ребят?

У До

Я думаю, что мотивации бывают разные, в том числе в Китае.

Есть студенты, которые просто любят Путина, считают его настоящим мужчиной с красивым голосом, образцом мужественности, поэтому они выбирают русский язык. Или они смотрели какие-то фильмы (например, у нас очень популярен актер Константин Хабенский, и, если мы смотрели фильм «Адмирал» или какой-то современный фильм, это могло побудить выбрать русский язык). Кто-то очень любит литературу и хочет читать Толстого, Достоевского в оригинале. Толстого в Китае читают очень многие, но большинство – на китайском языке. Между чтением оригинала и перевода очень большая разница.

С учетом укрепления отношений между нашими странами есть тенденция учить русский язык, чтобы стать переводчиком и в дальнейшем найти хорошую работу.

А. Л. Арефьев

Позвольте мне подтвердить и дополнить слова уважаемой У До. Мы проводили опросы иностранных студентов из различных стран и выясняли, почему учат языки. И могу сказать, что любовь к стране изучаемого языка и его культуре, без сомнения, является важным фактором, но основным мотивом является возможность использовать язык на практике. Русский язык имеет богатейшее культурное наследие, но, если ты не можешь использовать язык в реальной жизни, мотивация снижается. Поэтому, как мне представляется, будущее русского языка во многом связано с прогрессом российской экономики, развитием науки и техники. Очень важно, в каких областях человеческой деятельности используется тот или иной язык.

Е. И. Кузьмин

Александр Леонардович, вы абсолютно правы. Когда две недели назад был круглый стол в ИТАР-ТАСС на эту же тему, претензии к Институту русского языка имени Пушкина сводились к тому, что портал сегодня в основном для русистов, а не для тех людей, которые хотят заниматься физикой, химией, космонавтикой, где огромное количество прекрасных русскоязычных ресурсов. Говорилось, что можно делать двуязычные версии, даже для тех же русистов можно устроить разбор какого-то произведения на русском языке и языке другой страны параллельно, чтобы специалист мог иметь точный квалифицированный перевод.

Дорогая У До, вы сказали, что кто-то учит русский в Китае, потому что любит Путина. Должен сказать, что в мире огромное количество людей считает Путина единственной надеждой на то, что справедливость как-то начнет возвращаться.

Хочу сказать две вещи про Китай. В Министерстве культуры долгое время работала Тамара Михайловна Гудима. Одно время она была депутатом Государственной думы и председателем Комитета по культуре, а когда ее не выбрали на второй срок, Станислав Говорухин сказал: «Это ненормальная страна, если такого человека не выбирают повторно в Парламент!» После того, как закончились полномочия Тамары Михайловны в Думе, она пришла заместителем Швыдкого, занимавшего пост министра культуры, и, будучи политологом, периодически ездила читать лекции по марксизму для ЦК Коммунистической партии Китая. Они все внимательно слушали и потом задали вопрос: «Скажите, пожалуйста, вот у нас марксистско-ленинская идеология, а в России сейчас какая?» Она ответила: «А у нас нет идеологии», чем очень удивила китайцев. Это первое. Второе: я разговаривал с одним китайским деятелем, который спросил, читает ли у нас сегодня молодежь книгу «Как закалялась сталь». Я ответил, что сильно в этом сомневаюсь. Он был в недоумении, потому что эта книга определила мировоззрение нескольких поколений китайцев, а у нас уже не определяет ничего.

В первой половине круглого стола мы говорили о том, как важно чтение для поддержания языка внутри своей страны и продвижения его за рубежом. И сейчас я предоставляю слово директору одной из крупнейших издательских групп «Эксмо-АСТ» Марине Абрамовой.

М. Н. Абрамова

Коллеги, добрый день. Мне было очень интересно послушать всех выступающих, поскольку эта международная тема для нас сейчас приоритетна и соответствует тому плану, который мы внутри холдинга поставили для себя на 2017 год.

Я расскажу, откуда у нас появилась мысль о развитии инфраструктуры чтения как инструменте продвижения русско-

го языка за рубежом, почему мы стали заниматься международной тематикой и что для нас вообще такое инфраструктура чтения.

Мы считаем, что, говоря о развитии русского языка и литературы, нельзя забывать о таких технических моментах, как выстроенность и развитость инфраструктуры чтения на местах. Что касается российского опыта, я как человек, отвечающий за продажи в холдинге на протяжении 6 лет, могу сказать: какие бы технологии мы ни применяли, как бы мы ни преподавали русский язык, как бы наши великолепные авторы ни писали самые лучшие тексты, если книга просто недоступна в городе, все попытки не приводят ни к какому результату. Поэтому доступность книги чрезвычайно важна, и развитие определенного количества и книготорговых, и библиотечных точек – это для нас основной приоритет. Мы изначально пошли в регионы России, оцифровали их, посмотрели, сколько книжных магазинов на душу населения, как оснащены библиотеки, и разработали региональные планы развития в этой сфере для многих губернаторов. В 2017 году мы планируем отработать таким образом 30 регионов Российской Федерации (нам, практикам, порой виднее, чем чиновникам на местах, что именно нужно сделать, откуда привести инвестиции, как сделать книгу более доступной).

Эту практику мы попытались перевести и в международный контекст. Мои последние командировки в Прагу, Афины, Милан показали, что за рубежом доступ к русским текстам предоставляет очень небольшое количество книжных магазинов. Магазины закрываются по разным причинам. Я коллегам как раз рассказывала, что в Праге был удивительный опыт: с 1999 года работал книжный магазин «Арбат», единственный, кто имел дело с новинками, а не только с классической литературой. В нем можно было найти и Евгения Водолазкина, и Гузель Яхину, и Майю Кучерскую. Руководила этим книжным магазином великолепная женщина, в прошлом преподаватель

русского языка, человек в теме, что называется. И вот наши проблемные отношения с Украиной уничтожили этот магазин – его просто пришли и разбомбили, а мы сейчас пытаемся его восстановить.

Получается, что есть проблемы на местах в разных странах, где живут наши соотечественники, те, кто изучает русский язык. Им сложно найти современную русскую книгу, потому что нет библиотек (в Русских центрах науки и культуры при Россотрудничестве библиотеки есть, но с очень старыми фондами). Так что мы подумали, что будет правильно взять 5 первых стран, в которых очень большие русские диаспоры, в которых есть интерес к русскому языку, и подумать об инфраструктуре чтения в этих странах. Как открыть новые книжные магазины в той же Праге? Как сделать книгу доступной в русских школах в Афинах? Мы предлагаем несколько уже реализованных проектов, и, если тут есть наши международные партнеры и коллеги, сегодня они могут получить доступ к 100 тысячам бесплатных книг (это не только классика, но и новинки), раздать своим ученикам за рубежом и таким образом сделать русскую книгу и русский текст более доступными для них.

Вернусь к ситуации в мире. У нас было несколько волн эмиграции, очень разное население, очень разный интерес к русскому языку. От страны к стране должны меняться практики. Что мы предлагаем? Открытие книжных магазинов (мы готовы инвестировать в страны, у нас есть бизнес-проект на 2017 год, мы хотели бы открыть новую сеть книжных магазинов при русских центрах); подключение проекта «Электронные библиотеки в школах для русскоговорящих» с предоставлением доступа к 100 тысячам книг; размещение виртуальных библиотек в школах (этот проект сейчас очень востребован в афинских школах); помощь в оснащении библиотек Русских домов культуры и науки; встречи с современными российскими авторами (мы готовы разработать план привоза наших лучших авторов, лауреатов литературных премий за рубеж,

готовы в это инвестировать, поэтому можем обсудить с международными коллегами план турне на 2017 год); публичные чтения произведений классической и современной литературы (этот формат мы будем пробовать в феврале в Риге на книжной ярмарке, потому что видим, что формат авторской встречи уже устарел – даже к самому известному автору заманить аудиторию порой очень сложно, а вот формат марафона, когда вместе с известным автором русский текст читают, передавая друг другу эстафету, известная актриса, лучший студент вуза, лучший преподаватель, может быть привлекателен). Мы собираемся не только открывать книжные магазины и поддерживать уже существующий книжный бизнес за рубежом оффлайн, но и договорились с несколькими онлайн-площадками, чтобы в Германии, Греции, Франции улучшить работу с русской литературой, потому что даже русские школы покупают учебники русского языка через коммерческие ресурсы, централизованной поставки нет. Как говорили наши зарубежные партнеры, люди вынуждены сами возить из Москвы литературу, которая им необходима, и это нужно менять.

Есть проект «Мобильная библиотека», который в России реализован в Пулково, в Шереметьево, в Сочинском аэропорту и сейчас еще в РЖД. Всё очень просто: дается просто стена, на которую наносится принт в виде библиотеки. Каждая книга с QR-кодом. Когда физическая книга недоступна, нам нужно искать онлайн-доступ к ней, поэтому подобного рода принты мы готовы поставлять и предоставлять, например, и в школы в России и за рубежом. Сейчас мы делаем проект с РЖД, чтобы человек в ожидании поезда мог бесплатно скачать и почитать книгу (это не только общедоступная классика, но и бестселлеры). Мы заключаем контракты с нашими самыми известными авторами, в числе которых Стивен Кинг, Пауло Коэльо, Дэн Браун, и абсолютно легально предоставляем их новинки на бесплатной основе. Для нашей аудитории это феноменально.

Нас все спрашивают, зачем нам нужен такой проект, ведь для бизнеса это траты. Мы пытаемся объяснить, что таким образом убиваем двух зайцев, в том числе приучаем людей к легальному контенту. Россия долгое время была пиратской страной, где 99% контента скачивалось бесплатно, что очень мешало договариваться с авторами. Например, я приезжала во Франкфурт, чтобы договориться о покупке прав на новую книгу на следующие 5 лет, а мне отвечали: «Мы вам не продадим, потому что вы страна пиратская». И всё, на этом разговор заканчивался, мы оставались без электронной копии. Сейчас разговор уже совсем другой. Мы доказали, что мы не пиратская страна, заработал закон против пиратства, и это позволяет нам покупать лучшие релизы и переводить их на русский язык, так что теперь мы в этом сегменте выглядим цивилизованно.

Если говорить о подключении электронных библиотек в школах, то ресурс school.litres.ru уже сейчас раздает доступ для учеников к бесплатной русской библиотеке. Думаю, доступность чтения на русском является одним из наиболее важных моментов в популяризации русского языка и его продвижении.

Электронные библиотеки в русских центрах науки и культуры – это немного другой проект, но также с абсолютно бесплатным контентом, с практиками для педагогов. Мы будем очень рады всех видеть на этом ресурсе.

Виртуальные библиотеки предполагают, что при наличии пустых стен или каких-то конструкций, которые можно оклеить такой замечательной библиотекой, мы готовы принимать заказы, специально для вас изготовить библиотеку и дать возможность и ученикам, и взрослым читать бестселлеры на русском языке в любой точке мира абсолютно бесплатно.

Я уже упоминала о Марафоне русских чтений. Мы были бы очень рады обсудить его с точки зрения контента с вами как более профессиональным сообществом, потому что мы не теоретики, а реализаторы, люди бизнеса, и иногда нам в наших

проектах не хватает научной мысли. Мы ищем партнеров для Марафона русских чтений, который будет реализовываться сначала в Прибалтике, а потом и в других странах. Нам нужна экспертная группа, в которую мы вас приглашаем, потому что популяризация русского языка и его продвижение, а соответственно и продвижение русской литературы – это общая цель и российского книжного бизнеса, и книгораспространителей, и библиотекарей, и педагогов, и всей страны.

Спасибо большое. Если есть какие-то вопросы, я готова на них ответить.

Реплика из зала

Расскажите, пожалуйста, подробнее о технологии мобильной библиотеки.

М. Н. Абрамова

Разным заказчикам требуется разный набор книг. Есть, к примеру, стена РЖД. РЖД заинтересованы в какой-то определенной литературе. Мы под них заключаем контракты с правообладателями и составляем им одну библиотеку из 300 произведений. А аэропорт Шереметьево был заинтересован в большем количестве переводных бестселлеров, соответственно, мы под них составили ассортимент и договорились с правообладателями. Думаю, для школ ассортимент будет иного порядка. Мы готовы отработать каждый запрос, сделать набор книг, произвести эту самую мобильную библиотеку и прислать вам принт, который нужно просто где-то разместить.

То, как будет выглядеть мобильная библиотека, зависит от того, какую площадь вы даете. Если это всего 70 сантиметров, то на них визуально можно разместить порядка 50 книг, но там будет QR-код, ведущий на доступ ко всем 300 книгам библиотеки.

А. Л. Арефьев

Скажите, пожалуйста, а какой жанр литературы на русском языке, помимо учебной, наиболее востребован – художественная, детективная, какая-то другая?

М. Н. Абрамова

Вы сейчас спрашиваете о русском рынке?

А. Л. Арефьев

Да. Что вы планируете издавать, что для вас в приоритете?

М. Н. Абрамова

Если говорить о продажах, порядка 50% оборота любого издательства делают бестселлеры – и русские, и переводные. Например, тот же Дэн Браун может сделать два месяца дохода с рынка, к сожалению. Классика занимает 37–38%, иногда до 40% в зависимости от сезонности, потому что классика начинает продаваться и интерес к ней возрастает во время учебного года. Единственным всегда растущим сегментом в России является детская литература. Как бы ни падали в продажах остальные сегменты, детский сегмент растет стабильно на 4–5% в год. Из того, что мы видим в последнее время, нам очень приятно, что стал расти сегмент интеллектуального нон-фикшн. Никогда ранее в России не пользовались популярностью книги этого сегмента – качественный, хороший научпоп, и переводной и оригинальный российский. Мы немного отстаем от некоторых других стран, например, в Штатах и Европе волна популярности сегмента подростковой литературы («young adult») была порядка 6 лет назад, а к нам она только пришла. У нас даже в библиотечном фонде нет такого рубрикатора – есть либо детская литература, либо взрослая, и книготорговые организации не умеют с этими книгами

работать. Я как мама подростка могу сказать, что, приходя в магазин, вижу: есть книги для детей и для взрослых, а для моего подростка книг нет. А чаще всего подростки сами приходят выбирать книги и тоже не понимают, где их искать. Эта проблема навигации внутри российского книжного бизнеса, внутри книжного ассортимента стоит очень остро. И поэтому для книжников-бизнесменов очень важно взаимодействие с профессиональным сообществом, которое является навигатором. Это библиотекари, преподаватели, которые за счет своего опыта могут подсказать, помочь ребенку, студенту, даже взрослому человеку сориентироваться в чтении.

Я часто слышу: «Вы ничего не издаете, абсолютно нечего читать, у вас нет авторов». Это неправда. Есть великолепные тексты и великолепные авторы, просто о них мало кто знает. Мы не можем себе позволить рекламную кампанию федерального масштаба, поэтому кто знает наших литературных лауреатов, той же «Большой книги»? Вчера были подведены итоги «Букера» (можно поздравить с победой Елену Даниловну Шубину), но я вас уверяю: месяца через три в том же Владивостоке никто не сможет ответить, кто же стал лауреатом, потому что там нет рекламной и информационной поддержки и эти книги никак не продвигаются. Что уж говорить о ситуации за рубежом: русскоязычное население по большей части отрезано от этой информации, ведь наши же СМИ считают книжный контент неинтересным. Нам нужны программы, которые популяризировали бы русских авторов, а СМИ нам отвечают: «Вы не рейтинговые, ваш книжный контент никому не нужен». Хотя я бы с этим поспорила.

Так что вопрос не в том, что издаем, а в том, как продвигаем – это для нас сейчас имеет первостепенное значение. А с точки зрения ассортимента всё в порядке: издают много, причем качественного, надо просто сформировать спрос на это качественное, а не только на массовую литературу.

Е. И. Кузьмин

Всё-таки наш круглый стол посвящен положению русского языка в мире и языковой политике Российской Федерации, поэтому я призываю всех придерживаться этой темы. Марина, сегодня было очень много выступлений прекрасных людей, которые знают, что есть и чего нет за рубежом для славистов, для русистов, которые могут продвигать, которые реально чувствуют спрос не только по наличию/отсутствию чего-то в книжных магазинах. Они общаются со школьниками, с родителями, с педагогами и говорят, что наблюдается критическое отсутствие, во-первых, учебной литературы, во-вторых, литературы методической, словарной, энциклопедической, страноведческой. Мне кажется, что в вашем докладе акцент в основном был на фикшн и нон-фикшн, а вся остальная серьезная литература не сильно попала в поле зрения.

М. Н. Абрамова

Дело в том, что библиотека school.litres.ru – это как раз школьная библиотека, это то, что нужно преподавателю, который работает с русским языком, не художественная литература и не нон-фикшн, а именно учебная литература. Мы же не можем отвечать за политику Россотрудничества и русских центров, нам остается только предлагать какие-то свои возможности. В результате моих последних командировок мы подарили несколько библиотек в русские школы, дали доступ к учебникам. Мы стараемся привезти и отдать всё, что можем. Вопрос в том, как наладить системный подход к этой проблеме. Когда преподаватели на местах говорят, что нет методической литературы, мы, издатели, готовы издавать ее по специальным ценам и даже дарить (если положение действительно трудное), но как это вместе связать какой-то одной программой? Мне кажется, что, когда мы говорим об инфраструктуре чтения, это вбирает в себя и всё чтение, и проблемы школы за рубежом, и проблемы методистов, книжников, проблемы

русских авторов, и отсутствие точек, где человек (и преподаватель, и читатель, и просто родитель) мог бы найти то, что ему нужно. Тема инфраструктуры чтения за рубежом должна быть более предметно осознана, и, возможно, необходим какой-то программный документ, потому что одно без другого не работает.

Е. И. Кузьмин

Всё, что вы говорите, – это абсолютная правда, но дело в том, что ваши люди должны тоже полностью присутствовать на таких мероприятиях, где собираются специалисты, потому что огромное количество идей пришло бы в голову тем, кто заряжен на продвижение литературы. Вы пришли, проинформировали о том, что делаете, но обратная связь минимальна, теряется огромное количество возможностей общения. У меня возник вопрос: мы слушали доклады о портале «Культура русской речи», о портале «Образование на русском». Идет разговор о том, чтобы там размещать много текстов. А вы работает с этими порталами?

М. Н. Абрамова

Видимо, эти проекты ведут какие-то субсидированные государством организации?

Е. И. Кузьмин

Даже если так, это ничего не меняет. Понимаете, возможно, от вас не потребуется ни одной копейки, просто нужно увидеть друг друга.

М. Н. Абрамова

Именно поэтому я так хотела принять участие в данном мероприятии. Я понимаю, моя тема – на грани двух разных все-

ленных. Как раз сегодня очень важно эти вселенные соединить, потому что всегда книгоиздатели жили своей жизнью, библиотекари своей (мы даже подчиняемся разным министерствам), книжные магазины решают свои проблемы, а есть еще научное сообщество, которое занимается в том числе русским языком. Однако мы все делаем общее дело, поэтому нам важно, чтобы вы услышали о том, что делает книжный бизнес, и не менее важно узнать, что думаете вы, какими практиками вы пользуетесь. Возможно, нам нужна какая-то совместная программа, связанная с инфраструктурой чтения за рубежом, с популяризацией русского языка. Без вашей научной мысли не обойтись, но и без нашей инфраструктуры книга недоступна.

Поэтому я приглашаю вас к совместной деятельности и буду очень рада услышать любую критику и предложения в наш адрес. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо вам.

Сейчас я предоставляю слово Татьяне Анатольевне Муровой, специалисту Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании.

Т. А. Мурована

Дорогие друзья, я планировала довольно стандартный доклад о том, как языки продвигаются через систему образования, в частности с помощью информационных технологий. Однако благодаря тому, что я выступаю последней, после всего богатства мыслей, акций, деятельности, подходов и взглядов, я решила изменить формат своего участия и хочу начать дискуссию, которая дальше у нас стоит по плану. И поделюсь с вами соображениями, которые у меня накопились по ходу нашей сегодняшней работы.

Освещалось очень много тем, которые важны для поддержки русского языка, для его укрепления внутри страны и продвижения за рубежом. Однако, на мой взгляд, эти проблемы озвучивались в такой тональности, словно мы считаем, что есть какие-то ответственные структуры, которые должны что-то сделать. В принципе, это правильно, ведь не мы с вами, а соответствующее ведомство должно следить за тем, чтобы на первых этажах русских центров науки и культуры были книжные магазины с русскими книгами, а не арендуемые помещения магазинов люксового сегмента (как, например, в Берлине, где в огромном Русском доме, занимающем целый гигантский квартал, первые этажи – это сплошь ювелирные украшения, часы, одежда, а магазина русской книги нет).

То же Россотрудничество, которое вместе с Министерством образования занимается продвижением русского языка за рубежом, сократило поставки учебной литературы для зарубежных русистов (или пересмотрело подход к этому вопросу). Мы констатируем эту проблему и говорим: «Ну что же мы можем сделать?» Министерство образования в предыдущие годы достаточно сильно сократило международную деятельность и свело ее к формальному исполнению неких зафиксированных взаимных обязательств по межправительственным соглашениям. Очень печально, очень грустно, но ведь этим должно заниматься Министерство образования, да? По части ЮНЕСКО: Евгений Иванович упоминал о положении русского языка в системе агентств и специальных учреждений Организации объединенных наций. С позиции человека, который 15 лет работает с ЮНЕСКО, я могу сказать, что переводом портала ЮНЕСКО на русский язык занимается человек, который является носителем русского языка, но уже в третьем поколении живет в Америке. Лексика очень специфическая, требуются особые навыки перевода, и я некоторые пресс-релизы на русскоязычной части портала читаю с болью, а некоторые просто не могу видеть, потому что это уже не русский язык, не содержание, не тексты, это катастрофа. Русскоязыч-

ная переводческая группа в ЮНЕСКО сокращена до минимума, эти ребята бьются денно и нощно, чтобы перевести хотя бы самые основные документы, выходящие в Организации. Тут, конечно, не до баловства, и действительно очень много важных документов остаются без перевода, очень много интересных книг не переводятся на русский язык – в отличие от арабского или китайского, а уж про испанский и говорить нечего. Есть сводное хранилище документов и изданий ЮНЕСКО, и, если вы поищете материалы по интересующим вас темам, то всегда можете увидеть, на какие языки переведены те или иные книги или документы. Русский язык всегда будет в конце, потому что на него действительно переведено намного меньше литературы. Это очень плохо, но... за это ведь, как будто, не мы отвечаем? Есть Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО, МИД, Постоянное представительство при ЮНЕСКО. Казалось бы, это они должны как-то влиять на эту ситуацию.

Допустим, ситуация в Греции: есть зафиксированный спрос на русский язык в той или иной форме, но нет предложения. Сегодня целый день мы так или иначе затрагиваем подобные проблемы. В выступлении Марины Николаевны прозвучала отличная формулировка: системный подход к решению этой задачи (хотя, опять же, вроде бы и не мы должны эту систему создавать – мы будем очень рады, когда она появится и даже, возможно, как-то поработаем на нее, но это не наша задача). Когда я слушала Айнара и У До, я поняла, что на самом деле всё не совсем так. Как только мы начнем понимать, что это *наша* задача, что-то изменится, я в это верю.

В качестве примера приведу ситуацию с португальским языком. Он не является официальным языком ООН, но количество ООНовских и, в частности, ЮНЕСКОвских документов и самых современных книг, переведенных на португальский язык, по-настоящему впечатляет. Это не правительство Португалии и не правительство Бразилии целенаправленно, в рамках государственной программы финансирует такую деятельность,

это делают заинтересованные специалисты, которые понимают: вышел интересный документ – его надо ввести в оборот научной или общественной мысли страны. И, скажем, документы международных конференций ЮНЕСКО, которые проводились в России по инициативе и силами Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», переводились участниками на португальский и испанский в первую очередь, потому что для людей, которые являются носителями идентичности, связанной с данными языками, это принципиально важно. Они чувствуют свою ответственность и не понимают, как может быть по-другому, как можно не сделать этот вклад. И мне кажется, что это какая-то ментальная, идеологическая вещь, на которую мы можем повлиять прямо сейчас, не дожидаясь, когда какая-то специальная правительственная комиссия примет специальные меры по продвижению русского языка за рубежом и когда это всё заработает в системном масштабе. Я подумала, что если мы здесь, значит, нас эта тема интересует, волнует, и если каждый будет делать то, что может, ситуация стопроцентно изменится.

Вернусь к теме образования, которое в последнее время мне ближе. Михаил Андреевич говорил об идеологии открытости, которая доминирует сейчас в международном дискурсе, связанном с образованием. Эта идеология на самом деле нам очень чужда, потому что, когда ты предлагаешь российскому преподавателю, профессору, автору какой-то разработки выложить его труд в открытый доступ (тем более что даже открытые лицензии или «Creative Commons» уже получили легальный статус и благословлены государством на законное существование), у них сразу возникает какой-то внутренний протест: «Как это я свое, родное, наработанное выложу? А вдруг это начнут использовать?» В начале сентября в Петербурге, в Университете аэрокосмического приборостроения мы проводили цикл открытых лекций ИИТО ЮНЕСКО, на которые пригласили самых ярких мировых специалистов по образованию, в частности, по информационным технологиям в образовании и

открытому образованию. И когда даму из Литвы, которая возглавляет Европейскую ассоциацию дистанционного образования, наш петербургский преподаватель спрашивает: «А зачем мне ваше открытое образование?», происходит столкновение менталитетов, потому что дама даже не представляет, как такой вопрос может возникнуть.

Мы еще очень далеки от идеологии открытости и от осознания пользы обмена и, как мне кажется, упускаем очень важные вещи. Эти технологии отрабатываются и развиваются за рубежом, и наши университеты, информационные центры, библиотеки проигрывают именно из-за того, что не отработали их. А ведь увеличение количества интересных и полезных материалов на русском языке в сети Интернет достаточно сильно может влиять на ситуацию, связанную с закреплением наших подходов к преподаванию в странах СНГ. Понятно, что они берут то, что разрабатываем мы. Их пытаются убедить перейти на другие разработки: например, несколько лет назад немало сил и денег было потрачено на то, чтобы ввести киргизско-английские юридические словари. Не было киргизско-русских юридических словарей, потому что вся эта сфера в Киргизии априори работала с русскоязычной терминологией. И вот эту нишу тут же заняли, введя киргизско-английские словари, потом программы по юриспруденции на английском, и в итоге подготовка в этой сфере идет уже не по нашим методикам, а по другим. Но ведь каждая интересная наработка на русском языке, выложенная в сети Интернет, помимо того, что помогает своему автору в разных других аспектах, с точки зрения нашего круглого стола дает возможность укрепления связей со специалистами из других стран, в особенности тех, которые, как нам сегодня рассказывали, являются приоритетной зоной потенциального роста и развития влияния русского языка.

Интересный факт: нам озвучивают цифры, согласно которым, скажем, половина жителей Азербайджана не понимает русский язык в том объеме, который позволял бы читать материалы в Интернете, смотреть русские телепрограммы и

фильмы. Однако на самом деле это не совсем так. Для примера: рабочими языками конференции ЮНЕСКО, проведение которой планируется в Ташкенте на деньги крупной китайской компании, будут английский и русский. Сами узбеки, получив китайские деньги и организовав форум совместно с ЮНЕСКО, говорят: «Нет-нет, давайте работать на русском, иначе мы не извлечем пользу из этого мероприятия для своей страны, для своих специалистов». Вот те самые возможности роста, которые пока сохраняются. Дай бог, чтобы появилась некая системная многоаспектная политика продвижения русского языка за рубеж, которая функционировала бы эффективно! Однако мне кажется, что важнее, чтобы каждый из нас, подобно тем португальским ребятам, которые спешат к себе в страну, чтобы потратить собственное время на перевод международного документа и показать его коллегам, стремился перевести какие-то информативные и полезные документы на русский или перевести русскую статью на английский, немецкий, китайский и т.д., запуская тем самым наше видение на их языках. Ведь, с одной стороны, мы продвигаем русский язык и контент на нем за рубеж, а с другой стороны, можем использовать их языки, чтобы делиться своей картиной мира, своим видением, которое востребовано. Спасибо за то, что наш президент позволяет использовать его как объект культурного экспорта и некий привлекательный гуманитарный продукт, и каждый из нас, почувствовав собственную ответственность за силу страны, за силу языка и культуры, может принять участие в этих процессах.

Е. И. Кузьмин

Я хочу вас поддержать в этом. Собственно, цель наших круглых столов ведь не только в том, чтобы донести до аудитории позицию тех людей, которые в теме, которые обладают неким видением, но и в том, чтобы убедить, что для продвижения русского языка и России необходимо осознавать себя

как носителей русской культуры, которая действительно чрезвычайно востребована за рубежом, но очень мало делает для собственного продвижения. Во всем мире нас знают как бессловесных творцов культуры. Всем известны наши художники, танцоры, певцы, музыканты, а нас как мыслящих людей знают гораздо хуже, в первую очередь оттого, что мы не говорим (или плохо говорим) на иностранных языках, долго не ездили за границу, иностранцев к нам сейчас приезжает меньше, мы меньше учим.

Заместитель министра образования Вениамин Шаевич Каганов, который курирует эти темы, две недели назад сказал, что у нас в России сейчас по программам очного образования учатся 130 тысяч студентов плюс 60 тысяч по программам заочного образования, и еще примерно столько же учатся в наших Славянских университетах за границей. Он сравнил общую цифру с советским временем и сказал, что в ту пору в самом лучшем случае было 129 тысяч студентов. После него выступал посол Республики Бенин, патриот России, председатель группы русскоговорящих послов в России, который призывал к более активному продвижению всего на русском языке. Что мы на сегодняшний день имеем? Усилия интеллектуальные и организационные, а также финансовые вложения по линии правительства. Министерство образования, Россотрудничество, МИД, Фонд «Русский мир» что-то делают. Ясно, что они делают полезное дело, но в недостаточных объемах. Трудно прогнозировать, что это может в разы возрасти. А что может возрасти? То, до чего у правительства не дойдут руки, о чем даже мысли может не возникнуть. Татьяна привела пример: русско-киргизского юридического словаря нет, а англо-киргизский есть. Кому в голову в Россотрудничестве придет в голову такое? Это может прийти в голову только каким-то ответственным профессионалам, желающим продвигать себя в рамках профессиональных сообществ. Поэтому профессиональные сообщества должны включаться в активную работу по продвижению нашего языка.

Вот в библиотечном деле мы в плане автоматизации отставали не от всего мира, но от ряда стран (сейчас мы их даже, вроде бы, почти догнали), однако в вопросах реставрации книг, обеспечения сохранности фондов мы на одном из первых мест. У нас потрясающие школы, здесь, в Российской национальной библиотеке, в других местах. А сколько мы перевели на английский язык? От силы малую долю от того огромного объема знаний, которые нами накоплены. На французский, немецкий языки не переводили вообще. Никогда не обращались за грантами, никогда не предпринимали усилий, чтобы кто-то профинансировал деятельность по переводу наших материалов на иностранные языки. Профессионалы должны вовлекаться в эту деятельность, но это возможно, только если они будут понимать весь объем проблем, реальное положение дел и если кто-то их мотивирует на эту деятельность. Мы в определенной степени видим в такой роли себя. Мы старались организовать такое мероприятие, чтобы показать (насколько это возможно за 5 часов) объем проблем с продвижением русского языка в разных странах, в профессиональных сообществах, среди студентов, в сфере образования. Чтобы рассказать о том, что такое многоязычная Россия.

Мы – удивительный пример для других стран. Очень много стран в Африке, Азии, Латинской Америке с огромным удовольствием воспримут опыт поддержки культурного и языкового разнообразия, накопленный в Российской империи, в Советском Союзе, в сегодняшней капиталистической России. Это всё чрезвычайно интересно. Я полностью согласен с тем, что, помимо продвижения своего языка, нужно продвигать себя на языках других стран. Поддерживаю призыв Татьяны.

Подводя итоги сегодняшней встречи, хочу поблагодарить тех, кто потратил время и силы, выбрал именно нашу площадку, слушал и обдумывал услышанное здесь. Это значит, что для вас данная тема живая, волнующая. Я призываю вас объединять усилия, транслировать дальше эти мысли и пожелания. Есть

ощущение необходимости активизировать собственные силы и направлять их на сохранение присутствия русской культуры, русской науки, русского образования, русского взгляда на мир в окружающем нас культурном пространстве.

В заключение я отдельно благодарю Зою Васильевну и эту прекрасную библиотеку за гостеприимство.

Спасибо всем за участие и за внимание.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**Языковая политика Российской Федерации
и положение русского языка в мире**

Материалы круглых столов

Выпуск 1

Составители: *Е. И. Кузьмин, А.В. Паршакова*

Редактор: *А. В. Паршакова*

Корректор: *Е. Г. Сербина*

Компьютерная верстка: *И. М. Горюнов*

Ответственный за выпуск: *С. Д. Бакейкин*

Издатель:

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества
(МЦБС)

105066, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр. 1

Тел./факс: +7 (499) 267 3334

E-mail: mcbs.ru

Подписано в печать 18.09.17 г.

Формат 60 x 90/16

Объем 16,5 печ.л.

Тираж 1000 экз.